

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4 (23) 2018

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре).
Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Семятко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Коркунова О. В., д-р филос. наук, доцент

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригез-Бланко В., профессор (Гилфорд, Соединенное Королевство Великобритании
и Ирландии)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Степанов С. А., д-р юрид. наук, профессор

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

4 (23) 2018

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief

L. A. Zaks, Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Deputy Editors-in-Chief

L. A. Myasnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Prof. ("Philosophical sciences" branch)

S. A. Mitsek, Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. ("Economic Sciences" branch)

A. P. Semitko, Doctor of Legal Sciences, Prof. ("Legal sciences" branch)

The editorial board:

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Mitsek E. B., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Svetlov N. M., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Taras'ev A. M., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof.

Khmelkova N. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Arkipov S. I., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Glushkova S. I., Doctor of Political Sciences, Associate Prof.

Kurchenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Neznamova Z. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Semyakin M. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Brandt G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Zaitsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Korkunova O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Kruglova T. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Pertsev A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof,

founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus

Krasovskii A. A., PhD (Doctorat) (Vienna-Laxenburg, Austria)

Palokangas T., PhD (Doctorat), Prof. (Helsinki, Finland)

Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)

Rudenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

Rutkevich A. M., Doctor of Philosophical Sciences, Prof. (Moscow)

Stepanov S. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Zhu B., PhD (Doctorat), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	5
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i>	
Региональное развитие и совокупная факторная производительность в регионах России	6
<i>Головчин М. А.</i>	
Экосистемный подход как альтернатива для развития социальных инноваций в регионе	33
<i>Божнева Н. И.</i>	
Тенденции кредитования для субъектов малого и среднего предпринимательства в России ...	45
<i>Губанова И. Ф.</i>	
Ипотечное страхование в РФ: современные тенденции развития и проблемы	53
<i>Денисова Т. И., Мокеева Н. Н., Межецкая А. Л.</i>	
«Золотой год» ипотечного кредитования	59
<i>Паньков В. А.</i>	
Системная смена. Разделение банков на универсальные и базовые	65
Юриспруденция	73
<i>Пантелеев В. Ю.</i>	
Построение эффективной системы защиты прав граждан – основная задача судебной реформы в РФ	74
<i>Родригез-Бланко В.</i>	
Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции. Часть 1	91
<i>Равочкин Н. Н.</i>	
Аналитическая философско-правовая традиция: особенности юридического языка и концепция Г. Харта	102
<i>Дегерг М.</i>	
Развитие принципа предосторожности во французском административном праве	110
<i>Султанов А. Р.</i>	
Свобода совести, цензура: прошлое и настоящее	128
Философия	145
<i>75-летию доктора философских наук, профессора Д. В. Пивоварова посвящается</i>	146
<i>Закс Л.</i>	
О Данииле Валентиновиче Пивоварове	147
<i>Кузнецова О. В., Шумкова В. А.</i>	
Биографическая справка	149
<i>Пивоваров Д. В.</i>	
Религиозно-философские представления о духовности, душевности и плотяности человека	152
<i>Фархитдинова О. М.</i>	
Современный ученый-созидатель: философия религии Даниила Валентиновича Пивоварова	158
<i>Князев В. М.</i>	
Онтология религии Д. В. Пивоварова – метафизика нашего времени	163
<i>Рыжкова Г. С.</i>	
«Христианская теология» Д. В. Пивоварова	168
<i>Коркунова О. В.</i>	
Дух и духовное развитие человека с позиций теософии	173
<i>Батюта Е. А., Белоусова Е. В.</i>	
Понимание магии: интегративный подход в творчестве Д. В. Пивоварова	187
Научные события	193
<i>Литвинова И. Н., Глушкова С. И.</i>	
Права человека в условиях вызовов, угроз, рисков XXI века (обзор материалов конференции)	194
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	201

Contents

Economics	5
<i>Mitsek S. A., Mitsek E. B.</i>	
Regional Development and Total Factor Productivity in the Regions of Russia	6
<i>Golovchin M. A.</i>	
Ecosystem Approach as an Alternative Way for Development of Social Innovations in the Region	33
<i>Bozhneva N. I.</i>	
Trends in Lending for Small and Medium-Sized Businesses in Russia	45
<i>Gubanova I. F.</i>	
Mortgage Insurance in Russia: Current Trends and Problems	53
<i>Denisova T. I., Mokeyeva N. N., Mezhetskaya A. L.</i>	
"GoldenYear" of Mortgage Lending	59
<i>Pan'kov V. A.</i>	
System Shift. Universal and Basic Banks Division	65
Law	73
<i>Panteleev V. Y.</i>	
Creating an Effective System of Protecting the Rights of Citizens is the Main Task of Judicial Reform in the Russian Federation	74
<i>Rodriguez-Blanco V.</i>	
Is Finnis wrong? Understanding Normative Jurisprudence. Part 1	91
<i>Ravochkin N. N.</i>	
Analytical Philosophical and Legal Tradition: Legal Language Features and H. Hart's Concept	102
<i>Deggert M.</i>	
Development of the Principle of Precaution in the French Administrative Law	110
<i>Sultanov A. R.</i>	
Freedom of Conscience, Censorship, their Past and Present	128
Philosophy	145
<i>On the 75th Anniversary of Doctor of Philosophical Sciences, Professor Daniil Valentinovich Pivovarov</i>	146
<i>Zaks L. A.</i>	
About Daniil Valentinovich Pivovarov	147
<i>Kuznetsova O. V., Shumkova V. A.</i>	
Curriculum Vitae	149
<i>Pivovarov D. V.</i>	
Religious Philosophical Ideas of Human's Spirituality, Soulfulness and Fleshliness	152
<i>Farkhitdinova O. M.</i>	
The Modern Scientist-Creator: Philosophy of Religion by Daniil V. Pivovarov	158
<i>Knyazev V. M.</i>	
Ontology of Religion D. V. Pivovarov – Metaphysics of our Time	163
<i>Ryzhkova G. S.</i>	
"Christian theology" of D. V. Pivovarov	168
<i>Korkunova O. V.</i>	
Spirit and the Spiritual Development of Man from the Standpoint of Theosophy	173
<i>Batyuta E. A., Belousova E. V.</i>	
Understanding Magic: Integrative Approach through D. V. Pivovarov's Works	187
Scientific Events	193
<i>Litvinova I. N., Glushkova S. I.</i>	
Human Rights amid Challenges, Threats, Risks of the 21 st Century (the Conference Materials Overview)	194
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	201

|| ЭКОНОМИКА

Региональное развитие и совокупная факторная производительность в регионах России

На основе функции Кобба – Дугласа с постоянной отдачей от масштаба авторы изучают совокупную факторную производительность в регионах России по состоянию на 2014 год и ее рост за 2000–2014 годы. Авторами оценены эконометрические уравнения величины и динамики совокупной производительности в зависимости от различных факторов.

На основе расчетов показано, что наибольшее количество производственных ресурсов получали регионы с наименьшей динамикой совокупной производительности, и наоборот. Также показано, что на рост производительности положительное влияние оказывают как факторы новой экономики (обеспеченность компьютерами и Интернете, развитие новых технологий), так и традиционной экономики (обеспеченность жильем и продовольствием, удельный вес молодежи в численности населения и т. д.).

Факторы, которые оказали самое сильное отрицательное влияние на рост производительности, – употребление крепкого алкоголя и преступность.

Авторами делается вывод о том, что для ускорения экономического роста регионов России требуется более рациональное инвестирование средств в основной капитал, а также повышение инвестиций в науку и образование.

Ключевые слова: Российская Федерация; региональная экономика; совокупная факторная производительность; эконометрическое моделирование.

1. Введение

Данная статья представляет собой краткое изложение результатов нашей более ранней работы [7] и их переосмысление с учетом новых данных и результатов, полученных нами в других исследованиях. Наша задача состояла в том, чтобы, во-первых, проанализировать ресурсное обеспечение экономики регионов России и его изменение, во-вторых, провести расчеты совокупной факторной производительности (СФП) регионов России и ее динамику.

Еще одной задачей, которую ставили перед собой авторы, было выявить факторы, повлиявшие как на объем полученных регионом ресурсов, так и на величину и динамику СФП, и, в-третьих, сделать выводы и рекомендации на основе полученных расчетов. Наконец, на основе проведенного исследования, мы попытались сделать выводы и дать рекомендации относительно развития регионов России и страны в целом¹.

* **Сергей Александрович Мицек**, д-р экон. наук, декан факультета бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sergey.mitsek@gmail.com

** **Елена Борисовна Мицек**, д-р экон. наук, завкафедрой менеджмента и маркетинга, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: emitsek@yandex.ru

¹ Ранее проблема исследовалась в работах А. Мясникова (см.: [34]). Автор ограничивается вычислением СФП без определения факторов, на нее влияющих. Как следует из текста, эластичность выпуска по капиталу в работе унифицирована по всем регионам. Аналогичная работа была выполнена по регионам Италии (см.: [22]). Авторы оценивают регрессию СФП на расходы на R&D, число ученых, уровень образования, инвестиции в инфраструктуру, плотность населения и преступность, разделяя выборку на север и юг страны. Также была выполнена работа по Казахстану (см.: [40]), где автор изучает наличие конвергенции между регионами этой страны. Beugelsdijk и соавторы (см.: [24]) изучают влияние различных факторов на СФП регионов Европы.

II. Методология

1. Расчет зависимых переменных

Для расчета объема ресурсов нами была использована простая формула Кобба – Дугласа²:

$$X = K^\alpha L^{1-\alpha}, \quad (1)$$

где X – совокупный объем ресурсов;

K – объем основных фондов;

L – численность занятых;

α – эластичность выпуска по капиталу.

Иными словами, нами была использована двухфакторная формула объема ресурсов. Причиной тому было, во-первых, отсутствие статистических данных о затратах других факторов в экономике регионов России – материалов, энергоносителей и т. д. Во-вторых, данные о площади сельскохозяйственных угодий, статистика по которым имеется, нами не были использованы по той причине, что сельское хозяйство занимает сейчас небольшую долю экономики России.

Тем не менее данные о площади сельскохозяйственных угодий и территории региона в целом использовались нами в качестве факторов, влияющих на совокупный объем ресурсов и СФП в регрессионных уравнениях. Таким образом косвенно влияние переменной земельных площадей все же было учтено.

В-третьих, нами была использована предпосылка многих исследований в этой области об отсутствии взаимозаменяемости между трудом и капиталом, с одной стороны, и прочими факторами производства – с другой, но одновременно о наличии таковой между трудом и капиталом. Конечно, доказать данный факт без статистических данных и эконометрического оценивания производственных функций невозможно. Поэтому данную предпосылку следует рассматривать лишь как допущение.

Еще одной предпосылкой нашего исследования было приравнивание эластичности по капиталу α к удельному весу валовой прибыли в валовом региональном продукте (ВРП)³. Соответственно, величина $1 - \alpha$ равна удельному весу валовой зарплаты в ВРП. Мы были вынуждены использовать такой подход потому, что не могли оценить производственные функции отдельно по каждому региону просто из-за отсутствия статистических данных⁴.

Ясно, что при таком подходе величины α и $1 - \alpha$ различаются по регионам.

Соответственно, величина совокупной факторной производительности (СФП) вычисляется по следующей формуле:

$$A = \frac{Q}{X}, \quad (2)$$

где Q есть ВРП, A – совокупная факторная производительность.

² Подобный подход признан основным в классической обзорной работе Сиверсона (см.: [39]). Удобство такого подхода в том, отмечает Чад Сиверсон, что функцию Кобба – Дугласа можно использовать в качестве аппроксимации первого порядка любой производственной функции. Савес и соавторы (см.: [26]) применяют транслогарифмическую функцию как аппроксимацию второго порядка, она более точная, но требует больше данных.

³ Косвенные налоги были исключены из расчетов.

⁴ То, что подобный подход вполне допустим при измерении совокупной производительности, обосновано в упомянутой выше работе Ч. Сиверсона [39].

2. Этапы исследования

Данное исследование состоит из двух этапов. Первый этап можно назвать «фото» для 2014 года. На этом этапе все переменные используются в значениях для этого года, при этом ВРП и основной капитал указываются в ценах этого года. Поэтому оценки соответствующего уравнения подвержены влиянию соотношения цен, в которых рассчитываются эти две переменные⁵.

Тем не менее данный расчет имеет смысл, так как отражает благосостояние региона и прибыльность бизнеса на его территории. Оба этих показателя зависят от цен.

Второй этап касается динамики ресурсов и СФП двух периодов: 2000–2008 и 2008–2014. На этом этапе все расчеты осуществлялись в неизменных ценах 2008 года. Соответственно они отражают, строго говоря, рост ресурсов и СФП.

Почему нами были выбраны именно эти периоды? Потому, что макроэкономическую динамику России в XXI веке можно разделить на три этапа: период 2000–2008 – «взлет»; 2008–2014 – «торможение»; 2014 и по сей день – стагнация. Рисунок 1 дает пояснение такой градации.

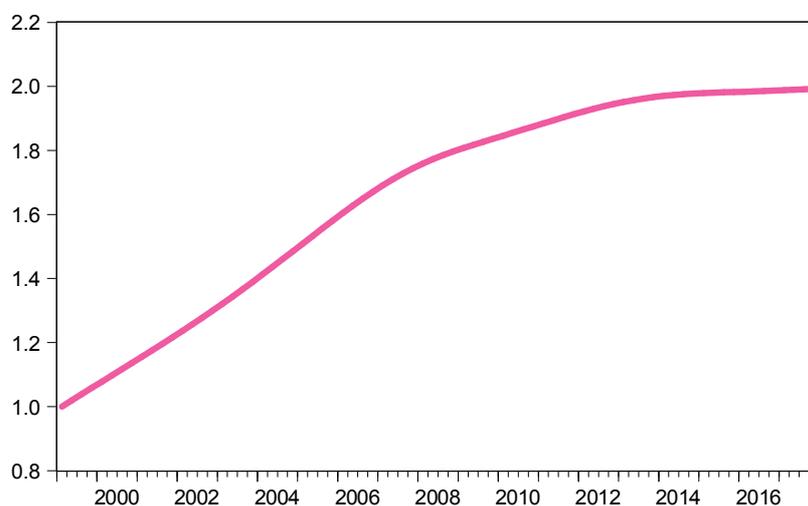

Рис. 1. Индекс ВВП России (квартальные данные; Q1 1999 = 1);
сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1600^6$

Формулы для первого этапа:

$$X_i = K_i^{\alpha} L_i^{1-\alpha}, \quad (3)$$

$$A_i = \frac{Q_i}{X_i}, \quad (4)$$

где «i» есть индекс региона.

Формулы для второго этапа. Рост совокупных ресурсов:

⁵ Они могут также отражать разницу в налогообложении между регионами. Но российская региональная статистика, относящаяся к нашему исследованию, по крайней мере с 2013 года, очищена от основных объемов косвенных налогов. Средняя доля последних в ВРП равна 1,6 %, а стандартное отклонение между регионами – 0,45 процентных пункта.

⁶ Расчет авторов на основе статистики национальных счетов: [8].

$$\frac{X_{1i}}{X_{0i}} = \left(\frac{K_{1i}}{K_{0i}} \right)^{\bar{\alpha}} \left(\frac{L_{1i}}{L_{0i}} \right)^{1-\bar{\alpha}}, \quad (5)$$

где 0 и 1 представляют собой индексы базового и текущего года соответственно. Базовым годом на первом шаге второго этапа являлся 2000-й, текущим – 2008-й; на втором шаге базовым годом являлся 2008-й, текущим – 2014-й.

Символы $\bar{\alpha}$ и $1 - \bar{\alpha}$ означают, соответственно, среднее за период значение удельного веса валовой прибыли и валовой зарплаты в ВРП (очищенные от косвенных налогов).

Рост совокупной производительности:

$$\frac{A_{1i}}{A_{0i}} = \frac{Q_{1i}}{Q_{0i}} \div \frac{X_{1i}}{X_{0i}}. \quad (6)$$

3. Независимые переменные

В нашем исследовании оценивались регрессионные зависимости таких переменных, как СФП для 2014 года и *рост* СФП и ресурсов для периодов 2000–2008 и 2008–2014, от различных других переменных. Выбирая регрессоры, мы сознательно исключали из их списка те, которые сами могли быть *непосредственным* результатом роста ресурсов и/или производительности. Среди них такие величины, как прибыль, зарплата, инвестиции, цены и т. д.

Для отражения, по крайней мере, косвенного влияния этих опущенных переменных нами использовались *фиктивные* переменные для отдельных регионов и *структурные* переменные, показывающие удельный вес отдельных видов деятельности в экономике региона. Поскольку включаемые в уравнения регрессоры нередко отражают лишь косвенное влияние на динамику ресурсов и/или производительности, их можно, в какой-то мере, рассматривать в качестве *инструментов*.

Эти инструменты могут быть разделены на следующие группы:

1) **структурные** переменные: удельный вес отдельных видов деятельности в ВРП и различных отраслей в совокупном объеме обрабатывающей и добывающей промышленности (всего 24 переменные);

2) **демографические** переменные: половозрастная структура населения и коэффициенты динамики населения (всего 8 переменных);

3) **социальные** переменные: заболеваемость, преступность, жилищные условия, уровень образования, потребление крепкого алкоголя (всего 5 переменных);

4) **инфраструктурные** переменные: густота сети дорог, железных дорог, наличие телефонов и проч. (всего 7);

5) **технологические** переменные: использование новых технологий, персональных компьютеров, Интернета и проч. (всего 13 переменных);

6) **экономические** переменные: удельный вес экспорта и импорта в ВРП, численность занятых на предприятиях с иностранной собственностью, износ основного капитала и т. д. (всего 7 переменных);

7) **экологические** переменные: загрязнение воздуха и воды и площадь лесов (3 переменные);

8) **фиктивные** переменные для каждого региона (82 минус одна) и федерального округа (8 минус одна). Из выборки были исключены Чеченская Республика и регионы Крымского округа из-за отсутствия данных за прошлые годы.

Полный перечень переменных читатель может найти в указанной в примечании 1 монографии, Приложение 3.

Поскольку мы имеем относительно большое число потенциальных инструментов при относительно небольшой выборке, необходим был *критерий их отбора*. Данный критерий состоял из следующих шагов.

1. На первом шаге в регрессию включались только структурные переменные как наиболее важные с точки зрения характеристики специфики региона. Среди них отбирались статистически существенные переменные.

2. На втором шаге в регрессию включались остальные переменные. Переменная включалась в уравнение лишь в том случае, если она улучшала какой-либо информационный критерий. В качестве базового был взят критерий Акайке (Akaike).

3. На третьем шаге в уравнение включались фиктивные переменные лишь в том случае, если они оказывались существенными.

4. Проблемы эндогенности и причинности

Такие проблемы могли возникнуть, поскольку зависимые переменные гипотетически могли оказывать влияние на независимые переменные даже при принятом нами принципе отбора. Чтобы избежать их, нами использовались следующие процедуры.

1. Тест Гренджера: но его применение в используемой нами перекрестной выборке носит двусмысленный характер, он применяется обычно для динамических рядов.

2. Включение лаговых переменных.

3. Использование приростов вместо исходных данных.

4. Конструирование специальных инструментов и применение двухшагового метода наименьших квадратов (2SLS).

Подробное описание примененных процедур читатель найдет в указанной выше монографии.

III. Данные и выборка

В качестве источника данных (если специально не указано иное) нами использовался справочник Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» [13].

В качестве выборки нами использовались чисто перекрестные выборки по 82 регионам России для 2014 года в текущих ценах на первом этапе и для 2000, 2008 и 2014 годов в ценах 2008 года на втором этапе.

IV. Методы оценивания

1. Обыкновенный метод наименьших квадратов (OLS) – преимущественно.

2. Инструментальные переменные (IV) и двухшаговый метод наименьших квадратов (2SLS) – дополнительно.

V. Априорные проблемы

1. Мы принципиально не использовали для оценивания панельную выборку. Причина в том, что подобная выборка отразит в параметрах уравнения два разных эффекта: различия между регионами и динамику во времени каждого региона. Мы же хотим оценить именно первый эффект.

Для того чтобы полностью устранить это различие, мы должны вставить фиктивные переменные при *всех* параметрах уравнения, а не только при свободном

члене⁷. В противном случае нам придется ввести гипотезу об однородности или близости экономик регионов в выборке, в уравнениях которых могут различаться только свободные члены, что для России, где даже соседние регионы могут сильно различаться, явно нереалистично.

2. Данные, которые нам пришлось использовать, неполны и неточны. Самый очевидный пример состоит в том, что по многим показателям Россия как сумма регионов не равна значению этих же показателей для России в целом.

3. Мы имеем дело с высокоагрегированными данными. Но Россия отличается большой степенью специфики большинства регионов и видов деятельности. Мы пытались отразить эти эффекты с помощью фиктивных переменных, но последние, как известно, лишь фиксируют, но не *объясняют*.

4. Все вместе отмеченные выше проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований рассматриваемых вопросов.

VI. Результаты

1. Первая стадия: фото для 2014 г.

1.1. Регионы

Таблица 1

Регионы с наибольшими ресурсами по итогам 2014 года

Регион	Доля в ВВП России, %	Доля в совокупной численности занятых России, %	Доля в основном капитале России, %
г. Москва	21,86	9,83	19,67
Ханты-Мансийский АО	4,82	1,23	6,58
Ямало-Ненецкий АО	2,75	0,45	5,39
Сахалинская область	1,35	0,37	1,48
Краснодарский край	3,06	3,47	2,90
Всего	33,8	15,3	36,0

Таблица 2

Регионы с наивысшей и самой низкой СФП по итогам 2014 года

Регионы	
С наивысшей СФП	С самой низкой СФП
Чукотский АО	Ханты-Мансийский АО
Магаданская область	Ямало-Ненецкий АО
Камчатский край	Сахалинская область
Республика Тыва	Оренбургская область
Хабаровский край	Тюменская область
	Республика Дагестан
	Ненецкий АО

⁷ Заметим, что известные эконометрические методы оценки по панельной выборке, называемые «fixed effect» и «random effect», также фиксируют различия лишь свободных членов. Проблема второго из названных методов также состоит в том (и о чем редко упоминают), что он не гарантирует нормальности остатков, отражающих этот эффект. Интересующийся читатель может подробнее изучить данную проблему в известной работе Johnston и Di Nardo [31, ch. 12]; см. также работу W. Green [28, p. 267–272].

Таблицы 1–2 позволяют сделать следующие выводы.

1. Регионы с самым большим объемом ресурсов – это г. Москва, основные нефтедобывающие регионы и Краснодарский край.

2. Регионы с наивысшей величиной СФП расположены преимущественно на Дальнем Востоке и специализируются на добыче золота и некоторых других видах деятельности⁸.

3. Регионы с самой низкой СФП – в основном нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие регионы.

4. Республика Дагестан имеет низкое значение СФП, возможно, по политическим причинам.

5. Регионы с наивысшей СФП имеют малую долю в ВВП России: всего около 1,5 %.

6. Регионы с самой низкой СФП имеют большую долю – 12,6 % ВВП России.

7. Такой результат не является простым совпадением: ранговая корреляция между ВРП и СФП равна -0,235. Средний ранг СФП 10 крупнейших регионов, производящих 51,8 % ВВП России, равен 52.

Полученные результаты говорят о необходимости:

- а) повышения производительности нефтегазовой отрасли;
- б) улучшения администрирования больших регионов⁹;
- с) увеличения инвестирования в не-нефтяные сибирские и дальневосточные регионы.

1.2. Факторы

В таблицах 3 и 4, равно как и в нижеследующих таблицах, где речь идет о факторах, влияющих на ту или иную величину, указаны лишь те из них, которые оказывают *наиболее мощное* влияние на зависимую переменную. Под наиболее мощным влиянием мы будем понимать тот факт, что эластичность зависимой переменной по данной переменной *по модулю* превышает 0,1.

Таблица 3

Факторы с наибольшим положительным влиянием на значение СФП, 2014

Переменная	Значение
WOMEN	Удельный вес женщин в населении региона
HIGH_ED	Удельный вес работников с высшим образованием в совокупной занятости региона
HEA	Здравоохранение как доля ВРП
EFOREIGN	Доля занятых в организациях с иностранной собственностью в совокупной занятости региона
REA	Операции с недвижимостью как доля ВРП
NEW TECH	Новые технологии на единицу совокупных ресурсов региона
TRA	Торговля как доля ВРП

⁸ В таблице 2 указаны только регионы с наибольшим отклонением от средних значений СФП по России. Если взять первые 30 регионов с наивысшей СФП, то 9 из них находятся в Сибирском округе, 7 – на Дальнем Востоке, 7 – в Центральном округе и 7 – в остальных округах.

⁹ Данный вывод верен и для города Москвы и Краснодарского края: относительная величина их СФП равна 0,94 и 0,76 соответственно, если принять СФП по всей России за 1.

Факторы с наибольшим отрицательным влиянием на значение СФП, 2014

Переменная	Значение
EGOVMMUN	Доля занятых в организациях с государственной и муниципальной собственностью в совокупной занятости региона
STR	Строительство как доля ВРП
PETROL	Производство нефтепродуктов и т. д. как доля обрабатывающей промышленности региона

Попробуем объяснить полученные результаты.

1. Положительное влияние новых технологий, образованных работников и компаний с иностранной собственностью на СФП региона очевидно и не нуждается в комментариях¹⁰.

2. Появление таких видов деятельности, как торговля и операции с недвижимостью, среди сильных положительных факторов может быть объяснено высокой оборачиваемостью финансовых ресурсов в этих отраслях.

3. Положительное влияние удельного веса здравоохранения в ВРП может быть объяснено тем фактом, что оно способствует снижению заболеваемости, что является ключевым условием роста производительности¹¹.

4. Появление удельного веса женщин в населении региона среди положительных факторов может быть объяснено тем, что женщины весьма часто являются более лояльными и менее склонными к алкоголю работниками¹².

5. Виды деятельности, попавшие в таблицу с отрицательным влиянием, могут отражать тот факт, что высокие технологии распространены там не столь сильно, а также влияние соотношения цен¹³.

1.3. Проблемы

В некоторых спецификациях уравнения СФП для 2014 года положительное влияние на эту величину оказывают такие переменные, как загрязнение воды и воздуха, удельный вес лиц пенсионного или близкого к пенсионному возраста¹⁴. Также в некоторых спецификациях влияние таких переменных, как наличие компьютеров и телефонов, оказывается отрицательным.

Данные результаты могут явиться следствием:

- ❖ эксплуатации природных и трудовых ресурсов без должных инвестиций в улучшение человеческого и природного капитала;
- ❖ неэффективной эксплуатации технологий в отдельных регионах;
- ❖ влияния ценового фактора;
- ❖ неполного устранения обратного влияния зависимых переменных на инструменты;
- ❖ неполноты и неточности данных.

В целом полученные результаты позволяют сделать следующий предварительный вывод. На величину СФП в регионах России положительно влияют фак-

¹⁰ На данных Финляндии такая зависимость показана в работе Ilmakunnas и соавторов (см.: [30]).

¹¹ По официальным данным, 78,5 % граждан России страдают от каких-либо болезней [5].

¹² Женщины в России доминируют в таких сферах как образование, здравоохранение и торговля, и часто занимают руководящие позиции. При этом средняя зарплата женщин в России составляет лишь 72 % от средней зарплаты мужчин (см.: [4; 3]).

¹³ Гипотетически на величину СФП региона может оказать влияние помощь федерального центра. Но в оцененных нами уравнениях соответствующая переменная оказалась несущественной.

¹⁴ Тем не менее, это также не лишено основания: в упомянутой выше работе [30] производительность положительно зависит от возраста работников.

торы новой экономики, такие как новые технологии, человеческий капитал, а также иностранная собственность. Но одновременно на нее влияют и факторы старой экономики, к которым можно отнести интенсивную эксплуатацию физического, природного и человеческого капитала, в то время как новые технологии используются не всегда эффективно. Из этих результатов также следует, что они нуждаются в уточнении и проверке на основе вновь полученных данных.

2. Вторая стадия: динамика 2000–2008 годов

2.1. Динамика ресурсов

2.1.1. Регионы

Таблица 5

Регионы с наивысшей динамикой роста ресурсов, 2000–2008 гг.

Регион	Индекс роста совокупных ресурсов
Ненецкий АО	3,15
г. Москва	2,64
Ямало-Ненецкий АО	2,37
Ханты-Мансийский АО	1,61
Республика Ингушетия	1,46
Московская область	1,42
Сахалинская область	1,42

Таблица 6

Регионы с самой низкой динамикой роста ресурсов, 2000–2008 гг.

Регион	Индекс роста совокупных ресурсов
Магаданская область	0,89
Хабаровский край	0,88
Республика Адыгея	0,84
Республика Кабардино-Балкария	0,84
Республика Марий Эл	0,84

1. Таблица 5 показывает, что львиную долю ресурсов в 2000–2008 гг. получили богатейшие нефтяные регионы, город Москва и Московская область¹⁵.

2. Регионы с самым низким ростом ресурсов в 2000–2008 гг. (не только те, что отмечены в таблице 6) – это не-нефтяные регионы Дальнего Востока, Центра, Поволжья, некоторые национальные республики.

¹⁵ Республика Ингушетия, возможно, показала такой высокий индекс роста ресурсов по политическим причинам.

2.1.2. Факторы

Таблица 8

Факторы с наибольшим положительным влиянием
на рост ресурсов, 2000–2008 гг.

Переменная	Значение
YOUTH	Доля лиц моложе трудоспособного возраста в совокупном населении региона
HEA	Здравоохранение как доля ВРП
PC1	Число персональных компьютеров на 100 работников
TEL_C	Число стационарных телефонов на 1 000 городских жителей
GOV	Государственное управление как доля ВРП
TRA	Торговля как доля ВРП

Таблица 8

Факторы с наибольшим отрицательным влиянием на рост ресурсов,
2000–2008 гг.

Переменная	Значение
EDU	Образование как доля ВРП
WATER	Загрязнение воды на душу населения

Таблица 7 показывает, что основными факторами, оказавшими положительное влияние на рост ресурсов в 2000–2008 гг., были:

- доля молодежи в населении региона;
- удельный вес таких видов деятельности, как торговля, здравоохранение и государственное управление;
- показатели развития сферы ИКТ (компьютеры и телефоны).

В свою очередь, таблица 8 показывает, что факторами, оказавшими наиболее отрицательное влияние на рост ресурсов в 2000–2008 гг., были загрязнение воды и удельный вес образования в ВРП. Если негативное влияние первого может иметь рациональное объяснение, то появление второго в таблице 8 отражает трагический факт пренебрежения образованием в современной России. Иллюстрацией тому могут служить рис. 2, таблица 9¹⁶, данные Всемирного банка [37, р. 30], согласно которым удельный вес государственных расходов на образование и здравоохранение как доли ВВП в России заметно ниже, чем в странах ОЭСР.

В уравнении динамики ресурсов 2000–2008 годов большую роль играют *фиктивные переменные*, отражая специфику регионов. Для города Москвы и основных нефтедобывающих регионов параметры при них являются существенными и положительными, отражая их приоритет в получении ресурсов. Для города Москвы этот приоритет состоит в его столичном статусе и роли, которую он играет в политической и экономической жизни страны. Для нефтяных регионов этот приоритет является следствием выгоды инвестиций в этот вид деятельности и их стратегической важности для России.

¹⁶ В Европейском Союзе расходы на здравоохранение составляют 7,2 % ВВП, в странах ОЭСР 6,5 % ВВП. Но эти же цифры равны 3,1 % в Китае и 1,4 % в Индии. Расходы на образование равны 4,9 % ВВП в странах ЕС и 5,3 % в странах ОЭСР. Источник: [37, р. 30].

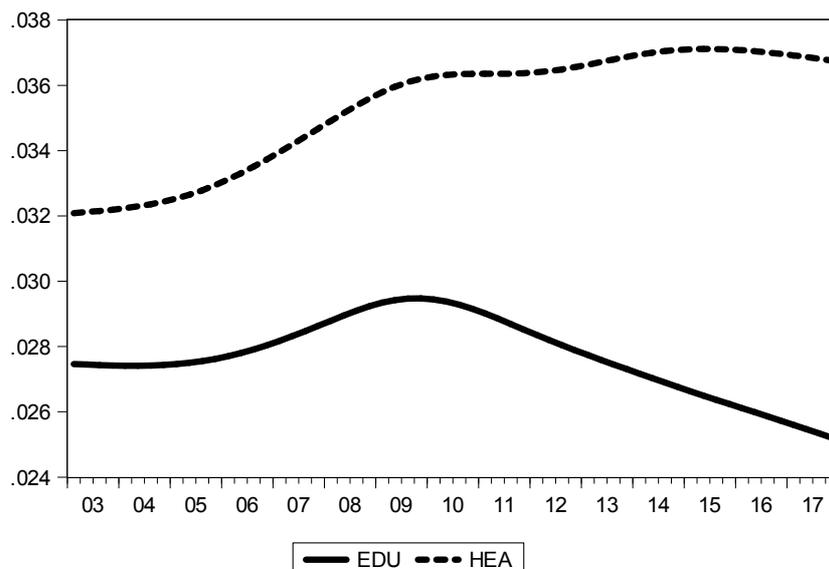

Рис. 2. Образование (EDU) и здравоохранение (HEA) как доли ВВП России; квартальные данные, сглажены фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1\ 600$ ¹⁷

Таблица 9

Расходы на образование как доля консолидированного бюджета России, %¹⁸

2000 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
11,0	10,8	10,2	9,9

2.2. Динамика СФП

2.2.1. Регионы

Таблица 10

Регионы с наивысшим ростом СФП в 2000–2008 гг.

Регион	Индекс роста СФП
Чукотский АО	2,75
Республика Дагестан	2,51
Республика Адыгея	2,15
Республика Кабардино-Балкария	2,06
Омская область	1,97
Новосибирская область	1,90
Республика Марий Эл	1,89
Ростовская область	1,82
Калужская область	1,82

¹⁷ Расчет авторов на основе статистики национальных счетов: [8].

¹⁸ Расчет авторов на основе данных: [15, табл. 24.3].

Таблица 11

Регионы с наименьшим ростом СФП в 2000–2008 гг.

Регион	Индекс роста СФП
Ханты-Мансийский АО	1,04
Мурманская область	0,98
Республика Ингушетия	0,92
Ненецкий АО	0,84
г. Москва	0,73
Республика Калмыкия	0,67
Ямало-Ненецкий АО	0,65

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении таблиц 10 и 11, это то, что среди регионов с наименьшим ростом СФП много тех, что имели наивысший индекс роста ресурсов. Это еще одно свидетельство неадекватного использования ресурсов и технологий, особенно в нефтегазовой отрасли. Единственное исключение из этого списка – Сахалинская область, продемонстрировавшая рост СФП в этот период, возможно из-за высокого присутствия компаний с иностранным капиталом в этом регионе.

Регионы, показавшие наивысший рост СФП в тот период, специализируются на производстве продовольствия и сельскохозяйственной продукции, машиностроении или добыче золота, как Чукотский автономный округ¹⁹.

Таблица 12

Макроэкономические показатели 27 регионов с наивысшим ростом СФП в 2000–2008 гг.

Показатель	2000	2008
Доля в ВВП России, %	19,5	21,1
Доля в совокупной занятости России, %	30,2	30,3
Доля в основном капитале России, %	28,8	20,9

Таблица 13

Макроэкономические показатели 9 регионов с наименьшим ростом СФП в 2000–2008 гг.

Показатель	2000	2008
Доля в ВВП России, %	33,7	34,9
Доля в совокупной занятости России, %	12,0	13,0
Доля в основном капитале России, %	18,3	35,2

Таблица 14

Средние индексы для регионов с наивысшим и наименьшим ростом СФП

	Q	L	K	СФП
Наивысший рост СФП (6 регионов)	2,03	1,07	0,95	2,01
Наименьший рост СФП (7 регионов)	1,65	1,11	2,59	0,91

Таблицы 12–14 дают еще одно представление о низкой эффективности использования ресурсов и их неадекватном распределении по регионам в 2000–2008 годах. Регионы с высоким ростом СФП не получили адекватного количества ресур-

¹⁹ Республики Кавказа появились в этом списке, скорее всего, вследствие высокого уровня федеральной поддержки (в среднем 2/3 их бюджетов по расходам). В несколько меньшей степени это верно для республик Южного округа. При этом средняя цифра поддержки региона со стороны вышестоящего бюджета в России равна 16 % [36, р. 53].

сов, основного капитала в первую голову. При этом регионы с низким ростом СФП получили львиную долю инвестиций в основной капитал (около $\frac{3}{4}$ всего объема по России).

2.2.2. Факторы

Таблица 15

Факторы, оказавшие наибольшее положительное влияние на рост СФП в 2000–2008 гг.

Переменная	Значение
HOUSE	Жилплощадь на душу населения
PC_H	Удельный вес домашних хозяйств, имеющих персональный компьютер
INTERNET1	Пользователи широкополосного Интернета на 100 жителей
FOOD	Удельный вес пищевой промышленности в обрабатывающей промышленности региона

Таблица 16

Факторы, оказавшие наибольшее отрицательное влияние на рост СФП в 2000–2008 гг.

Переменная	Значение
VODKA	Потребление крепкого алкоголя на душу населения

В 2000–2008 гг. среди факторов, положительно влияющих на СФП, мы видим как показатели традиционной экономики (производство пищевых продуктов и обеспеченность жильем, что неудивительно, помня об их дефиците в предыдущие периоды и отсутствие изобилия сегодня), так и индикаторы новой экономики (компьютеры и Интернет)²⁰. Потребление крепкого алкоголя выступает как отрицательный фактор.

На рис. 3 мы видим иллюстрацию роста пищевой промышленности России²¹. Данные таблицы 18 свидетельствуют о высокой роли продовольствия в жизни большинства граждан России. Доля расходов на продовольствие у наших граждан заметно выше, чем у граждан развитых стран.

²⁰ Положительное влияние ИКТ на производительность показано в ряде работ: [32; 33; 35; 41; 25].

²¹ Быстрый рост ПИИ (особенно в производстве напитков и табака), быстрое сокращение численности занятых и одновременное повышение производительности труда, явные признаки технической модернизации – все это может объяснить влияние этой отрасли на рост региональной СФП [37, p. 52].

Косвенным свидетельством роста СФП в пищевой промышленности может служить отдача от масштаба: производство на 1 компанию выросло почти на 75 % за 2005–2015 гг. [Ibid, p. 51]. Всемирный банк представляет данные, согласно которым рост СФП пищевой промышленности был выше, чем в среднем в обработке [Ibid., p. 53].

Но доля пищевой промышленности в экономике и глубина переработки в ней (отношение добавленной стоимости пищевой промышленности к добавленной стоимости сельского хозяйства) в России по-прежнему ниже, чем в странах ОЭСР. Это отношение для России составило 0,5 в среднем за период 2005–2014 гг., в то время как у Ирландии (лидера) – почти 4 [Ibid., p. 50]. Это свидетельствует о большом потенциале развития пищевой промышленности России.

Таблица 17

Расходы на питание как доля расходов на конечное потребление домашних хозяйств, %²²

2003 г.	2008 г.	2014 г.	2016 г.
44,7	34,4	33,9	37,4

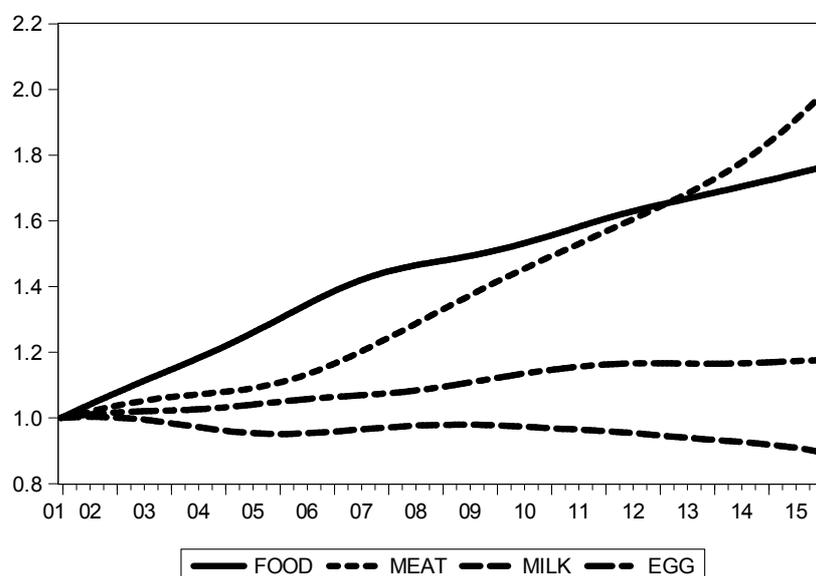

Рис. 3. Индексы производства пищевых продуктов (FOOD), скота и птицы на убой в живом весе (MEAT), молока (MILK), яиц (EGG) (Месячные данные; Декабрь 2001 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 14\ 400$)²³

Две следующие таблицы свидетельствуют о динамике обеспеченности жильем граждан России.

Таблица 18

Жилая площадь на душу населения, (м²)²⁴

2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.
19,3	20,8	22,6	23,7

Таблица 19

Темпы роста обеспеченности жильем на душу населения, %²⁵

2000–2008 гг.	2008–2014 гг.
1,6	1,2

На основе имеющихся статистических данных можно сделать вывод о том, что наличие компьютеров на душу населения России примерно удвоилось в 2000–2008 годах и примерно еще удвоилось после 2008 года. Данный факт способствовал росту совокупной производительности.

Следующие таблицы и рис. 4 показывают относительное снижение потребления алкоголя в России в последние годы²⁶.

²² Расчет авторов на основе данных: [18].

²³ Источник данных: [6].

²⁴ Источник данных: [15].

²⁵ Расчет авторов на основе данных: [15].

Таблица 20

Расходы на алкоголь как доля расходов на конечное потребление домашних хозяйств, %²⁷

2003 г.	2008 г.	2014 г.	2016 г.
2,0	1,6	1,7	1,7

Таблица 21

Динамика продажи алкогольных напитков в розничной торговле на душу населения, %²⁸

	2000–2008 гг.	2008–2014 гг.
Всего алкогольные напитки в абсолютном алкоголе	2,3	-4,6
Водка и ликероводочные изделия в натуральном выражении	-2,4	-7,3

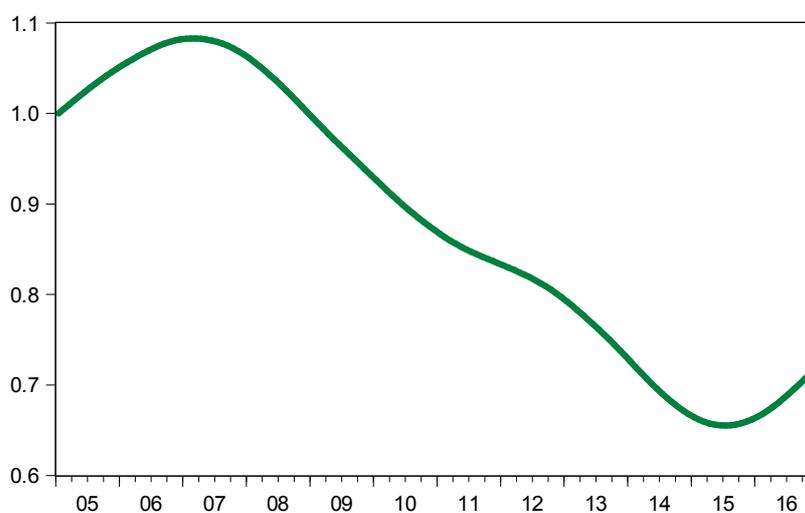

Рис. 4. Индекс производства водки и ликероводочных изделий (месячные данные, январь 2005 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 14\ 400$)²⁹

3. Вторая стадия: динамика 2008–2014 гг.

3.1. Динамика ресурсов

3.1.1. Регионы

Таблица 22

Регионы с наивысшей динамикой роста ресурсов, 2008–2014 гг.

Регион	Индекс роста совокупных ресурсов
Сахалинская область	2,02
Республика Ингушетия	1,64
Приморский край	1,59
Ленинградская область	1,40

²⁶ Следует учесть, однако, тот факт, что нами использовались лишь официальные данные о потреблении алкоголя.

²⁷ Расчет авторов на основе данных: [18].

²⁸ Расчет авторов на основе данных: [14].

²⁹ Расчет авторов на основе данных: [11].

Таблица 23

Регионы с самой низкой динамикой роста ресурсов, 2008–2014 гг.

Регион	Индекс роста совокупных ресурсов
Республика Мордовия	0,93
Костромская область	0,90
Кировская область	0,89

Среди регионов с наивысшей динамикой ресурсов, имевшей место в предыдущий период (2000–2008 гг.), только два сохранили ее и в последующий период (2008–2014 гг.): Сахалинская область и Республика Ингушетия. Можно предположить, что первая смогла это сделать благодаря добыче нефти и газа в значительной степени иностранными компаниями, вторая – благодаря поддержке кавказских регионов федеральным центром. Нефтегазовые регионы Уральского округа и Севера, а также город Москва потеряли свои прежде высокие темпы роста³⁰.

Два других региона с высокими темпами роста ресурсов (Ленинградская область и Приморский край) представляют особую важность благодаря их морским портам. На динамику второго, надо полагать, влияние оказала и поддержка федеральным центром Дальнего Востока.

Среди регионов с самым низким ростом ресурсов мы видим бедные регионы бассейна Волги. Если мы посмотрим на картину России в целом (табл. 25), то увидим, что в 2008–2014 гг. только Сибирский и Дальневосточный округа повысили темпы роста ресурсов по сравнению с предыдущим периодом. Все остальные их снизили.

В таблицах 26 и 27 аналогичные данные приведены для регионов с наибольшим и с наименьшим приростом динамики ресурсов.

Таблица 24

Изменение динамики ресурсов по федеральным округам

Федеральный округ	Индекс динамики ресурсов, 2000–2008	Индекс динамики ресурсов, 2008–2014	Изменение
Россия	1,29	1,16	-0,133
Центральный округ	1,61	1,14	-0,472
Северо-Западный округ	1,23	1,20	-0,029
Южный округ	1,19	1,18	-0,005
Северо-Кавказский округ	1,24	1,21	-0,029
Поволжский округ	1,09	1,07	-0,019
Уральский округ	1,46	1,17	-0,292
Сибирский округ	1,05	1,10	0,044
Дальневосточный округ	1,02	1,32	0,301

³⁰ Мы помним, что многие из них имели низкие темпы роста СФП в 2000–2008 гг. (табл. 12).

Таблица 25

Регионы с наибольшим положительным изменением динамики ресурсов

Регион	Индекс динамики ресурсов, 2000–2008 гг.	Индекс динамики ресурсов, 2008–2014 гг.	Изменение
Сахалинская область	1,42	2,02	0,602
Приморский край	1,11	1,59	0,485
Республика Кабардино-Балкария	0,84	1,23	0,390
Чукотский АО	0,93	1,18	0,245
Хабаровский край	0,88	1,12	0,241
Белгородская область	1,09	1,33	0,238
Республика Алтай	1,01	1,25	0,235
Краснодарский край	1,12	1,36	0,233
Республика Дагестан	1,15	1,37	0,226
Республика Тыва	0,94	1,16	0,223
Тульская область	0,93	1,16	0,221
Республика Адыгея	0,84	1,06	0,221
Республика Марий Эл	0,84	1,05	0,215
Республика Саха	1,02	1,24	0,213

Среди регионов с наибольшим положительным изменением динамики ресурсов в 2008–2014 гг. мы видим:

- 1) регионы Дальневосточного округа, получающие поддержку федерального центра;
- 2) регионы Северо-Кавказского округа – возможно, по той же причине;
- 3) Краснодарский край – главная житница, курорт и морской порт России;
- 4) регионы с высоким значением СФП для 2014 г.: Чукотский автономный округ, Республика Тыва, Хабаровский край;
- 5) регионы с низким ростом в 2000–2008 гг.: Хабаровский край, республики Адыгея, Кабардино-Балкария и Марий Эл;
- 6) регионы с высоким ростом СФП в 2000–2008 гг.: Чукотский автономный округ, республики Дагестан, Адыгея, Кабардино-Балкария, Марий Эл.

Таблица 26

Регионы с наибольшим отрицательным изменением динамики ресурсов

Регион	Индекс динамики ресурсов, 2000–2008 гг.	Индекс динамики ресурсов, 2008–2014 гг.	Изменение
Ненецкий округ	3,15	1,35	-1,803
г. Москва	2,64	1,20	-1,435
Ямало-Ненецкий АО	2,37	1,21	-1,157
Ханты-Мансийский АО	1,61	1,19	-0,418
Московская область	1,42	1,07	-0,350

Среди регионов с наибольшим отрицательным изменением динамики ресурсов мы видим:

- 1) Москву и Московскую область;
- 2) основные нефтегазовые регионы;
- 3) регионы с низкой СФП в 2014 (Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО);
- 4) регионы с наивысшим ростом ресурсов в 2000–2008 гг. (все, представленные в таблице);

5) регионы с низким ростом СФП в 2000–2008 гг. (все, за исключением Московской области).

В указанных изменениях можно усмотреть как элементы экономической рациональности, так и государственную политику.

3.1.2. Факторы

Таблица 27

Факторы с наибольшим положительным влиянием на рост ресурсов, 2008–2014 гг.

Переменная	Значение
YOUTH	Доля лиц моложе трудоспособного возраста в совокупном населении региона
HIGH_TECH	Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП
PC1	Число персональных компьютеров на 100 работников
PC2	Число персональных компьютеров на 100 работников с доступом к сети Интернет
AGR	Сельское и лесное хозяйство как доля в ВРП
TRA	Торговля как доля в ВРП
РСФП08	Относительная величина СФП в 2008 г.

Таблица 28

Факторы с наибольшим отрицательным влиянием на рост ресурсов, 2008–2014 гг.

Переменная	Значение
OBSOLETE	Степень износа основных фондов
HEA	Здравоохранение как доля ВРП

Среди факторов, имеющих сильное положительное влияние на рост ресурсов, мы вновь видим удельный вес молодежи в населении региона (хотя эластичность зависимой переменной по этому регрессору снизилась вдвое) и удельный вес торговли в ВРП. Среди новых переменных мы видим удельный вес сельского хозяйства, что отразило рост государственной поддержки этой отрасли.

Но одновременно налицо заметное усиление факторов новой экономики – компьютеров и передовых технологий.

Еще одно важное новшество – появление среди сильных регрессоров, влияющих на рост ресурсов, уровня СФП 2008 года, что можно считать проявлением экономической рациональности.

Среди факторов с сильным отрицательным влиянием на рост ресурсов мы видим износ основного капитала и удельный вес здравоохранения в ВРП. Последнее можно рассматривать как потерю приоритета этой отрасли в более поздний период, что отчасти видно на рис. 2.

Рассмотрим подробнее динамику отдельных факторов.

Возрастная структура населения России, факт (до 2018 года включительно) и прогноз (после 2018 года; Росстат, средний вариант прогноза), %³¹

Год	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста
2002	18,1	61,3	20,5
2008	16,0	62,9	21,1
2014	17,2	59,3	23,5
2018	18,6	56,0	25,4
2027п	18,3	53,9	23,8
2036п	15,8	54,2	30,0

Таблица 29 показывает существенное снижение удельного веса молодежи после 2018 года (в среднем варианте прогноза Росстата такое снижение будет происходить особенно резко после 2025 года), что может послужить существенным препятствием будущему экономическому росту.

Рисунок 5 показывает увеличение доли сельского хозяйства в ВВП России после 2012 года, и государственная поддержка сыграла здесь не последнюю роль³². Таблицы 30 и 31 показывают успешное развитие сельского хозяйства в России.

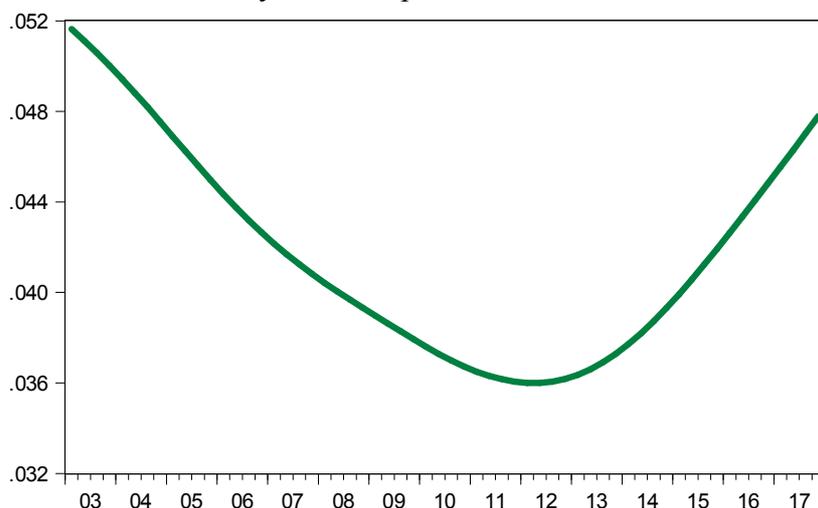

Рис. 5. Сельское хозяйство как доля ВВП России; квартальные данные, сглажены фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1\ 600$ ³³

³¹ Источник: [2].

³² В 2000–2013 гг. Россия была на седьмом месте в мире по показателю привлечения ПИИ в сельское хозяйство [37, р. 41]. «Антисанкции», введенные в 2014 г., помогли сельскому хозяйству России. Как результат, оно оказалось способно увеличить не только ресурсы, но и СФП [16, р. 39].

³³ Расчет авторов на основе статистики национальных счетов: [8].

Успехи сельского хозяйства России³⁴

А

	2008 г.	2017 г.
Индекс ВВП	1,000	1,069
Индекс добавленной стоимости сельского хозяйства в неизменных ценах	1,000	1,148

Б

	2008 г.	2016 г.
Сельскохозяйственный экспорт как доля совокупного экспорта, %	2,0	6,0
Индекс экспорта пшеницы, тонн	1,000	2,150
Индекс экспорта пшеницы, \$	1,000	1,470

В

	2000 г.	2017 г.
Индекс производства пшеницы	1,000	2,490
Индекс производства кукурузы	1,000	8,890
Индекс производства зернобобовых	1,000	3,560
Индекс производства сахарной свеклы	1,000	3,700
Индекс производства бахчевых	1,000	3,160
Индекс производства масличных	1,000	3,690
Индекс производства подсолнечника	1,000	2,670
Индекс производства сои	1,000	10,600
Индекс производства рапса	1,000	10,140
Poultry meat production индекс	1,000	6,340
Pork production индекс	1,000	2,200

Износ основного капитала оказался среди самых сильных отрицательных факторов в уравнении роста ресурсов. Таблица 31 демонстрирует повышение этой величины, что может послужить серьезным препятствием экономическому росту³⁵.

Таблица 31

Степень износа основных фондов, %³⁶

2000 г.	2008 г.	2014 г.	2016 г.
39,3	45,3	49,4	48,1

³⁴ Расчет авторов на основе статистики: [8; 17; 1; 21].

³⁵ Отметим особо, что наибольший износ основных фондов имеет место в добыче полезных ископаемых и здравоохранении. При этом торговля, сельское хозяйство, операции с недвижимостью находятся на противоположном полюсе соответствующей таблицы. Стоит также отметить, что в крупных регионах отношение инвестиции в основной капитал/добавленную стоимость нередко оказывается низким. Это увеличивает износ основного капитала и частично объясняет полученные нами результаты.

³⁶ Источник: [9].

3.2. Динамика СФП

3.2.1. Регионы

Таблица 32

Регионы с наивысшим ростом СФП, 2008–2014 гг.

Регион	Индекс роста СФП
Республика Мордовия	1,30
Республика Марий Эл	1,26
Тамбовская область	1,26
Республика Адыгея	1,25
Республика Башкортостан	1,24

Таблица 33

Регионы с наименьшим ростом СФП, 2008–2014 гг.

Регион	Индекс роста СФП
г. Москва	0,79
Мурманская область	0,78
Ненецкий автономный округ	0,75
Приморский край	0,71
Сахалинская область	0,62

1. В таблице регионов с наивысшим ростом СФП мы видим те, которые имели:
 ❖ низкий рост ресурсов в предыдущий период (Республика Марий Эл, Республика Адыгея);

❖ низкий рост ресурсов в текущий период (Республика Мордовия);

❖ высокий рост СФП в предыдущий период (Республика Марий Эл, Республика Адыгея).

2. В таблице регионов с наименьшим ростом СФП мы видим те, которые имели:

❖ высокий рост ресурсов в предыдущий период (г. Москва, Ненецкий автономный округ, Сахалинская область);

❖ высокий рост ресурсов в текущий период (Сахалинская область, Приморский край);

❖ низкий рост СФП в предыдущий период (г. Москва, Ненецкий автономный округ).

Вновь налицо признаки иррационального использования и аллокации ресурсов.

Таблица 34

Изменение динамики СФП по федеральным округам

Федеральный округ	Индекс динамики СФП, 2000–2008 гг.	Индекс динамики СФП, 2008–2014 гг.	Изменение
Центральный	1,14	0,90	-0,24
Северо-Западный	1,41	0,92	-0,49
Южный	1,49	0,97	-0,52
Северокавказский	1,68	1,03	-0,64
Поволжский	1,47	1,06	-0,41
Уральский	1,16	0,90	-0,26
Сибирский	1,53	1,02	-0,51
Дальневосточный	1,51	0,86	-0,65
Россия	1,33	0,93	-0,40

Таблица 34 показывает снижение уровня СФП в большинстве федеральных округов России и снижение темпов ее роста во всех них без исключения. Этот вывод поддерживается данными следующих трех таблиц.

Таблица 35

Макроэкономические показатели 16 регионов с наивысшим ростом СФП, 2008–2014 гг.

Показатель	2008 г.	2014 г.
Доля в ВВП России, %	9,2	10,3
Доля в совокупной занятости России, %	15,5	14,9
Доля в основном капитале России, %	10,7	8,8

Таблица 36

Макроэкономические показатели 5 регионов с наименьшим ростом СФП, 2008–2014 гг.

Показатель	2008 г.	2014 г.
Доля в ВВП России, %	27,1	24,2
Доля в совокупной занятости России, %	11,4	12,1
Доля в основном капитале России, %	22,7	24,1

Таблица 37

Средние индексы для регионов с наивысшим и наименьшим ростом СФП, 2008–2014 гг.

	Q	L	K	СФП
Наивысший рост СФП (5 регионов)	1,29	0,97	1,07	1,26
Наименьший рост СФП (5 регионов)	1,05	0,99	1,91	0,73

Мы видим, что регионы с наивысшим ростом СФП повысили свою долю в ВВП России, хотя их доля в совокупных ресурсах понизилась, и с точностью до наоборот для регионов с низким ростом СФП. Регионы с низким ростом СФП имели гораздо большее увеличение основного капитала, чем регионы с наивысшим ростом СФП. При этом рост ВРП у первых был гораздо ниже.

Наконец, таблица 38 указывает на резкое снижение основных макроэкономических показателей для России в целом. Следующая секция позволит пролить свет на эти тенденции³⁷.

Таблица 38

Общероссийские индексы

Период	Q	L	K	СФП
2000–2008 гг.	1,72	1,09	1,45	1,33
2008–2014 гг.	1,08	1,01	1,28	0,93

³⁷ Аналогичный результат показан в работе [36, р. 48–49], где использовались функции CES и Кобба – Дугласа с различными факторами.

3.2.2. Факторы

Таблица 39

Факторы с наивысшим положительным влиянием на рост СФП, 2008–2014

Переменная	Значение
PC_H	Доля домашних хозяйств, имеющих персональный компьютер
YOUTH	Доля лиц моложе трудоспособного возраста в общей численности населения региона
INTERNET1	Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернете на 100 человек населения
PETROL	Производство нефтепродуктов и проч. как доля обрабатывающей промышленности региона
NEW_TECH	Используемые передовые производственные технологии/Совокупные ресурсы региона

Таблица 40

Факторы с наибольшим отрицательным влиянием на рост СФП, 2008–2014 гг.

Переменная	Значение
VODKA	Продажа водки и ликероводочных изделий на душу населения, л
CRIME	Число зарегистрированных преступлений на 100 000 населения
MAN	Обрабатывающие производства, добавленная стоимость, доля в ВВП

Вновь мы видим факторы новой экономики – компьютеры, Интернет и передовые технологии среди тех, которые поддерживают рост СФП. Обратим внимание: выше показано, что эти факторы поддерживают и рост ресурсов.

Среди факторов с сильным положительным влиянием на СФП мы видим удельный вес молодежи в совокупном населении региона и долю производства нефтепродуктов и аналогичной продукции данной группы в совокупном объеме обрабатывающей промышленности региона. Из этого следует что сокращение удельного веса молодого населения, которое прогнозируется в России, будет сдерживать рост СФП.

В то же время данные таблицы 41 показывают рост удельного веса производства нефтепродуктов и проч. в совокупной обрабатывающей промышленности России, что может поддержать рост СФП.

Таблица 41

Удельный вес производства нефтепродуктов и т. д. в совокупном обороте обрабатывающей промышленности России, %³⁸

2005–2008 гг.	2009–2014 гг.	2015–2018 гг.
17,0	20,6	21,6

Среди факторов, оказывающих отрицательное влияние на рост СФП, мы вновь видим потребление крепкого алкоголя (хотя эластичность зависимой переменной по этому фактору снизилась в два раза по сравнению с прошлым периодом), а также два новых фактора: уровень преступности и удельный вес обрабатывающих производств в ВВП.

Снижение уровня потребления крепкого алкоголя было показано выше. Снижение удельного веса обрабатывающих производств в ВВП в 2005–2014 годах мы

³⁸ Расчет авторов на основе данных: [12].

видим на рис. 6³⁹, а снижение уровня преступности – в таблице 42. Эти тенденции поддержат рост СФП.

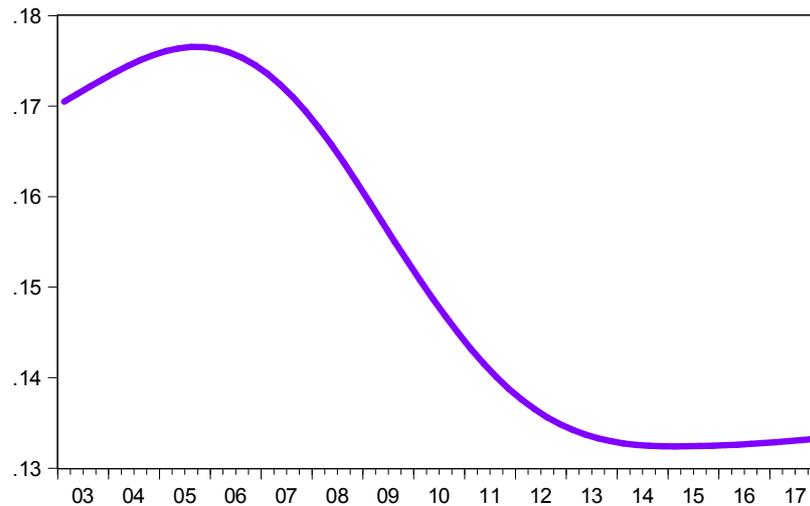

Рис. 6. Обрабатывающие производства как доля ВВП России; квартальные данные, сглажены фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1\ 600$ ⁴⁰

Таблица 42

Число зарегистрированных преступлений на 100 000 населения⁴¹

2000 г.	2008 г.	2014 г.	2017 г.
2 018	2 248	1 524	1 402

Заключение

1. Тенденции экономического роста и динамики СФП России демонстрируют противоречивые черты.

2. Отрицательным является тот факт, что регионы, получающие львиную долю ресурсов, демонстрируют отрицательный или низкий рост СФП. Это является иллюстрацией нерационального использования и аллокации ресурсов и сильного вмешательства политических и социальных факторов в экономические процессы, что в итоге отрицательно сказывается на СФП всей страны⁴².

3. Положительным признаком является усиление факторов новой экономики в экономическом росте – ИКТ и новых технологий.

4. Высокий уровень износа основного капитала и сильная зависимость экономики России от трудовых ресурсов, и от удельного веса молодежи в частности, существенно осложняют экономический рост.

5. Положительная зависимость СФП в ряде спецификаций от таких переменных, как износ основного капитала, загрязнение воздуха и воды, удельный вес женщин и пожилых людей в численности населения, свидетельствует о сохраняющемся сильном влиянии старой экономики, о росте СФП во многом за счет эксплуатации человеческих и природных ресурсов и имеющейся техники. Так, по крайней мере, было еще в недавнем прошлом.

³⁹ Всемирный банк приводит данные о стагнации СФП в обрабатывающей промышленности России после 2008 г. [37, р. 53]. Но пищевая промышленность явилась исключением.

⁴⁰ Расчеты авторов на основе данных: [8].

⁴¹ Расчет авторов на основе данных: [10].

⁴² Hsieh и Klenow (см.: [29]) изучили эту проблему на данных Индии и Китая.

6. В то же время такие позитивные изменения, как снижение потребления крепкого алкоголя на душу населения и уровня преступности, способствуют росту СФП.

7. Будущее России зависит от усиления роли новой экономики, и постепенно это происходит⁴³.

8. Но из вышесказанного неизбежно вытекает необходимость повышения инвестиций в новые технологии и человеческий капитал, где мы пока еще, к сожалению, отстаем, как показывают данные таблицы 43.

Таблица 43

**Удельный вес расходов на R & D в ВВП
и доля бизнеса в расходах на R & D, %⁴⁴**

Страна	Удельный вес расходов на R & D в ВВП	Доля бизнеса в расходах на R & D
Россия	1,13	26
Канада	1,61	45
Китай	2,09	75
Германия	2,88	66
Израиль	4,3	37

Литература

1. Внешняя торговля // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/#
2. Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
3. Занятое население по полу и группам занятий на основной работе (по данным выборочных обследований рабочей силы). – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud11-okz.htm
4. Заработная плата // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/#
5. Здравоохранение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#
6. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – URL: www.macroforecast.ru
7. Мицек С. А. Исследование динамики ресурсов и совокупной факторной производительности в регионах Российской Федерации : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 136 с.
8. Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
9. Основные фонды // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/#
10. Правонарушения // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#

⁴³ Так, компания McKinsey Global оценивает рост удельного веса ИКТ в ВВП России до 3,9 %; компания Boston Consulting Group дает оценку этой величины, равной 2,1 %.

Те же цифры для ЕС равны 8,2 %, для США – 10,9 % и 10 % для Китая [20; 38, p. 43; 23; 19].

Обнадеживающим фактом служит то, что в последние годы Россия смогла существенным образом увеличить экспорт продукции ИКТ. Его долларовая стоимость выросла на 82 % в 2012–2017 гг. и в 24,6 раза 2003–2017; расчеты авторов основаны на данных: [20; 38, p. 35]. В сводке Global Innovation Index Россия сейчас занимает место между 41-м и 43-м (Ibid., p. 36).

⁴⁴ Источник данных: [27; 38, p. 37].

11. Производство основных видов продукции в натуральном выражении. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/mes10.htm
12. Промышленное производство // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 : статистический сборник / Росстат. – М., 2017. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
14. Розничная торговля, услуги населению, туризм // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/#
15. Российский статистический ежегодник. 2017 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm
16. Россия: Меры государственной политики для обеспечения конкурентоспособности агропродовольственного сектора и привлечения инвестиций. – Всемирный Банк, 2017. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/ru/457551512402319602/pdf/121852-РОССИЯ-N-WP-Россия-AgPolicyNoteRUS.pdf>
17. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/#
18. Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#
19. Цифровая Россия: новая реальность : отчет компании «МакКинзи» / А. Аптекман, В. Калабин, В. Клинцов и др. – Digital McKinsey, 2017. – URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>
20. Экспорт IT должен вырасти еще больше // Russoft : [сайт]. – 2017. – 18 января. – URL: <http://www.russoft.ru/smi/3652>
21. Экспорт отдельных товаров. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vnesh-t/exp-to.htm
22. Ascari G., di Cosmo V. Determinants of Total Factor Productivity in the Italian Regions. – 2005. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/8d86/4e842cef2aa4b6300161747613c4daf27dfb.pdf>
23. Banche B., Boutenko V., Kotov I., Rubin G., Tuschen S., Sycheva E. Russia Online: Catch Up Impossible to Fall Behind. – Boston Consulting Group, 2016. – URL: http://image-src.bcg.com/images/russia-online-eng_tcm26-152058.pdf
24. Beugelsdijk S., Klasing M. J., Milionis P. Regional economic development in Europe: the role of total factor productivity // *Regional Studies*. – 2018. – Vol. 52:4. – P. 461–476. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00343404.2017.1334118?scroll=top&needAccess=true>
25. Bloom N., Sadun R., Van Reenen J. The Organization of Firms across Countries // National Bureau of Economic Research Working Paper 15129. – 2009.
26. Caves D. W., Christensen L. R., Diewert W. E. The Economic Theory of Index Numbers and the Measurement of Input, Output, and Productivity // *Econometrica*. – 1982. – Vol. 50 (6). – P. 1393–1414.
27. Global Innovation Index 2017 / Cornell University, INSEAD, WIPO. – 2017. – URL: <http://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4193>
28. Green W. H. *Econometric analysis*. – 6th ed. – Pearson International Edition, 2008.
29. Hsieh C.-T., Klenow P. J. Misallocation and Manufacturing TFP in China and India // *Quarterly Journal of Economics*. – 2009. – Vol. 124 (4). – P. 1403–48.
30. Imakunnas P., Maliranta M., Vainiomaki J. The Roles of Employer and Employee Characteristics for Plant Productivity // *Journal of Productivity Analysis*, – 2004. – Vol. 21(3). – P. 249–76.
31. Johnston J., Di Nardo J. *Econometric methods*. – 4th ed. – McGraw-Hill International Edition, 2007.
32. Jorgenson D. W., Ho M. S., Stiroh K. J. *Productivity. Volume 3, Information Technology and the American Growth Resurgence*. – Cambridge and London : MIT Press, 2005.

33. Jorgenson D. W., Ho M. S., Stiroh K. J. A Retrospective Look at the U.S. Productivity Growth Resurgence // *Journal of Economic Perspectives*. – 2008. – Vol. 22 (1). – P. 3–24.
34. Myasnikov A. Total factor productivity in Russian regions in 2000–2014 // *MPRA Paper*. – 2016. – No. 87092. – URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/87092/1/MPRA_paper_87092.pdf.
35. Oliner S. D., Sichel D. E., Stiroh K. J. Explaining a Productive Decade // *Brookings Papers on Economic Activity*. – 2007. – Vol. 1. – P. 81–137.
36. Russia Economic Report № 37: From Recession to Recovery. – World Bank Group, 2017. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/27522/116237-WP-P161778-PUBLIC-REngforweb.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
37. Russia Economic Report № 38 : Russia's Recovery: How Strong Are Its Shoots? – World Bank Group, 2017. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28930/30-11-2017-17-58-52-forwebNovFINALRERENGfull.pdf?sequence=7>
38. Russia Economic Report № 39 : The Russian Economy: Modest Growth Ahead. – World Bank Group, 2018. – URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/162681527086868170/RER-39-Eng.pdf>
39. Siverson C. What determines productivity? // *Journal of Economic Literature*. – 2011. – Vol. 49:2. – P. 326–365.
40. Turganbayev Y. Total factor productivity convergence across the Kazakh regions, Post-Communist Economies. – 2017. – Vol. 29:2. – P. 182–197. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14631377.2016.1267975>
41. van Ark B., O'Mahony M., Timmer M. P. The Productivity Gap between Europe and the United States: Trends and Causes // *Journal of Economic Perspectives*. – 2008. – Vol. 22 (1). – P. 25–44.

Sergey Aleksandrovich Mitsek,

Doctor of Economics, Head of Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Elena Borisovna Mitsek,

Doctor of Economics, Head of Management and Marketing Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Regional Development and Total Factor Productivity in the Regions of Russia

Authors study total factor productivity in the Russian regions for 2014 and its growth over the period 2000–2014. The methodology is based on the Cobb – Douglas function with constant returns to scale. The authors have estimated econometric equations of the value and dynamics of total productivity depending on various factors.

It was shown that regions with low dynamics of total productivity received the largest volume of resources, and vice versa. It is also shown that the growth of productivity is positively influenced by both factors of new economy (computer and Internet, development of new technologies, etc.) and the traditional economy (housing and food supply, the share of youth in the population, etc.).

The factors that have had the strongest negative impact on productivity growth are the strong alcohol consumption and crime.

The authors conclude that the acceleration of economic growth of Russian regions requires more rational investment in fixed assets, as well as increased investment in science and education.

Key words: Russian Federation; regional economy; total factor productivity; econometric modeling.

Экосистемный подход как альтернатива для развития социальных инноваций в регионе¹

Статья посвящена явлению социальных инноваций, их месту в жизни современного общества. Цель статьи – выделить на основе обзора научных источников основные характеристики данного феномена, перспективы его дальнейшего развития, а также определить наиболее актуальный подход для организации работы в направлении продвижения социальных инноваций в России.

Автором проведен анализ научной литературы, в ходе которого рассмотрена сущность социальной инновации как нового измерения экономики, ее социально-экономические составляющие. В результате систематизации взглядов зарубежных и отечественных ученых выделены научные подходы к реализации идеи инновационных преобразований в социальной сфере: институциональный, аналоговый, социетальный, сервисный, предпринимательский, процессный, экосистемный. Определено, что в настоящее время социальная инноватика в России развивается в духе предпринимательского подхода (хотя в экономически развитых странах от него начинают постепенно отходить). На данных социологических измерений выявлены ограничения реализации социального предпринимательства – сильная зависимость от помощи государства и грантовых фондов; фактическое отсутствие института контрагентов, формирующих инновационную инфраструктуру; значительный объем трансакционных издержек, возникающий в рамках деятельности социально ориентированных НКО; непроработанность законодательных основ функционирования социального бизнеса; недостаток предпринимательской и креативной культуры у населения (причиной последнего зачастую являются не только объективные, но и субъективные факторы – настороженное отношение к рационализаторским идеям у коллег и непосредственного руководства).

При помощи концептуального моделирования разработана схема взаимодействия широкого круга участников процесса разработки, внедрения и продвижения социальных проектов (органы власти, бизнес, население, наука, государственные и негосударственные фонды и т. д.) в рамках инновационной экосистемы отдельного региона. Определены возможные преимущества экосистемного подхода к развитию социальных инноваций для общества и государства.

Статья может быть использована органами государственной власти в процессе разработки стратегий социально-экономического развития территорий на средне- и долгосрочный период.

Ключевые слова: инновация; социальная инновация; Welfare Mix; актор; контрагент; бенефициар; стейкхолдер; инновационная экосистема.

Развитие экономики и общества в русле инновационной культуры является магистральным направлением и доминирующим трендом XXI века [1; 2]. Современный этап развития мировой экономики (2010–2018 гг.) характеризуется переходом к шестому технологическому укладу, основанному на широком применении нанотехнологий во всех сферах деятельности человека [3, с. 1–15]. По существующим оценкам, в настоящее время в развитых странах инновациями определяется от 50 до 90 % ВВП [4].

* **Максим Александрович Головчин**, канд. экон. наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Вологда).

E-mail: mag82@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00717 «Экосистемный подход к развитию социальных инноваций в современной России: теория и практика».

Масштабы инновационного развития, сопровождающиеся использованием нанотехнологий и масштабной цифровизацией, трансформируют как экономику, так и общественные отношения, а также позволяют находить новые подходы к решению не только сугубо народно-хозяйственных, но и общественных проблем. Э. Мэнсфилд, к примеру, оценивал социальную роль инноватики в трех измерениях: 1) большая полезность для потребителя; 2) более низкие потребительские цены; 3) экономия времени потребителя [5, с. 221–240].

Несмотря на это, инновационные инструменты в настоящее время чаще используются для решения экономических, чем социальных проблем. Согласно данным репрезентативного опроса, проведенного среди россиян Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2016 г., только 4 % респондентов связывают термин «инновация» с социальными изменениями (в 2011 г. – 1 %); социальную сферу называют «инновационной отраслью» лишь 2 % опрошенных [6].

В статье на основе анализа устоявшихся в науке представлений о социальном предназначении инноваций определены возможные перспективы развития феномена «социальная инновация» в русле экосистемного подхода.

Основоположник инноватики Й. Шумпетер вкладывал в понятие «инновация» смысл эпохального открытия, нововведения в следующих сферах: «использование новой техники, новых технологических процессов или нового рыночного обеспечения производства; изготовление нового продукта или известного продукта с новыми свойствами; использование новых видов сырья или полуфабрикатов; изменения в организации производства и его материально-техническом обеспечении; проникновение на новый рынок сбыта» [7]. Сейчас понятия «инновация» и «открытие» четко разделяются. В основе открытия лежит новшество, которое проявляется только на индивидуальном уровне человеческой деятельности. Переходя на коллективный (социальный, культурный) уровень, нововведение проявляется уже как инновация [8].

На рубеже XX в. понимание инновационного открытия исключительно как нового технологического или управленческого решения расширилось (табл. 1). В середине 70-х годов в науке зародилась альтернативная социальная теория инноваций, основы которой заложил П. Сорокин [9, с. 372–392]. В развитие его идей К. Фримен совместил инновационные новшества с проблемами занятости и социальными аспектами. Инновацию он считал «центральной фактором при формировании длительных колебаний экономической активности населения», своеобразным «переключателем» которой является занятость [10].

Таблица 1

Подходы к пониманию категории «инновация» в науке*

Подход	Школа	Представители	Инновация – это...
1. Классический	Экономическая теория инноваций	Н. Д. Кондратьев Й. Шумпетер С. Кузнец	Изменения в экономике, имеющие своей целью внедрение и использование новых видов производственных товаров, производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности, акцентируя внимание на экономическом воздействии этих изменений

* Составлено по: [11, с. 1–11].

1. Классический	Научно-историческая теория инноваций	Дж. Бернал П. Сорокин	Перевороты, основанные на прогрессе науки, которые происходят несколько раз в столетие и радикально меняют лицо общества
2. Альтернативный	Социальная теория инноваций	К. Фримен Г. Ицковец Л. Лейдесдорф Е. Витте Э. Денисон	Центральный фактор при формировании длительных колебаний во всех сферах жизни общества, действие которого возможно за счет создания благоприятной инновационной среды
	Теория цикличности инноваций (неоклассика)	Б. Твисс Г. Менш А. Шлезингер-мл.	Процесс, в котором изобретение или новая идея приобретает экономическое содержание
	Экосистемный подход к инновациям	Р. Айрес К. Факуда К. Ватанабе Г. Хоровитт В. Хван	Способ достижения устойчивого развития, которое охватывает экономическую, экологическую и социальную сферы

С развитием концепции институционализма теория инноваций приобретает все более «человеческое измерение» [12, с. 4–6]. В последнее время в науке многие исследователи (С. Ю. Глазьев, Ю. А. Карпова, Л. Я. Косалс, Н. И. Лапин, Б. Ф. Усманов, П. Штомпка и др.) подчеркивают значение инноваций как источника не только экономического, но и общественного развития [13, с. 164–167]. В этом контексте инновация понимается, прежде всего, как «способ функционирования социальных систем, при котором тенденции внедрения новых технологий, идей, норм и ценностей во всех сферах общества преобладают над противоположным стремлением к сохранению традиций» [14, с. 51–55].

Польский исследователь М. Хучек [15] одним из первых отметил, что, наряду с классическими (технологическими) инновациями, все большее развитие получают и другие типы (организационные, экономические, социальные и экологические), которые объединяет общий источник – человек и общество (табл. 2). Именно человек, с его точки зрения, задает направление и содержание историческому процессу, новое измерение социального прогресса [16, с. 15–25].

Таблица 2

Виды инноваций и их содержание*

Вид инновации	Содержание	Источник
Технологические	Создание и освоение новой продукции, технологии, материалов, модернизация оборудования, реконструкция производственных зданий и их оснащения, реализация мероприятий по охране окружающей среды и т. д.	Запросы государства и экономики
Производственные	Расширение производственных мощностей, диверсификация производственной деятельности, изменение структуры производства и соотношение мощностей отдельных производственных единиц	Запросы государства и экономики

* Составлено по: [11, с. 1–11].

Экономические	Изменение методов и способов планирования всех видов производственно-хозяйственной деятельности, снижение производственных затрат и улучшение конечных результатов, рост экономического стимулирования и материальной заинтересованности трудящихся, рационализация системы калькуляции внутрипроизводственных затрат и т. д.	Запросы государства и экономики
Торговые	Использование методов ценовой политики во взаимоотношениях с поставщиками и заказчиками, предложение новой продукции и услуг, предоставление или взыскание финансовых ресурсов в форме кредитов, займов, применение новых методов распределения прибыли и других накопленных ресурсов и т. п.	Запросы государства и экономики
Социальные	Улучшение условий и характера труда, социального обеспечения, предоставляемых услуг, психологического климата и характера взаимоотношений на предприятии или между его отдельными организационными подразделениями и т. д.	Изменения внешней среды (социальной сферы)
Организационные	Улучшение организационной структуры, стиля и методов принятия решений, использование новых средств обработки информации и документации, рационализации канцелярской работы и т. д.	Изменения управленческой среды
Экологические	Снижение воздействия на окружающую среду; создание новых и конкурентных по цене товаров, процессов и систем, которые удовлетворяют потребности людей с минимальным использованием природных ресурсов и минимальными выбросами ядовитых веществ	Изменения окружающей среды

Отметим, что за последние годы социальная проблематика в науке получила новый ракурс, что связано с распространением теоретических идей научной школы Welfare Mix (У. Асколи, П. Донати, К. Ренци, А. Эверс, Г. Эспинг-Андерсен и др.). Согласно общему посылу этой школы, в постиндустриальных странах запрос на современные инновации порождает рост независимости третьего сектора (НКО) в предоставлении социальных услуг. Таким образом, некоммерческие организации получают формальное признание как полноправные «партнеры государства в определении курса социальной политики» [17, с. 29–52]. Подобное перераспределение ролей свидетельствует о том, что задачи социальной сферы могут и должны решаться не исключительно традиционными мерами, но и при инициативном участии различных заинтересованных сторон (в частности, предпринимательского сектора) [Там же].

Подобное участие акторов разной природы (государственной, общественной, государственно-общественной) в решении проблем социума, принципиально отличающиеся от ранее сложившегося опыта, принято обозначать термином «*социальные инновации*». Данная разновидность инноваций по существу является новой экономической практикой, в которой соединяется социальная миссия с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости [18, с. 77–99]. Объектом социальных инноваций являются социальные процессы. В их поле деятельности также попадают общественные отношения, деятельность и поведение социальных индивидов, а также образ и стиль жизни человека [19].

Можно сказать, что социальная инновация – это результат создания и внедрения нового, оригинального интеллектуального продукта, позволяющего улучшить положение сообщества, качество жизни населения, решить социальную

проблему частным лицом (организацией) самостоятельно или в альянсе с государством. Формы реализации социальных инноваций при этом весьма разнообразны: разработка нового учебного процесса, новой системы управления; новшества в организации экономики, искусств, бизнеса, органов власти, благотворительных организаций; оптимизация окружающей среды человека, качество которой определяется уровнем духовно-нравственной культуры людей, и т. д. [19]

По природе своей социальная инновация содержит три компонента:

- экономическую ценность (доход от ведения коммерческой деятельности);
- социальную ценность (решение общественных проблем, социальные изменения);
- экологическую ценность (решение проблем охраны окружающей среды) [20, с. 12].

Социальные инновации неоднородны по своей структуре и различаются по следующим критериям: степени охвата социальных факторов (комплексные, локальные); периоду реализации (тактические, стратегические); среде реализации (внутренние, внешние); сферам внедрения и реализации (образовательные, медицинские, культурные и т. д.); масштабу (микроинновации, макроинновации); форме (материальные, организационные, социокультурные) [19].

Существенными экономическими характеристиками социальных инноваций являются: высокий риск и высокая степень неопределенности; конкретность в частных формах управления; разрушение устоявшихся общественных и индивидуальных стереотипов; появление новых норм, культурных образцов и нового правового пространства; сложнопрогнозируемые побочные эффекты; тесная связь с общественными отношениями; широкая сфера применения; большая зависимость от личных и групповых качеств благополучателей [19]. Эффект от внедрения социальных инноваций не проявляется быстро и не носит конкретного характера [21, с. 15].

Понятие «социальная инновация» встречается в трудах таких ученых, как П. Друкер, М. Янг, П. Розанваллона, Ж. Фурнье, Ж. Аттали, Й. Шумпетер, Дж. Керлин, Г. Дис, К. Альтер, Дж. Дефурни, М. Ниссенс и др.

Взгляды ученых на природу и возможности феномена социальной инноватики разнятся (табл. 3). Одни видят в нем результат творческой деятельности, применение которого дает ожидаемое решение проблем социума (институциональный и социетальный подходы), вторые – побочный продукт производственных и сервисных инноваций, такие как новые методы работы, управления организацией, социальные и экологические последствия (аналоговый и сервисный подходы), третьи – проекты социальных предпринимателей (предпринимательский подход), четвертые – процессы, способы и методы производства новых социальных продуктов и услуг (процессный подход).

Таблица 3

Научные подходы к реализации идеи социальной инновации*

Подход	Представители	Миссия социальной инновации – это...
1. Институциональный	Dandurand, Besançon	- получение новых ответов на неудовлетворенные или плохо удовлетворенные социальные вызовы
2. Аналоговый	Bouchard, Lévesque, Hillier	- социальные изменения, которые сопровождают любые инновации в производственной сфере

* Составлено по: [22; 23; 24].

3. Социетальный	Coleman, Fontan	- изменения, в соответствии с которыми трансформируется общество в целом (включая изменения, напрямую не связанные с производством)
4. Сервисный	Chauvière	- появление новых инструментов, которые помогают улучшить обслуживание и социальные отношения между потребителями сферы услуг и работниками соответствующих организаций
5. Предпринимательский	Marival, Tixier	- реализация инициатив социальных предпринимателей и социальных предприятий
6. Процессный	Paulré, Chochoy	- появление процессов, способов и методов производства новых социальных продуктов и услуг
7. Экосистемный	Fukuda, Watanabe	- появление способа достижения устойчивого развития, которое охватывает экономическую, экологическую и социальную сферы

В России социальная инноватика традиционно развивается в рамках предпринимательского подхода, в котором, в свою очередь, можно выделить два основных направления. В соответствии с первым из них (французская бизнес-школа ESSEC) в основе любой социальной инновации лежат личностные качества новатора, такие как изобретательность, инициативность, склонность к риску [22]. Представители второго течения (Richez-Battesti, Marival, Tixier) подчеркивают основополагающую роль в развитии социальных инноваций не конкретной личности (бизнесмена), а работы социального предприятия (социально ориентированные некоммерческие организации) [Там же].

Социальный бизнес преследует в своей деятельности двойную цель: 1) получение прибыли для своих акционеров; 2) содействие более широкой социальной пользе. По мнению основателя и руководителя консалтинговой фирмы, специализирующейся на продвижении социальных инноваций, «Virtue Ventures» Ким Альтер, предприятия социального бизнеса относятся к типу гибридных организаций (здесь имеется в виду гибриды чистой филантропии и чистой коммерции), которые создают экономические и одновременно социальные блага [21]. Методы этих организаций определяются миссией (как у благотворительных фондов) и рынком (как у коммерческих предприятий); мотивы деятельности основаны как на доброй воле (как у благотворительных фондов), так и на личной выгоде (как у коммерческих организаций); доходы и прибыль от деятельности реинвестируются на реализацию миссии и удерживаются для расширения и развития бизнеса [Там же].

Примерами социального предпринимательства являются Гильдия манчестерских ремесленников, онлайн-платформа KIVA, GlobeIn, Фонд Ashoka (США), Grameen Bank (Бангладеш), инициатива Sekem (Египет), МКК (Испания), фермерский онлайн-проект LavkaLavka, «Школа фермеров», арт-парк «Никола-Ленивец», социальная мастерская «Ковчег», проект «Полеты по вертикали» (Россия) и т. д. [25].

В России развитие социальных инноваций в русле социального предпринимательства имеет свои ограничения. С одной стороны, это проявляется в организации управления социальными инновациями по типу децентрализма (сильная зависимость социального бизнеса от государства и грантовых программ); минимальной доле оплачиваемой работы (социальные предприятия редко создают новые рабочие места, используя при реализации проектов труд волонтеров); ограниченности взаимодействия между различными акторами (государством, НКО, общественными организациями и движениями, государственными и негосударственными фондами), что порождает «барьеры» в виде дополнительного объема трансак-

ционных издержек; практическом отсутствии в социальной цепочке инноваторов контрагентов, берущих на себя обязательства по предоставлению необходимых для развития соответствующих проектов ресурсов [26].

С другой стороны, в России предпринимательская активность населения является недостаточной. Так, согласно данным международного исследования «Глобальный мониторинг предпринимательства» (Global Entrepreneurship Monitor), в 2016 году по уровню ранней предпринимательской активности (TEA Index) наша страна находилась на 55-м месте среди 64 мировых держав [27]. Крайне мало (5,2 % в 2016 г.) россиян планирует в ближайшие три года открывать собственный бизнес. По данным Глобального мониторинга предпринимательства, в большинстве стран мира этот показатель превышает 8 % [28, с. 112–120].

Отсутствие инициативы населения, в частности, характерно для инновационной отрасли. Как говорят результаты исследования ВЦИОМ, только 26 % респондентов стали бы реализовывать собственные рационализаторские идеи и начинания, даже если бы их внедрение получило масштабную финансовую поддержку со стороны государства и бизнеса [6]. Подобная ситуация является прямым следствием отсутствия благоприятных условий для проявления частной инициативы в стране: в 2016 г. только 18 % респондентов положительно оценивали возможности для создания бизнеса в России (в 2006 г. – 24 %) [29, с. 3–26].

Недостаточен и уровень творческой инициативы населения, который необходим для предпринимательства. Согласно данным ФГБУН ВолНИЦ РАН, собранным в 2016 г. в ходе социологического опроса, каждый второй вологжанин в возрасте экономической активности (15–72 года) в своей жизни «никогда ничего не предпринимает, делает то, чему его научили ранее, или что подсказывают другие, о чем можно прочесть в книгах и справочниках». При этом творческая активность более характерна для городского населения, чем для сельского (59 и 37 % соответственно)². Это в определенной мере связано с тем, что городские агломерации более удобны для самореализации, для творческого процесса разработки и внедрения инновационных продуктов. По мнению Е. М. Авраамовой, в городах от работников в равной степени требуется новаторский подход к работе и исполнительность, тогда как в сельской местности явный перевес на стороне «исполнительности и четкости в выполнении конкретно поставленных задач» [30, с. 51–61].

Все же социальная инертность в большей мере характеризует старшую возрастную группу, чем современную молодежь. Так, лишь 2 % вологжан в возрасте 16–30 лет выделяют в своем характере такую черту, как безынициативность³.

В ряде случаев отсутствие творческой инициативы связано не только с чертами характера, но и со слабой культурой креативности на рабочем месте. Так, менее 40 % вологжан отмечает одобрительное отношение к подаче рационализаторских предложений сотрудников у руководства и среди коллег (табл. 4).

² Здесь приведены данные опроса населения Вологодской области в возрасте экономической активности (15–72 лет). Общая выборка опроса – 1 500 чел. (генеральная совокупность – 679 419 чел.). Выборка – квотная, пропорциональная. Квоты выборки распределены следующим образом: по полу: 1) мужчины – 51,9 %; 2) женщины – 48,1 %; по возрасту: 1) 15–17 лет – 3,2 %; 2) 18–24 лет – 12,8 %; 3) 25–29 лет – 14,7 %; 4) 30–49 лет – 49,3 %; 5) старше 50 лет – 19,9 %; по месту проживания: 1) г. Вологда – 27,2 %; 2) г. Череповец – 28,1 %; 3) муниципальные районы – 44,7 %.

³ Здесь приведены данные специального опроса населения Вологодской области в возрасте 16–30 лет (2015 г.; N = 1 000 чел.).

Отношение в трудовом коллективе к рационализаторским предложениям
(в % от числа опрошенных)⁴

Отношение	Со стороны коллег	Со стороны руководства
Положительное	38,0	33,6
Настороженное, неоднозначное	14,0	12,1
Отрицательное	2,5	4,9
Неопределенное	45,5	49,4

Благодаря действию перечисленных выше ограничений (слабость взаимодействия власти и бизнеса для развития социальных инноваций, недостаточная для развития предпринимательской инициативы социальная активность населения и т. д.), социальный бизнес в России в настоящее время переживает три кризиса – кризис самоопределения, кризис репрезентативности (в законодательстве до сих пор не определен статус и значение социального предпринимательства и социальных инноваций для российского общества) и кризис диффузии (отсутствие образцов, которые можно тиражировать в масштабах страны и мира) [31].

На этом фоне социальные проекты оказываются под угрозой превращения в квазиинновации, не способствующие прогрессу, а препятствующие обновлению общества [16, с. 15–25]. Так, в 48 % случаев россияне не рассматривают процесс создания и продвижения инновационных идей актуальным и полезным для страны; еще 10 % считают инноватику просто «пустым словом», которое не наделено конкретным смыслом [6].

Преодоление данного кризиса возможно при помощи перехода социальных инноваций от модели социального предпринимательства (от которой, впрочем, уже отходят экономически развитые страны) к построению экосистемы развития социальных инноваций. Экосистемный подход рассматривает инновацию как комплексный механизм, тесно взаимодействующий с элементами окружающей среды в рамках обеспечения устойчивого развития экономической, экологической и социальной сфер (по аналогии с природными системами) [32, с. 39–46]. На стыке этих сфер формируются инновационные экосистемы, которые объединяют партнеров из государственного и частного секторов, от которых зависит успех в создании, развитии, продвижении, диффузии и социальной инновации (к ним относятся поставщики продукции, комплектующих и специализированных услуг; инновационная инфраструктура; научно-исследовательские организации; университеты; заказчики и благополучатели и т. д.) [24]. Примерами таких экосистем являются Кремниевая долина, MIT (США).

В рамках данного подхода (который был разработан Ч. Весснером, К. Факуда и К. Ватанабе) социальный новатор не рассматривается как изолированный от внешнего мира актор. Его работа проходит в среде, в которой циркулируют необходимые ресурсы и заинтересованные стороны. Принимая во внимание взаимодействие с окружающей средой, предприниматель должен постоянно выстраивать диалог с прямыми бенефициарами, сотрудниками и добровольцами, работающими над развитием инноваций, а также аналогичными организациями, местными органами власти и населением, проживающим на территории внедрения инноваций, на основе формирования партнерских сетей и «зонтичных» организаций [33, с. 61–66]. Подобное партнерство зачастую помогает избежать большинства транзакционных издержек (издержки оппортунистического поведения контрагентов и

⁴ Источник: социологический опрос населения Вологодской области в возрасте экономической активности (15–72 лет). Общая выборка опроса – 1 500 чел. (генеральная совокупность – 679 419 чел.). Выборка – квотная, пропорциональная.

органов государственного управления, издержки регистрации и поиска информации, издержки информатора контрактов и т. д.) [34].

Принципами функционирования инновационных экосистем являются: устойчивое развитие через взаимный обмен; самопроизвольное воспроизводство путем коэволюции (взаимных изменений); организационная инертность и вдохновение, получаемое от конкуренции; гетерогенная (разнородная) синергия акторов [24]. Подобные экосистемы могут быть сформированы на разных уровнях: наднациональном (мировом), национальном (государственном), региональном, корпоративном и индивидуальном [35].

В сравнении с моделью децентрализма, инновационные экосистемы имеют свои преимущества. Так, в основе экосистемы обычно лежит «триада сетевых коммуникаций» («тройная спираль Ицковица–Лейдесдорфа»): бизнес – наука – государство [36, с. 27–33]. Участники этого альянса тесно взаимодействуют в рамках конкретного проекта с целью достижения стадии коэволюции, эффекты от которой активизируют рост экономики, позволяют «постоянно создавать новые блага и наращивать динамизм роста» [Там же]. Экосистемы, вытесняя традиционный механизм управления инновациями с участием иерархического центра, содействуют формированию «партнерской среды», основанной на «взаимной информации, которая распространяется в ходе коммуникаций между всеми экономическими агентами, что придает системе целостность и динамическую устойчивость» [37].

В работе мы предлагаем концептуальную модель управления социальными инновациями на основе построения инновационной экосистемы в отдельно взятом регионе (рис. 1).

Рис. 1. Концептуальная модель экосистемы развития социальных инноваций в регионе⁵

Модель предполагает взаимодействие в рамках одной территории разных акторов, которое происходит на двух уровнях:

1) **внешнем уровне (уровне внешней среды)**, который предполагает активность контрагентов по формированию конкурентоспособной инфраструктуры развития социальных инноваций на территории региона (инновационной – фонды развития предпринимательства, бизнес-инкубаторы, краутфандинговые платфор-

⁵ Разработано автором.

мы, ресурсные центры; и научной – университеты, научно-исследовательские организации, технопарки). Миссия этой инфраструктуры – оперативно обеспечивать поддержку социального предпринимательства в направлении ресурсного обеспечения, коммерциализации новаторских идей, их диффузии (распространения опыта). При этом объекты инфраструктуры могут не находиться непосредственно на территории субъекта РФ, регион лишь должен иметь полный доступ к ресурсам фондов, бизнес-инкубаторов, образовательных и научных организаций;

2) **внутреннем уровне**, на котором происходит доведение результатов внедрения и продвижения социальной инновации (в виде экономических продуктов, услуг, знаний, институциональных трансформаций) до целевых групп благополучателей – людей с ограниченными возможностями здоровья, многодетных семей, социально уязвимых групп населения и т. д.

В рамках экосистемы развития социальных инноваций государственные органы власти в регионе выступают в роли стейкхолдера – стороны, которая вкладывает средства в развитие инновационной и научной инфраструктуры ради получения выгоды: экономической (налоги от доходов предпринимателей) и организационной (аутсорсинг ряда социальных функций в пользу третьего сектора).

Преимуществами использования данной модели являются минимальные организационные затраты; формирование инновационного альянса «государство/третий сектор/наука и образование»; вовлечение новых участников в процесс реализации социальной политики государства и преодоление ее регламентированности; развитие предпринимательской инициативы и проектной культуры населения; создание условий для реализации потенциала научно-исследовательского сектора в регионе [21].

Отметим, что развитие экосистемы социальных инноваций в регионе в первую очередь будет зависеть от поддержки со стороны федерального бюджета, основанием для которой может стать экспертная оценка зрелости и стабильности межинституционального партнерства в рамках региона. Преимущества могут получить те территории, которым обеспечен полный доступ к ресурсам инновационной и научной инфраструктуры (как собственной, так и находящейся в близлежащих субъектах РФ или в пределах экономического района).

Литература

1. Янсен Ф. Эпоха инноваций. – М. : Инфра-М, 2002. – 308 с.
2. Розанова Н. М., Варивода И. А. Менеджмент в XXI веке: к гибким формам управления и организации // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2018. – № 3. – С. 78–90.
3. Орлова Л. Н. Инновационная экономика: факторы и противоречия развития, уровни формирования // Науковедение. – 2015. – № 3. – С. 1–15.
4. Рогова Е. М., Ткаченко Е. А., Фияксель Э. А. Венчурный менеджмент. – М. : НИУ ВШЭ, 2011. – 440 с.
5. Mansfield E., Rapport A. and others. Social and private rates of return from industrial innovations // The quarterly Journal of economics. – 1989. – No. 91 (2 May). – P. 221–240.
6. Инновации в России: от идей – к практике. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115737> (дата обращения: 09.08.2018).
7. Schumpeter J. A. The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle. – New Brunswick (U.S.A) and London (U.K.) : Transaction Publishers, 2008. – 864 p.
8. Князева А. Взращивая социальные инновации. – URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/vzrashivat-socialnye-innovacii/> (дата обращения: 04.05.2018).
9. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. – М. : МГУ, 1996. – С. 372–392.
10. Freeman C. Technology and Economic Performance: Lessons from Japan. – London : Pinter, 1987. – 155 p.

11. Вареник К. А. Теория инноваций как ключевое направление научных исследований XX века // *Современные проблемы науки и образования*. – 2013. – № 5. – С. 1–11.
12. Крюков В. А. Путь к человеку // *ЭКО*. – 2018. – № 7. – С. 4–6.
13. Клейман Ю. А. Смена технологических укладов на основе внедрения инноваций как фактор технико-экономического развития // *Пространство экономики*. – 2008. – № 1-2. – С. 164–167.
14. Плотников Н. В. Социальная инновация: специфика социологического анализа категории // *Вестник РУДН. Серия : Социология*. – 2009. – № 4. – С. 51–55.
15. Хучек М. Инновации на предприятиях и их внедрение. – М. : Луч, 1992. – 147 с.
16. Гуцаленко Л. А. Социальные инновации и квазиинновации в человеческом изменении // *Социс*. – 2011. – № 7. – С. 15–25.
17. Краснопольская И. И., Мерсиянова И. В. Трансформация управления социальной сферой: запрос на социальные инновации // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2015. – № 2. – С. 29–52.
18. Жохова В. В. Социальное предпринимательство: концепция, сущность и значение // *Современная конкуренция*. – 2015. – № 4 (52). – С. 77–99.
19. Проблемы разработки и практической реализации социальных инноваций : заключительный отчет о НИР №0168-2014-0007 от 11.01.2016 / под ред. В. А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. – 126 с.
20. Баталина М. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России. – М. : ГУ ВШЭ, 2008. – 84 с.
21. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследование. – М. : НИУ ВШЭ, 2011. – 284 с.
22. Gregoire M. Exploring various approaches of social innovation: a francophone literature review and a proposal of innovation typology. – URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1678-69712016000600045&lng=en&tng=en [Accessed: 09.08.2018].
23. Coleman J. S. Social Inventions // *Social Forces*. – 1970. – № 49 (2). – P. 163–173.
24. Fukuda K., Watanabe C. Innovation Ecosystem for Sustainable Development. Sustainable Development – Policy and Urban Development – Tourism, Life Science, Management and Environment / Ed. by prof. Ch. Ghenai. – 2012. – URL: <http://cdn.intechweb.org/pdfs/29237.pdf> [Accessed: 20.08.2018].
25. Анализ состояния и тенденций развития социального предпринимательства в России с учетом возможностей применения опыта развитых индустриальных стран и подготовка предложений по внедрению инвестиционных проектов, реализующих принципы социального предпринимательства в условиях России. – М. : НИУ ВШЭ, 2007. – 66 с.
26. Гришина Я. С. Концептуальная модель правового обеспечения развития российского социального предпринимательства. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 424 с.
27. Global Entrepreneurship Monitor. Global Report. 2016/17. – URL: <https://www.gem-consortium.org/report> [Accessed: 09.08.2018].
28. Медведева Н. В., Куцова К. О. Исследование предпринимательской активности граждан в Российской Федерации: ограничения и потенциальные возможности // *Вестник НГУ. Серия : Социально-экономические науки*. – 2017. – № 3. – С. 112–120.
29. Верховская О. Р., Александрова Е. А. Предпринимательская активность в России: результаты проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» 2006–2016 // *Российский журнал менеджмента*. – 2017. – Т. 15, № 1. – С. 3–26.
30. Авраимова Е. М. Рынок труда и система образования: трудности перевода сигналов // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 3. – С. 51–61.
31. Николаев Н. Тернистый путь. Социальное предпринимательство стало новой идеологией бизнес-деятельности // *Бизнес и власть*. – 2014. – № 961 (32). – URL: <https://rg.ru/2014/08/19/biznes.html> (дата обращения: 17.08.2018).
32. Каранатова Л. Г., Кулев А. Ю. Современные подходы к формированию инновационных экосистем в условиях становления экономики знаний // *Управленческое консультирование*. – 2015. – № 12 (84). – С. 39–46.
33. Сидоров Д. В. Новая модель инновационной экосистемы // *Инновации*. – 2017. – № 08 (226). – С. 61–66.
34. Шакирова Г. Р. Развитие социального предпринимательства в аграрном секторе экономики : автореф. ... канд. экон. наук. – Казань, 2013. – 24 с.

35. Проскурнин С. Д. Создание самоорганизуемой инновационной экосистемы в зонах особого территориального развития // Региональная экономика и управление : электронный научный журнал. – 2017. – № 4 (52). – URL: <https://eee-region.ru/article/5206/> (дата обращения: 17.08.2018).

36. Смородинская Н. В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста // Инновации. – 2014. – № 7 (189). – С. 27–33.

37. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Endless Transition: A «Triple Helix» of University Industry Government Relations // *Minerva* – 1998. – No. 36 (3). – P. 203–208.

Maxim Aleksandrovich Golovchin,

Candidate of Economics, Senior Researcher
of the Federal State Budgetary Institution
of Science «Vologda Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences» (Vologda)

**Ecosystem Approach as an Alternative Way for Development
of Social Innovations in the Region**

The article studies the phenomenon of social innovations and their place in the life of modern society. The purpose of the article is to highlight the significant features of this phenomenon based on the review of scientific sources, as well as to determine the most relevant approach for organizing work concerning the development of social innovations in Russia.

The author analyzes scientific literature, which considers the essence of social innovation as a new dimension of economy, its socio-economic components. Systematizing the views of Russian and foreign scholars, the article distinguishes different approaches to the social innovation ideas: institutional, analogue, societal, service, entrepreneurial, process, ecosystemic. It is determined that, at the present time, social innovation in Russia is developing within the frames of an entrepreneurial attitude (although economically developed countries are gradually moving away from it). On the basis of sociological measurements, the author identifies the constraints in the of social entrepreneurship – a strong dependence on state assistance and grant funds; actual absence of counterparties forming an innovative infrastructure; the lack of entrepreneurial and creative culture among the population (the reason for the latter is often not only objective, but also subjective factors – a wary attitude towards the rationalization ideas of colleagues and direct leadership), etc.

With the help of conceptual modeling, a scheme has been developed for the interaction of a wide range of participants in the process of developing, implementing and promoting social innovations (government bodies, business, population, science, state and non-state funds, etc.) within the innovation ecosystem of a particular region. The possible advantages of this approach for society and the state are identified. Recommendations are presented on the selection of regions for subsidizing the development of the ecosystem from the federal budget.

The article can be used by public authorities for developing the medium and long-term strategies of territories socio-economic development.

Key words: innovation; social innovation; Welfare Mix; actor; counteragent; beneficiary; stakeholder; innovative ecosystem.

Тенденции кредитования для субъектов малого и среднего предпринимательства в России

Статья посвящена рассмотрению вопросов кредитования малого бизнеса в России. Целью статьи являются изучение и анализ тенденций кредитования малого бизнеса в рамках государственной поддержки РФ. В рамках статьи представлены основные показатели осуществления финансирования малых предприятий государством, проведен анализ кредитного портфеля и кредитных продуктов для малого и среднего предпринимательства (МСП): объем выданных кредитов субъектам малого предпринимательства, объем просроченной задолженности по кредитам МСП, выявлены основные тенденции развития кредитования в сегменте МСП – отрасли-лидеры в получении кредитов и предпочтения субъектов МСП в отношении долгосрочности кредитов. Наблюдается положительная динамика реализации льготного кредитования для субъектов МСП в 2017 году. В 2018 году, в сравнении с предшествующим ему годом, ожидается большее оживление предпринимательской деятельности благодаря «облегчению» кредитных продуктов в рамках программ государственной поддержки, так как государство идет малому бизнесу на серьезные уступки, поддерживая его развитие.

Ключевые слова: малое предпринимательство; государственная поддержка; кредитный портфель; финансирование; кредитование.

В современной экономической системе малое предпринимательство играет существенную роль, являясь неотъемлемой частью развития экономики и общества. Вклад малого предпринимательства в санацию экономической системы огромен по значимости, но в настоящий момент очевидно недостаточен. Малое предпринимательство, как бизнес-система неустойчивого характера, наиболее подверженная влиянию изменчивости рыночной системы, нуждается в разноплановой поддержке государства, в частности финансово-кредитной [1].

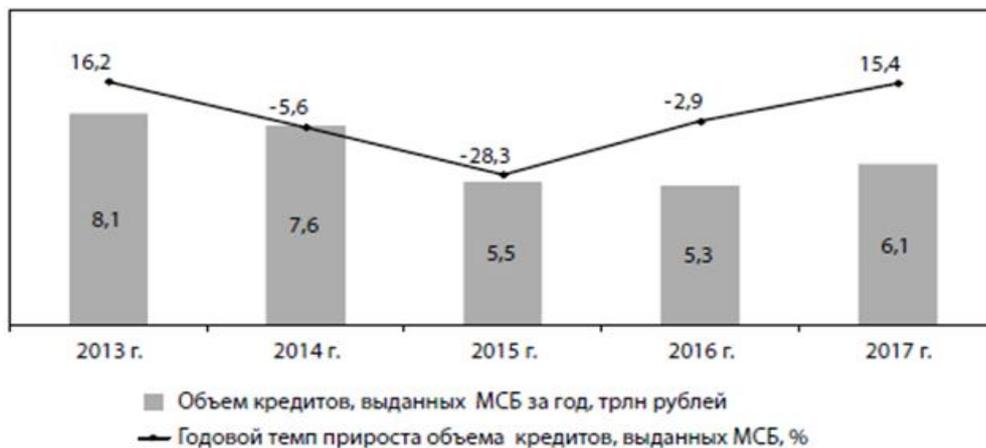

Рис. 1. В 2017 году объем выданных МСП кредитов стал максимальным за последние три года

С начала 2017 года у субъектов малого предпринимательства прослеживается позитивная тенденция увеличения количества одобренных и реализованных кредитных продуктов относительно данных года предшествующего: количество пре-

* Наталья Ивановна Божнева, студентка 3-го курса магистратуры, факультет бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: nbozhneva@mail.ru

доставленных МСП кредитов за каждый квартал 2017 года превосходил показатели соответствующих периодов 2016 года [2]. Размер выдач по итогам 2017 года составил 6,1 трлн рублей, что на 15 % превосходит результаты предшествующего года, но, как и прежде, не достигнуты докризисные показатели (рис. 1) [2; 3]. Тем не менее полученный результат является наибольшим за последние три года: превосходящий объем кредитов банки выдали МСП только в 2014-м – 7,6 трлн рублей (рис. 1) [2; 3]. Рынку способствовало систематическое уменьшение стоимости кредитования МСП по причине изменения Банком России ключевой ставки [2; 4].

Совокупный объем просроченной задолженности по кредитам МСП сократился за 2017 год на 7 млрд и составил 623 млрд рублей (рис. 2) [3; 5]. Несмотря на снижение просроченной задолженности в абсолютном значении, ее относительный уровень в портфеле кредитов МСП остается высоким: доля просроченной задолженности в совокупном кредитном портфеле МСП на 01.01.2018 составила 14,9 % (против 14,2 % на 01.01.2017) (рис. 2) [3; 6]. Стоит отметить, что в 1-м полугодии 2017-го доля просроченной задолженности в кредитах малым и средним предпринимателям снизилась почти до 13 %, а ее резкий рост в августе того же года до 15,5 % был во многом обусловлен существенным сокращением объема кредитного портфеля МСП вследствие обновления регулятором единого реестра субъектов МСП, которое привело к переклассификации части кредитов заемщиков с хорошей платежной дисциплиной в крупный бизнес (рис. 2) [3; 7]. Сегмент кредитования малого и среднего бизнеса остается антилидером по уровню дефолтности среди смежных сегментов кредитования (рис. 2) [3; 6]. Разница по итогам 2017 года показала снижение просроченной задолженности как в абсолютном, так и в относительном выражении. Так, за прошлый год объем просроченной задолженности по кредитам населению сократился до 849 млрд рублей, составив 7 % портфеля на 01.01.2018 против 8 % на 01.01.2017 (рис. 2) [3; 6]. По кредитам крупному бизнесу величина просроченной задолженности за тот же период незначительно выросла до 1,3 трлн рублей, а доля просроченной задолженности стабилизировалась на уровне 5 % (рис. 2) [3; 8]. Однако такой низкий уровень просрочки в сегменте кредитования крупного бизнеса во многом обусловлен сокрытием проблемной задолженности в реструктуризациях, в частности в пролонгациях.

Рис. 2. Уровень дефолтности портфеля кредитов МСП остается выше, чем в смежных сегментах кредитования

Конкуренция между банками в сегменте МСП по-прежнему ведется в основном за клиентов из традиционных отраслей [9]. Так, наиболее охотно банки, как и ранее, кредитуют бизнес, занимающийся торговлей, вследствие наибольшего сосредоточения субъектов МСП именно в данной отрасли. На этот сегмент в 2017 году пришелся 51 % всех кредитов, предоставленных малому бизнесу, против 47 % за 2016-й (рис. 3) [3; 6]. Доля выдач в сфере операций с недвижимым имуществом сократилась за год на 2 п. п., до 4 %, на фоне снижения цен на рынке недвижимости, в то время как доля строительства увеличилась до 14 % в 2017-м против 12 % в 2016 году. Доля обрабатывающих производств в совокупном объеме кредитов, выданных МСП в прошлом году, выросла на 2 п. п., до 14 %. На прочие отрасли пришлось 24 % предоставленных кредитов МСП против 28 % в 2016 году (рис. 3) [3; 6]. Наибольший вес в прочих отраслях, как и годом ранее, имеют финансовая и страховая деятельность (6 %) (рис. 3) [3; 10]. Также ввиду запуска новой программы субсидирования кредитования МСП в 2018 году ожидается рост финансирования ряда других приоритетных отраслей: обрабатывающих производств, строительства, транспорта и связи, туристской деятельности, здравоохранения и утилизации отходов [11].

Рис. 3. Сфера торговли по-прежнему финансируется больше других отраслей

Начиная с 2014 года около 70 % кредитов, выдаваемых МСП, имели срочность до одного года [2; 12; 13]. Вследствие возросших процентных ставок и негативных макроэкономических факторов небольшие компании не могли строить долгосрочные планы и были не готовы брать дорогие кредиты на длительный срок [2; 13]. В свою очередь банки, не уверенные в будущем финансовом положении заемщиков в условиях снижения доходности их бизнеса, сокращали свои программы долгосрочного финансирования МСП [2; 14].

В 2017 году самыми востребованными кредитными продуктами по-прежнему остаются кредитные линии и овердрафты, которые направляются на финансирование оборотного капитала и ликвидацию кассовых разрывов (доля краткосрочных ссуд составила 61 % выдач против 66 % в 2016-м) (рис. 4) [3; 15; 16]. Однако по мере снижения ставок и оживления экономики начал восстанавливаться спрос на кредиты под инвестиционные проекты (рис. 4) [3; 17]. Так, за 2017 год доля ссуд, выдаваемых на срок свыше трех лет, составила 18 %, превысив тем самым докризисные показатели (рис. 4) [3; 12]. Стоит отметить, что доля кредитов на срок от года до трех лет третий год подряд стабильна и составляет 21 % ссуд, выданных субъектам МСП (рис. 4) [3; 12].

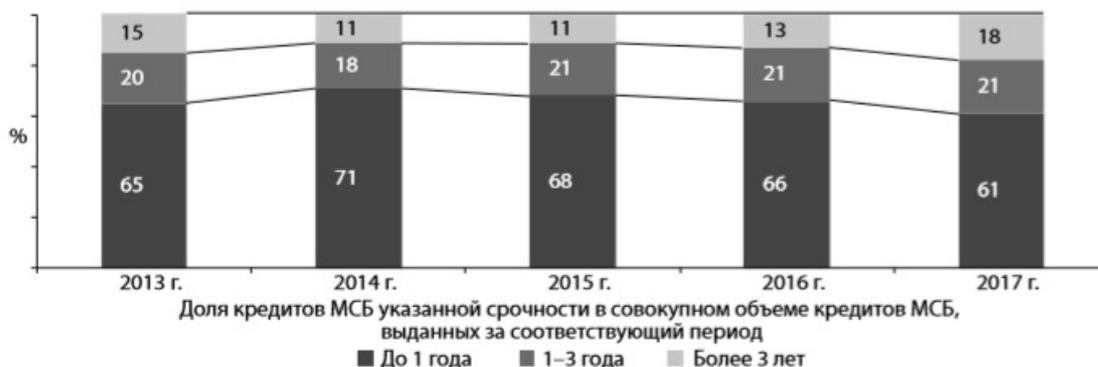
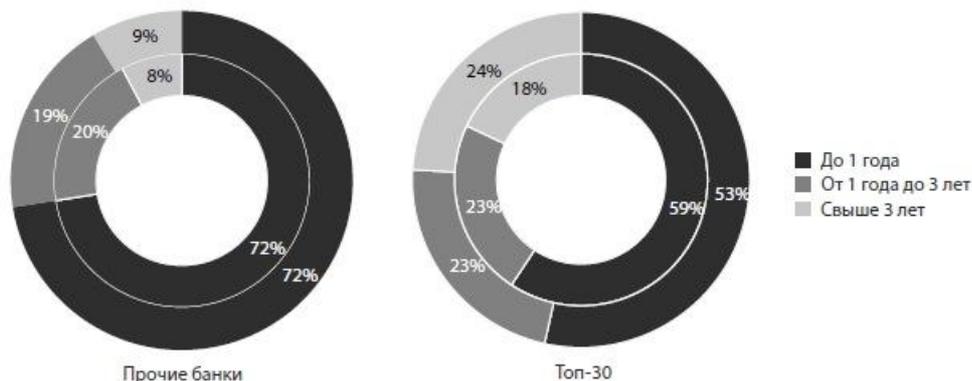

Рис. 4. В 2017 году спрос на долгосрочные кредиты стал восстанавливаться

Поскольку крупные банки чаще имеют доступ к долгосрочному финансированию, а также в основном являются участниками программ господдержки, то именно топ-30 банков более активно выдавали длинные кредиты МСП, чем другие игроки [12; 14]. Доля ссуд сроком свыше трех лет у крупнейших банков за 2017 год выросла на 6 п. п. и составила 24 %, в то время как у остальных участников рынка доля выданных долгосрочных кредитов выросла всего на 1 п. п., до 9 % (рис. 5) [3; 8]. Доля ссуд со срочностью до года в объеме выдачи банков из топ-30 за прошлый год составила 53 против 59 % за 2016-й, у средних и небольших банков этот показатель сохранился на уровне 72 % (рис. 5) [3; 8].

(внутренний круг – объем выданных кредитов МСБ в 2016 году, внешний круг – в 2017 году)

Рис. 5. Крупные банки предоставляли кредиты на срок свыше трех лет активнее прочих участников рынка

Касательно региональной структуры кредитов МСП, существенных изменений предоставленных в 2017-м кредитов малым и средним предприятиям не отмечено [12; 14]. В Москве за прошлый год было выдано 1,5 трлн рублей, что позволило увеличить долю в общем объеме выданных всего на 1,1 п. п., до 24,5 % (рис. 6) [3; 8; 12]. Доли других регионов изменились не более чем на 1 п. п. (рис. 6) [3; 8; 12]. В целом по России в 2017 году наблюдался рост предоставляемых МСП ссуд, наибольшую прибавку (+28,7 %) объема выданных показал Дальневосточный федеральный округ (рис. 6) [3; 8; 12].

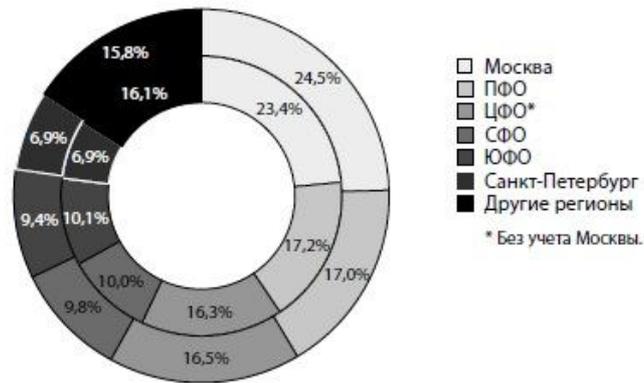
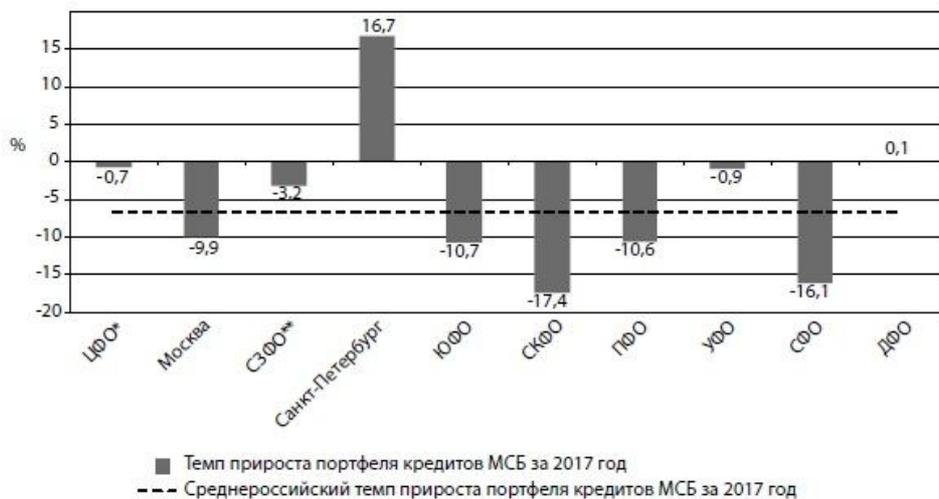

Рис. 6. В 2017 году региональная структура кредитов МСП не претерпела серьезных изменений (внутренний круг – доля региона в объеме выданных кредитов МСП в 2016 году, внешний круг – в 2017 году)

В то же время динамика кредитных портфелей в региональном разрезе негативна: в восьми из десяти регионах объем задолженности МСП в 2017 году снизился, согласно официальной статистике Банка России [8; 12; 14]. Небольшой прирост портфеля Дальневосточного федерального округа коррелирует с динамикой объема выдач за год [8; 12; 14]. В Санкт-Петербурге портфель ссуд МСП вырос за 2017 год на 16,7 %, что можно отчасти объяснить эффектом низкой базы (рис. 7) [3; 8; 12; 14].

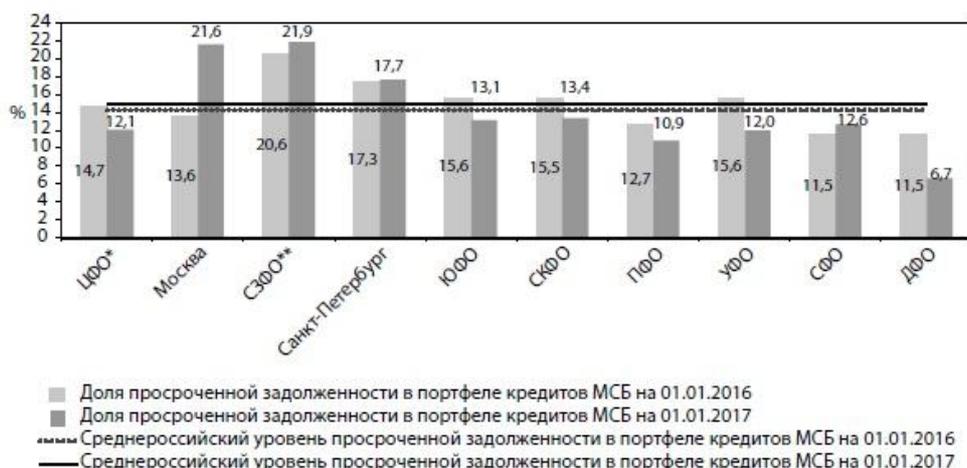

* Без учета Москвы.

** Без учета Санкт-Петербурга.

Рис. 7. Сокращение кредитного портфеля МСП затронуло почти все федеральные округа

Наиболее высокий уровень проблемных кредитов по-прежнему демонстрируют Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) и Москва (каждый по 22 % на 01.01.2018) (рис. 8) [3; 8; 14]. При этом резкий рост доли просроченной задолженности в Москве во многом связан с сокращением кредитного портфеля [8; 14]. Существенно улучшилось качество кредитного портфеля МСП в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), в том числе за счет значительного роста выдач в регионе [8; 14]. Так, за 2017 год объем просроченной задолженности сократился на 42 %, таким образом доля просроченной задолженности в регионе (7 % на 01.01.2018) стала существенно ниже среднероссийского уровня (15 %) (рис. 8) [3; 8; 14]. В Центральном, Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Уральском федеральных округах доля просроченной задолженности за прошлый год снизилась и не превышает среднего уровня по стране (рис. 8) [3; 8; 14].

* Без учета Москвы.

** Без учета Санкт-Петербурга.

Рис. 8. Наибольший уровень проблемных кредитов показали Санкт-Петербург и СЗФО

Таким образом, оживление малого бизнеса в России не будет возможным без его разносторонней поддержки. Благодаря политике Правительства РФ динамика 2017 года по выдаче кредитов субъектам МСП положительная: размер кредитных выданных по итогам 2017 года составил 6,1 трлн рублей, что на 15 % превосходит результаты предшествующего года, объем просроченной задолженности по кредитам МСП сократился за 2017 год на 7 % (рис. 1, 2) [2; 3; 5; 6; 7; 8]. Конечно, наиболее охотно банки, как и ранее, кредитуют бизнес, занимающийся торговлей, но, благодаря запуску новой программы субсидирования кредитования МСП, в текущем году ожидается рост финансирования ряда других приоритетных отраслей. При всем этом Правительство РФ готово идти малому бизнесу на еще большие уступки в рамках программы государственной поддержки его развития [18].

В 2018 году динамика кредитования сегмента МСП в большей степени определена развитием программ государственной поддержки субъектов МСП, усилением конкуренции, преимущественно среди крупных банков, за качественного заемщика, а также политикой банков в части подходов к оценке финансового положения своих клиентов.

За последние несколько лет в России стартовал и действует ряд программ государственной поддержки бизнеса. К ним можно отнести программу корпорации МСП «Шесть с половиной», лимит которой был увеличен на 50 млрд рублей в прошлом году, поручительства корпорации МСП, программу льготного кредитования субъектов АПК при поддержке Министерства сельского хозяйства и другие [12; 14]. Также с начала февраля 2018 года Минэкономразвития РФ запустило программы субсидированного кредитования малых и средних предпринимателей под 6,5 %, которое позволит более чем на 3 п. п. снизить действующие льготные ставки [2].

Увеличение доступности и облегчение порядка кредитного финансирования малого бизнеса позволят решить проблему ограниченности и недостатка финансовых ресурсов для его жизнедеятельности.

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 06.08.2018).
2. Кредитование малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ : [сайт]. – URL: <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/smallBusiness> (дата обращения: 03.09.2018).
3. Аналитика [Электронный ресурс] // RAEX : рейтинговое агентство («Эксперт РА»). – URL: <https://raexpert.ru/analytics/> (дата обращения: 03.09.2018).
4. Сведения о размещенных и привлеченных средствах [Электронный ресурс] // Банк России : [сайт]. – URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=sors> (дата обращения: 15.08.2018).
5. Аналитический центр НАФИ [Электронный ресурс]. – URL: <http://nafi.ru/analytics/> (дата обращения: 03.09.2018).
6. Статистический учет инвестиций [Электронный ресурс] // Банк России : [сайт]. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/PrtId=st_dir-inv (дата обращения: 17.08.2018).
7. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба : [сайт]. – URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html>
8. Объем кредитов, предоставленных субъектам малого и среднего предпринимательства в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлах [Электронный ресурс] // Банк России : [сайт]. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=302-17&pid=sors&sid=ITM_33769 (дата обращения: 11.08.2018).
9. Изменения в законодательстве МСП [Электронный ресурс] // Росстат : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/metod/prom/pril_mal-pred.htm (дата обращения: 08.08.2018).
10. Малые предприятия [Электронный ресурс] // Росстат : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/ (дата обращения: 03.08.2018).
11. Институциональные преобразования в экономике [Электронный ресурс] // Росстат : [сайт]. – URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/ (дата обращения: 17.08.2018).
12. Публичная информация [Электронный ресурс] // Корпорация МСП. – URL: <https://corpmsp.ru/about/info/> (дата обращения: 20.08.2018).
13. Дело в пуле: господдержку малого бизнеса переведут на коммерческие рельсы [Электронный ресурс] // Банкир.Ру : информационное агентство. – URL: <https://bankir.ru/publikacii/delo-v-pule-gospodderzhku-malogo-biznesa-perevedut-na-kommercheskie-relysy-10009297/> (дата обращения: 02.08.2018).
14. Информационные системы [Электронный ресурс] // Бизнес-навигатор МСП : портал. – URL: <https://smbn.ru/msp/is.htm> (дата обращения: 20.08.2018).
15. Малый и средний бизнес [Электронный ресурс] // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. – URL: <https://tpprf.ru/ru/business/> (дата обращения: 20.08.2018).
16. Поддержка самых маленьких [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/315813> (дата обращения: 16.08.2018).
17. Экономика малых [Электронный ресурс] // Эксперт. – URL: <http://expert.ru/expert/ekonomika-malyih/> (дата обращения: 01.09.2018).
18. Гайва Е. Дело за малым. Микропредприятия выходят из тени [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2018. – 23 января (№ 7477 (14)). – URL: <https://rg.ru/2018/01/23/chislo-malyh-i-srednih-predpriyatij-v-rossii-vyroslo-na-tret.html> (дата обращения: 25.08.2018).

Natalia Ivanovna Bozhneva,

Master Student, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Trends in Lending for Small and Medium-Sized Businesses in Russia

The article is devoted to the consideration of issues of small business crediting in Russia. The purpose of the article is to study and analyze the trends of lending to small businesses within the framework of state support of the Russian Federation. The author presents the main indicators of state financing of small enterprises, analyzes the loan portfolio and credit products for small and medium-sized enterprises (SMEs): the volume of loans extended to small businesses, the volume of overdue loans for SMEs. She also identifies the main development trends of lending in the SME segment – leading industries obtaining loans and preferences of SMEs with respect to the long-term loans. There is a positive dynamics in the implementation of concessional lending for SMEs in 2017. In comparison with the previous year, a certain revival of business activity is expected due to state support facilitating the access to credit products for small businesses that could contribute to their development.

Key words: small business; state support; loan portfolio; financing; crediting.

Ипотечное страхование в РФ: современные тенденции развития и проблемы

Статья посвящена теоретическому осмыслению современных тенденций развития и проблем ипотечного страхования в РФ. Проблемы развития ипотечного страхования в РФ проявляются в наиболее общем виде. Материалы научных трудов, подходы к изучению исследуемой проблематики позволили выявить методологические основы для проведения исследования.

Ключевые слова: страхование; ипотечное страхование; кредит; ипотечный кредит; страховые выплаты; страхователь; страховщик.

Российская Федерация, перенимая и развивая апробированные на Западе формы бизнеса, интегрируется в мировую финансовую систему и становится полноправным членом мирового сообщества. Одной из форм бизнеса является ипотечное кредитование, развитие которого в России можно уверенно констатировать как реальность. Об этом свидетельствуют тенденции последних лет: уверенный рост объемов ипотечного кредитования, развитие собственных ипотечных программ заявляемыми новыми игроками ипотечного рынка, законодательные инициативы федеральных и местных органов власти.

Рассматривая ипотеку как элемент экономической системы, следует выделить три наиболее характерные ее черты (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика черт ипотеки как элемента экономической системы [2]

Ипотечное кредитование как элемент экономической системы		
Залог недвижимости является инструментом привлечения необходимых финансовых ресурсов для развития ипотеки	Реализация имущественных прав на объекты, в то время как иные формы (купля-продажа) в данных условиях нецелесообразны	Формирование с помощью фиктивного капитала на базе ценной бумаги при эмитировании собственником объектов недвижимости

В экономическом отношении ипотечное кредитование является рыночным инструментом оборота имущественных прав на объект недвижимости в случае, когда юридически или коммерчески нецелесообразны другие формы отчуждения (купля-продажа, обмен), и позволяющий привлечь дополнительные финансовые средства.

Представляется, что сущность ипотеки заключается в отношениях по поводу кредитования под залог недвижимого имущества, при котором кредитор-залогодержатель имеет право в случае неисполнения должником-залогодателем обязательства получить удовлетворение своих требований за счет заложенного недвижимого имущества.

В 2018 году страхование ипотеки является обязательным действием, которое требуется от заемщика, пожелавшего оформить кредит для покупки недвижимого имущества [1]. Данная форма страхования включает определенные меры, которые будут направлены на то, чтобы обеспечить банку гарантию со стороны должников относительно возможности погасить кредит и исключить риски.

* **Ирина Фанисовна Губанова**, магистрант факультета бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

В 2018 году ипотечное страхование осуществляется по трем основным формам, причем не каждая из них является обязательной – банковские организации могут только рекомендовать их или предложить более выгодные условия предоставления займа при заключении определенных видов договора страхования.

Ипотечное страхование пользуется популярностью в крупных мегаполисах, для которых характерны высокие показатели количества заключенных договоров ипотечного страхования и собранных страховых премий. Популярностью также пользуются регионы, для которых характерно проведение строительных работ по возведению новостроек. К ним относятся Московская, Новосибирская, Челябинская и Ленинградская области. О востребованности ипотечных страховых услуг свидетельствует статистическая информация:

- о заключенных договорах;
- о собранных страховых премиях страховщиками.

Финансовый кризис 2015 года привел к спаду востребованности ипотечных услуг, особенно тех, в которых валюта кредитования измеряется в долларовом эквиваленте. Актуальным вопросом стала перспектива государственной поддержки при ухудшении рыночной ситуации и дефолта заемщиков. В этот период уже активно применялось страхование ипотеки, что позволило минимизировать потери, являющиеся последствиями резких валютных скачков. Поддержка сервиса ипотечного страхования позволила сохранить ставки по кредитам на прежнем уровне. Некоторые заимодатели имели возможность даже снизить их величину.

Для поддержки рынка ипотеки на правительственном уровне было принято решение о государственной помощи. Из бюджета было выделено 4,5 миллиарда рублей на выплаты в фонд помощи должникам, которые не смогли рассчитаться с кредиторами.

Резкие скачки национальной валюты в 2015–2017 годах стали причиной финансового кризиса кредиторов, заемщиков и страховых компаний. Заемщики не могли выполнять обязательства по новому валютному курсу, поскольку их доходность осталась на прежнем уровне, актуальном для периода, в который была оформлена сделка. Продажа заложенного имущества не покрывала расходов займодателей, а страховщики не в состоянии были выплачивать огромные денежные суммы. Отчасти проблема была решена благодаря государственной поддержке.

В рамках программы был предусмотрен особый порядок конвертации кредита в рубли по курсу Центрального банка на день реструктуризации. При переводе половину убытков приняло на себя Агентство по ипотечному жилищному кредитованию, а другую половину должен был компенсировать кредитор, который частично переложил ответственность на страховщиков. Политико-экономические обстоятельства 2015–2017 годов не способствовали тенденции развития ипотечного страхования, поскольку все стороны сделки стремились урегулировать уже имеющиеся отношения.

За прошлый период высокими показателями отличилась перестраховочная кампания, за год собравшая 10,44 миллиона рублей страховых премий. Лидером на рынке является «АльфаСтрахование», популярностью также пользуется компания «Росно», сотрудничающая практически со всеми крупными банками. В 2017 году количество оформленных договоров было увеличено на 47,7 %, что составило 7,1 миллиона договоров. Ипотека стала популярным продуктом и среди юридических лиц. Количество оформленных договоров, согласно общей статистике, достигло 86,6 тысячи. Объем премий достиг отметки в 25,7 миллиарда рублей, что на 21,8 % меньше показателей по итогам предыдущего года [1].

В условиях кризиса, обусловленного экономическим спадом, ужесточаются требования банковских учреждений к размеру первоначального взноса, что становится причиной спада объемов продаж на ипотечном рынке и, как следствие это-

го, снижения востребованности в услугах ипотечного страхования. В 2018 году сохраняются тенденции внедрения жестких стандартов ипотечного кредитования даже в благоприятных для развития экономики условиях. Для обеспечения привлекательности ипотечного страхования планируется продолжение процедуры по рефинансированию кредитов по ипотеке, оформленных до периода кризиса. Чтобы страховой продукт был привлекателен для участников ипотечной сделки, прежде всего необходимо увеличивать показатели продаж недвижимости. Для этого планируются изменения в российском законодательстве, направленные на создание экономических стимулов использования страхования ипотеки, с учетом его функциональных особенностей.

Для повышения доступности услуг необходимо применение мер, направленных на снижение первоначального взноса, поскольку многие заемщики не могут преодолеть такой барьер. Для решения проблемы необходимо грамотно распределить кредитные риски между всеми участниками сделки.

Таблица 2

Требования банков к набору рисков в 2018 году*

	Сбербанк России	ВТБ 24	Дельта Кредит	Банк Москвы	ГПБ
Страхование жизни и здоровья**:					
смерть застрахованного лица в результате несчастного случая и/или заболевания	включено	включено	включено	включено	включено
утрата застрахованным лицом трудоспособности с установлением инвалидности	I и II группы, в результате НС и ЕП	I и II группы, в результате НС	I группа, в результате НС и ЕП	I и II группы, в результате НС и ЕП	I и II группы, в результате НС и ЕП
временная утрата трудоспособности застрахованного лица		в результате НС		в результате НС и ЕП	
Страхование имущества:					
пожар, удар молнии, взрыв, противоправные действия третьих лиц, залив жидкостью, падение летательных аппаратов, стихийные бедствия, наезд транспортных средств	включено	включено с дополнительным риском «конструктивные дефекты»	включено	включено	включено
Титульное страхование:					

* Составлено автором по материалам финансовой отчетности Центрального банка России (URL: <http://www.cbr.ru>).

прекращение права собственности на него по причинам, не зависящим от страхователя или собственника, на основании вступившего в законную силу решения суда		включено с дополнительным риском «обременение (ограничение) включено права собственности»	с дополнительным риском «обременение включено (ограничение) права собственности»	с дополнительным риском «обременение включено (ограничение) права собственности»	

При ипотечном кредитовании Сбербанк России требует страховать конструктивные элементы предмета ипотеки от рисков утраты (гибели) или повреждения имущества.

Требования к страхованию:

- срок страхования – один год с ежегодной пролонгацией;
- страховая сумма – в размере кредита/остатка размера задолженности по кредиту.

Расчет производился с учетом суммы кредита 11 млн рублей. При расчете страхового взноса процентное соотношение по страхованию жизни устанавливалось следующее: 50 % вносит заемщик, 50 % – созаемщик.

Таблица 3

Расчет страховки*

Название страховщика	Страховой взнос, руб.	Тарифы по страхованию, %		
		Страхование жизни заемщика	Страхование жизни созаемщика	Страхование имущества
ЗАО «МАКС»	36 850	0,28	0,15	0,12
ОАО «АльфаСтрахование»	43 450	0,24	0,15	0,2
ООО «Группа Ренессанс Страхование»	44 000	0,199	0,101	0,25
СПАО «РЕСО-Гарантия»	50 050	разбивку не предоставили		0,15
ООО «ИСК «Евро-Полис»	66 000	0,5	0,5	0,1
АО «СК ПАРИ»	66 000	0,5	0,5	0,1
ООО «Росгосстрах»	71 500	0,5	0,5	0,15
ООО «СК «ВТБ Страхование»	89 100	разбивку не предоставили		
АО «СОГАЗ»	129 800	1	1	0,18
ООО СК «Сбербанк страхование»	129 800	1	1	0,25
САО «ВСК»*	137 500	1	–	0,25
СПАО «Ингосстрах»	–	не работают		0,165
ОАО «САК Энергогарант»	–	не работают		0,15
ООО «СК «Согласие»	–	аккредитация отсутствует		

При расчетах нужно учитывать, что сумма страховки будет уменьшаться каждый год, поскольку в расчетах учитывается размер основного долга.

* Составлено автором по материалам финансовой отчетности Центрального банка России (URL: <http://www.cbr.ru>).

В заключение следует отметить, что перспективы развития страхового рынка ипотеки находятся в прямой зависимости от динамики ипотечного кредитования. Для продвижения услуг планируется законодательное внедрение обязательства страхования всех сделок с вторичной недвижимостью, а также создание единого фонда, формируемого за счет платежей и отчислений, которые обеспечивали бы защиту прав дольщиков. Такие решения позволили бы снизить нагрузку на ипотечное страхование и усилить защиту заемщиков, что обеспечило бы востребованность кредитной услуги.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что ипотечное кредитование является основным драйвером роста для рынка недвижимости и страхования. Возможности кредитной услуги позволяют российским гражданам улучшить качество своей жизни. Она является одной из форм залоговой сделки, при которой закладывается недвижимое имущество. В процессе действия ипотечного договора объект приобретения остается в собственности и в пользовании у заемщика. При невыполнении им обязательств по кредиту займодаделец вправе получить денежную компенсацию затраченных финансовых усилий за счет продажи заложенного имущества. В процессе взаимоотношений все стороны сделки подвержены определенным рискам, связанным с финансовыми и материальными потерями. Для их минимизации применяется ипотечное страхование. Увеличение рисков способствует востребованности страховой услуги, однако условия кризиса обеспечивают уменьшение объемов продаж на ипотечном рынке, что является причиной снижения продаж страховок.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный Закон № 51-ФЗ, принят 30.11.1994 г. // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон № 14-ФЗ, принят 26.10.1996 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федеральный закон № 146-ФЗ, принят 26.11.2001 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный Закон № 138-ФЗ, принят 14.11.2002 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
5. Об ипотеке (залоге недвижимости) : федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ // Российская газета. 22.07.1998. – № 137.
6. О банках и банковской деятельности : федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // Собрание законодательства РФ. – 05.02.1996. – № 6. – Ст. 492.
7. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 15.07.2002. – № 28. – Ст. 2790.
8. Об организации страхового дела в Российской Федерации : федеральный закон от 27.11.1992 № 4015-1 // СПС КонсультантПлюс.
9. Гусакова Е. С. Развитие ипотечного страхования в РФ // Концепт : научно-методический электронный журнал. – 2017. – Т. 4. – С. 107–112. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/770320.htm> (дата обращения: 02.09.2018).
10. Гражданское право : в 2 т. – Т. II. – Полутом 1 / под ред. Е. А. Суханова. – М. : ВолтерсКлувер, 2015. – 400 с.
11. Груздев В. В. Современный подход к недействительности сделок: толкование законодательных новелл // Юрист. – 2014. – № 16. – С. 33–37.
12. Гражданский процесс : учебник / под ред. В. В. Яркова. – 9-е изд. – М. : Инфотропик Медиа, 2014. – 410 с.
13. Дегтярева А. Ограничение свободы договора или защита прав слабой стороны: Постановление Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Административное право. – 2014. – № 2. – С. 23–25.

14. Демин А. А. О функциях договора и договорного регулирования // Юрист. – 2014. – № 15. – С. 4–9.
15. Луценко С. И. Свобода договора (толкование через волеизъявление): пределы дискреции // Современное право. – 2014. – № 4. С. – 63–67.
16. Матвеева Е. Н. Возможности приобретения жилья: ипотека и ее альтернативы // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2013. – Т 3. – С. 546–548.
17. Никитин В. В. Существенные условия и незаключенность договоров: Россия и мир // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5. – С. 799–809.
18. Травина О. В. Свобода договора. Гарантии, последствия нарушения, ограничения // Право и экономика. – 2014. – № 5. – С. 48–51.
19. Финансовая отчетность Центрального банка России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 10.09.2018).

Gubanova Irina Fanisovna

Master Student, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Mortgage Insurance in Russia: Current Trends and Problems

The article deals with the theoretical understanding of modern trends and problems of mortgage insurance in Russia. The problems of mortgage insurance development are presented as a challenge in the Russian Federation. The materials of scientific works, approaches to the study of the problem made it possible to identify the methodological basis for the study.

Key words: insurance; mortgage insurance; loan; mortgage; insurance; insured; insurer.

«Золотой год» ипотечного кредитования

В статье рассмотрен один из видов кредитования банков – ипотека. Описаны основные этапы его падения и восстановления. Рассмотрены основные проблемы и новшества, с которыми столкнулся рынок ипотечного кредитования.

Ключевые слова: ипотека; эскроу-счета; фабрика ИЖК; электронная ипотека.

Ипотека является основным инструментом для приобретения жилья в собственность.

За период своего развития рынок ипотеки прошел несколько этапов падения и восстановления, что непосредственно связано с влиянием макроэкономических факторов. Первая фаза роста ипотечного рынка в 2005–2008 годах завершилась из-за влияния глобального финансового кризиса. 2009 год показал масштабное падение объемов выдачи ипотеки, и только к началу 2012-го ипотечный рынок перешел в фазу роста. Рекордным для него стал 2014 год, когда было выдано 1 млн кредитов, общая сумма которых составила 1,8 трлн рублей. По итогам 2017 года банки выдали рекордный объем ипотечных кредитов за всю историю рынка – 2 трлн рублей (рис. 1), общее количество которых составило более 1 млн (рис. 2) Показатель превысил не только уровень 2016 года в 1,4 трлн рублей, но и максимум 2014 года в 1,8 трлн рублей.

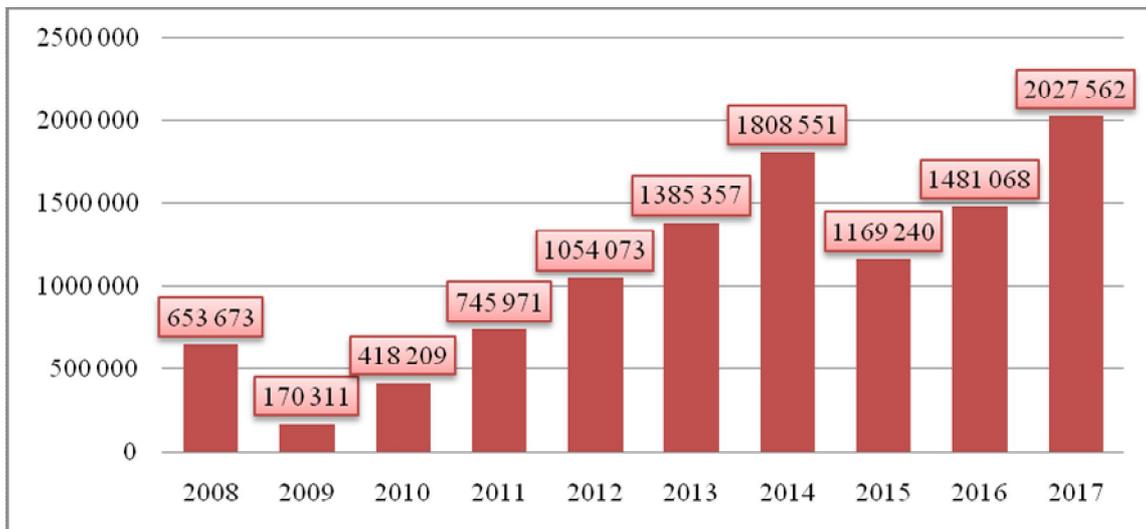

Рис. 1. Объем предоставленных кредитов, 2009–2018 гг., млн руб.¹

* **Татьяна Ивановна Денисова**, магистрант факультета бизнеса и управления, направление «Экономика», АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** **Наталья Николаевна Мокеева**, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

*** **Анна Леонидовна Межецкая**, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, УрГЭУ (г. Екатеринбург).

¹ Источник: [3].

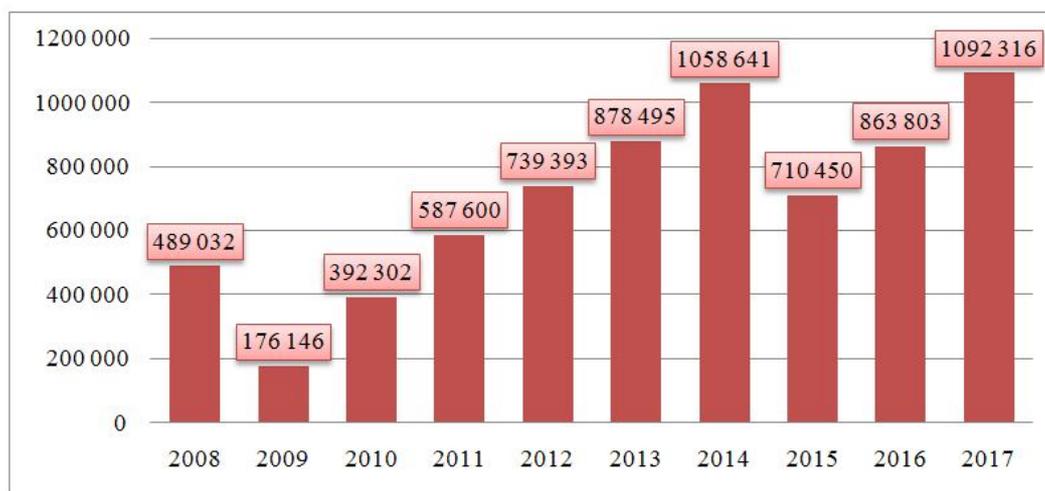

Рис. 2. Количество предоставленных кредитов, 2009–2018 гг., единиц²

Бурный спрос на ипотечное кредитование можно связать с значительным снижением ставок по ипотеке – банки снижали ставки в результате снижения ключевой ставки ЦБ. В течение 2017 года средневзвешенная ставка по ипотеке снизилась с 12,48 до 9,79 %. Совокупный ипотечный портфель за полугодие 2018 года вырос на 11 %³.

По итогам 2017 в пятерку лидеров по объемам выданных ипотечных кредитов вошли следующие банки:

Сбербанк (1 082 413 млн руб.), ВТБ-24 (376 736 млн руб.), Газпромбанк (79 808 млн руб.), Россельхозбанк (73 323 млн руб.), Райффайзенбанк (59 200 млн руб.)⁴.

Рис. 3. Просроченная задолженность кредитов, 2009–2018 гг., млн руб.⁵

Основную долю ипотечных заемщиков составляет население младше 35 лет (порядка 30 %), к 2023 году эта цифра может достичь 60 %. Данное увеличение связано с запуском ипотечной фабрики ИЖК и госпрограммой субсидирования ставки для многодетных семей. Многие банки будут делать ставку на рост ипотечного кредитования, поскольку в условиях растущих кредитных рисков и ограниченности запаса капитала ипотека останется привлекательной в силу низкого

² Источник: [3].

³ Источник: [14].

⁴ Источник: [4].

⁵ Источник: [3].

уровня дефолтности (просроченная задолженность по ипотеке на 1 января 2018 г. составила 1,3 %) (рис. 3).

По объемам выдачи ипотечных кредитов в региональном разрезе во втором квартале 2018 года лидируют Москва и Московская область (34,78 тыс. кредитов на 124,43 млрд руб.), Санкт-Петербург (16,97 тыс. кредитов на 43,89 млрд руб.) и Свердловская область (11,11 тыс. кредитов на 20,60 млрд руб.)⁶.

По данным 4 100 кредиторов, передающих сведения в Национальное бюро кредитных историй (НБКИ), во 2-м квартале 2018 года средний размер ипотечного кредита вырос на 7,1 % (или на 142,8 тыс. руб.) по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 2,16 млн руб. (во 2-м квартале 2017 года – 2,01 млн руб.) (рис. 4).

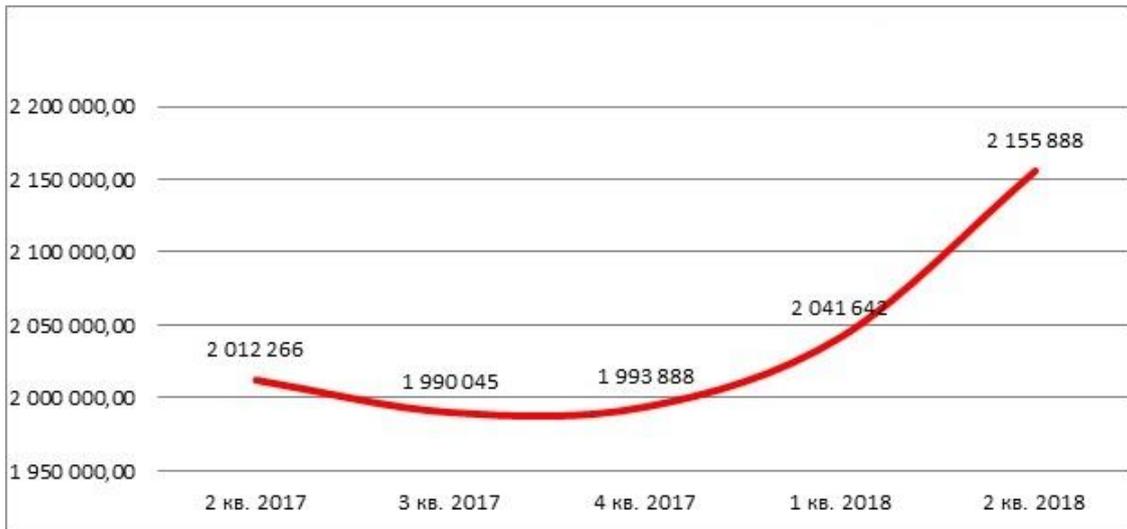

Рис 4. Динамика среднего размера ипотечного кредита в 2017–2018 гг., руб.⁷

Значительная динамика роста среднего размера ипотечного займа (среди 15 регионов – лидеров 2018 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) зафиксирована в Новосибирской области (+9,9 %), Ленинградской области (+9,7 %) и Республике Саха (Якутия) (+9,7 %). В то же время в ряде регионов средний размер ипотечного кредита сократился, в том числе в Ямало-Ненецком АО (-2,9 %), Хабаровском крае (-1,4 %); в Москве и Санкт-Петербурге данный показатель вырос на 4,5 и 2,5 % соответственно⁸.

Самое большое значение среднего размера ипотечного кредита (среди 15 регионов – лидеров 2018 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) во втором квартале 2018 года наблюдается в Москве (4,59 млн руб.), Московской области (3,6 млн руб.), Ямало-Ненецком АО (2,71 млн руб.), Санкт-Петербурге (2,71 млн руб.) и Республике Саха (Якутия) (2,47 млн руб.). В свою очередь, самый низкий показатель среднего размера ипотечного кредита отмечен в Краснодарском крае (1,9 млн руб.) и Ставропольском крае (1,94 млн руб.)⁹.

⁶ Источник: [5].

⁷ Источник: [5].

⁸ Источник: [10].

⁹ Источник: [10].

Топ-15 регионов РФ по среднему размеру ипотечного кредита в регионах РФ по 2-м квартале 2018 г. по сравнению со 2-м кварталом 2017 г., руб.¹⁰

	Регион	2-й квартал 2017	2-й квартал 2018	Изменение, %
1	г. Москва	4 396 380	4 592 071	4,5
2	Московская область	3 116 848	3 356 640	7,7
3	Ямало-Ненецкий АО	2 791 557	2 710 081	-2,9
4	г. Санкт-Петербург	2 638 385	2 705 602	2,5
5	Республика Саха (Якутия)	2 247 285	2 465 824	9,7
6	Ленинградская область	2 228 143	2 444 625	9,7
7	ХМАО-Югра	2 323 419	2 444 149	5,2
8	Приморский край	2 162 897	2 318 955	7,2
9	Хабаровский край	2 270 035	2 238 593	-1,4
10	Тульская область	2 053 219	2 150 343	4,7
11	Архангельская область	2 054 673	2 068 681	0,7
12	Свердловская область	1 941 072	2 047 602	5,5
13	Новосибирская область	1 801 549	1 979 070	9,9
14	Ставропольский край	1 864 660	1 935 615	3,8
15	Краснодарский край	1 806 404	1 901 280	5,3

Ипотечное кредитование растет не только по количеству и суммам выдаваемых кредитов, но и по среднему размеру. Это позволяет нам сказать, что жилищное кредитование является одним из основных драйверов роста всего розничного кредитования.

Существенный вклад в стимулирование спроса вносят и маркетинговые программы застройщиков, в частности покупка квартиры в рассрочку без процентов, оплата после сдачи дома, принятие в зачет вторичного жилья. Все эти методы позволяют привлечь покупателей.

Банкам интересно развивать ипотечные продукты, это обусловлено низким уровнем риска. В результате банки изменяют параметры, сроки рассмотрения кредита, расширяют клиентскую базу. Предельный возраст заемщика для получения ипотеки увеличен с 65 до 70 лет.

В России спрос на жилье напрямую зависит от доходов населения.

Реальные располагаемые денежные доходы, по данным Росстата, в июле 2018 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года увеличились на 2,0 %, в январе–июле 2018 г. – на 2,6 %. Если на этом фоне будут снижаться ставки, то доступность ипотеки возрастет¹¹.

Прирост ипотечного кредитования в пределах 1 % ВВП в год не несет существенной угрозы на горизонте 2018–2019 годов. Если темпы прироста ипотечных кредитов будут больше 1 % ВВП (более 2 трлн руб. за год), это может быть достаточно серьезным сигналом для того, чтобы посмотреть на качество этого портфеля. Такого роста без дополнительных рисков быть не может¹².

Но есть и обратная сторона, при которой увеличивается рост ипотечного кредитования на фоне снижения реальных доходов, тогда мы получаем классический финансовый пузырь, который может привести к финансовому кризису.

Предупреждению формирования кредитных рисков и дальнейшему росту качества ипотечного портфеля будут способствовать меры ЦБ по предотвращению выдачи ипотеки с низким первоначальным взносом (менее 20 %), который в нача-

¹⁰ Источник: [5].

¹¹ Источник: [7].

¹² Источник: [11].

ле 2018 года ввел повышенные коэффициенты резервирования по таким кредитам¹³.

В перспективе рынок жилой недвижимости ждет ряд изменений.

С 1 июля 2018 года введена возможность использования эскроу-счетов для реализации новых проектов жилищного строительства. На сегодня эта норма является добровольной, но в дальнейшем все проекты по привлечению средств граждан в жилищное строительство будут идти только через эскроу-счета. Данный инструмент работает следующим образом: застройщик берет кредит в банке в размере не более 85 % от стоимости проекта, при этом квартиры в объекте продаются по договорам долевого участия. Банк блокирует средства дольщиков до окончания строительства и перечисляет их застройщику после того, как дом закончен. При открытии данных счетов не теряется связь с дольщиками и можно заключать договоры на квартиры на стадии строительства. То, что потратить деньги дольщиков можно будет только после ввода дома в эксплуатацию, на мой взгляд, является шагом к цивилизованному рынку. Если проектное финансирование будет нормально функционировать, если банки будут внимательно проверять, кому они выдают деньги на строительство (ведь теперь и они несут ответственность перед дольщиками), то закон будет работать¹⁴.

В России в 2019 г. запустят полностью электронную ипотеку. Онлайн-оформление ипотеки освободит клиента от посещения офиса и МФЦ для подачи заявления на регистрацию недвижимости. Электронный документооборот сократит расходы банков на всех стадиях обслуживания ипотечного кредита: при процессинге, андеррайтинге, печати документов и так далее. Кроме того, использование электронных закладных при электронном оформлении ипотеки сведет к минимуму риски мошенничества и позволит снизить издержки банка при выдаче кредита. Экономия позволит банкам предлагать сниженные ставки по жилищным кредитам.

С начала 2019 года отрасль столкнется еще и с последствиями повышения НДС с 18 до 20 %. Этот налоговый маневр приведет к замедлению темпов экономического роста и дальнейшему падению деловой активности¹⁵.

Несмотря на масштабные изменения на рынке жилищного строительства, можно сделать вывод, что пока на рынке недвижимости есть столь широкий выбор предложений по привлекательным ценам и при этом нет предпосылок для резкого роста цен, доля ипотеки вряд ли будет снижаться даже при сохранении ставок на нынешнем уровне.

Литература

1. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842
2. Банки.ру [Электронный ресурс] : информационный портал. – URL: <http://www.banki.ru>
3. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования [Электронный ресурс] // Центральный Банк Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=ipoteka>
4. Рейтинг ипотечных банков [Электронный ресурс] // Аналитический Центр по ипотечному кредитованию и секьюритизации : официальный сайт. – URL: http://rusipoteka.ru/profi/ipoteka-rejtingi/rejting_ipotechnyh_bankov/
5. Бюро кредитных историй [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: <https://www.nbki.ru/company/news>

¹³ Источник: [10].

¹⁴ Источник: [11].

¹⁵ Источник: [15].

6. Данные об объемах кредитов, депозитов и прочих размещенных средств, предоставленных организациям, физическим лицам и кредитным организациям [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации : официальный сайт. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/4-3-1_17.htm&pid=pdko_sub&sid=dopk
7. Реальные доходы населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: <http://www.gks.ru>
9. Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: <http://www.cbr.ru>
10. Об ипотеке по-русски [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ipotek.ru/>
11. Дом.рф [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: <https://Дом.рф>
12. Grandars [Электронный ресурс] : аналитический ресурс. – URL: <http://www.grandars.ru>
13. Bankir.Ru [Электронный ресурс] : информационное агентство. – URL: <http://bankir.ru>
14. РБК [Электронный ресурс] : информационное агентство. – URL: <http://www.rbc.ru>
15. Новости экономики России и мира [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/economics/>
16. Ипотека. Последние новости [Электронный ресурс] // РИА «Новости». – URL: https://ria.ru/lenta/tag_thematic_category_ipoteka/
17. Финансы и кредит [Электронный ресурс] : журнал. – URL: <http://www.fin-izdat.ru/journal/fc/arch.php>
18. Вестник Банка России [Электронный ресурс] // Банк России. – URL: <http://www.cbr.ru/publ/?PrId=vestnik>

Tatyana Ivanovna Denisova,

Master Student, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Natalia Nikolayevna Mokeyeva,

Candidate of Economics, Associate Professor of Department of Finances,
Money Circulation and Credit, the Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Anna Leonidovna Mezheritskaya,

Associate Professor of the Chair of Competition Law and Antimonopoly Regulation,
the Ural State University of Economics (Ekaterinburg)

"GoldenYear" of Mortgage Lending

The article considers one of the types of bank lending, the mortgage. The main stages of its fall and recovery are described. The main problems and innovations faced by the mortgage market have been considered.

Key words: mortgage; escrow accounts; MHL factory; electronic mortgage.

Системная смена. Разделение банков на универсальные и базовые

На данный момент среди банков есть разделение по пяти видам лицензий в зависимости от списка проводимых операций. Также есть группа системно значимых банков, но вот разделения по размеру капитала не было, хотя при классификации возникает одним из первых в голове размышляющего. С 2019 года будет два типа банков: базовые и универсальные. Этот переход, безусловно, ограничит возможности банков и существенно изменит параметры их деятельности. Также в большей степени данное изменение коснется оценки контрагентов, потому что затронет перечень раскрываемой информации контрагентом, но при этом может снизить нормативное давление со стороны Банка России. Регулятор принял решение провести такую реформу в связи с неравным положением маленьких региональных банков и федеральных. По мнению руководителей Банка России, данное нововведение позволит привлечь банкам с базовой лицензией больше средств малого и среднего бизнеса, а также населения. Целью данного исследования является анализ возможных изменений в банковской сфере и оценка их влияния на будущее кредитных организаций. Но помогут ли данные изменения решить текущие проблемы? Все ли зависит только от «руки» регулятора? Нужно, чтобы банки понимали цель данных изменений, а не пытались использовать данный повод для ухода от ответственности и налогового и регулятивного контроля.

Ключевые слова: коммерческий банк; Банк России; универсальная лицензия; базовая лицензия; нормативы; ФОР; резервы; нерезиденты.

Введение

Российская банковская система на протяжении всей российской истории не имела внутренних разделений помимо видов лицензий. Абсолютно для всех банков до 2018 года был единый порог в виде 300 млн рублей уставного капитала. Формирование банковского сектора в Российской Федерации началось, как и самого государства, в 1992 году. Практически каждый предприниматель также считал, что, создав банк при предприятии, он сможет безнаказанно скрывать поток денежных средств и «отмывать» их. К сожалению, на тот момент создание банка для подобных целей было возможно из-за слабого развития законодательства в России. Банковский сектор существенно разросся и вмещал в себя порядка 1 400 банков (1992 год), что для такого маленького сектора, как российский, было непозволительной роскошью.

С течением времени ситуация на банковском секторе менялась, благодаря естественным и искусственным факторам. За 26 лет банковский сектор сократился до 512 кредитных организаций, по данным на 01.09.2018 г.

* Валерий Алексеевич Паньков, студент 1-го курса кафедры финансов, денежного обращения и кредита УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: valeron199571@gmail.com

Научный руководитель: Н. Н. Мокоева, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Кредитные организации, имеющие право на осуществление банковских операций

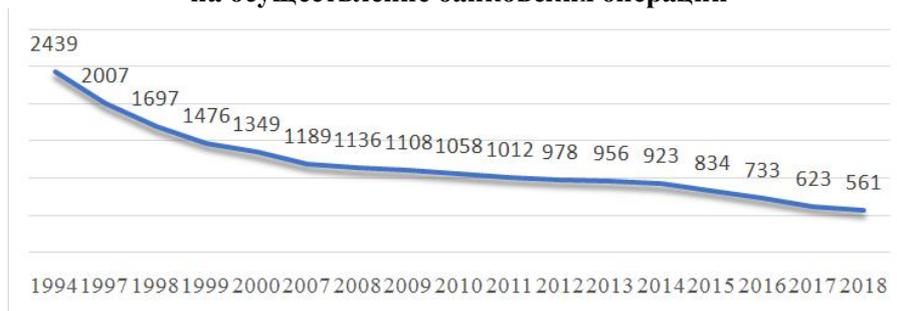

Рис. 1. Количество действующих банков в РФ¹

В последние годы руководители Банка России старательно пытаются сократить количество «проблемных» банков, которые тянут сектор вниз, по мнению регулятора. Ежедневно появляются новости об отзыве лицензии у того или иного банка. Одна из главных причин – нарушение федерального закона «о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» ФЗ № 115 от 07.08.2001. Данный факт можно считать отголоском лихих 90-х, когда банки использовались для «обеления» денежных средств. Многие именно через кредитные организации пытались заполучить валюту и избавиться от наличности, полученной сомнительным путем. Казалось бы, что всем понятен курс, взятый Банком России, который пытается максимально оздоровить и сократить банковский сектор, но в 2017 году мнение многих несколько изменилось. Именно с этого года начались активные изменения в структуре банковского сектора. До 2018 года банковская система выглядела следующими образом (рис. 2):

Рис. 2. Структура банковской системы РФ [21]

Как видно на рисунке 2, коммерческие банки разделялись условно на три группы, для которых не было практически никаких законодательных ограничений, потому что все это зависит только от правления банка, которое изначально определяет, в каком векторе будет развиваться. Все сводилось к тому, что каждый банк выбирал и старался получить один из пяти видов лицензий, которые позволяли банкам предлагать различный набор банковских операций конечному потре-

¹ Составлено автором по: [18].

бителю. Согласно приложениям к Инструкции Банка России «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» № 135-И от 02.04.2010 г. минимальная лицензия позволяет банку осуществлять следующее: банковские операции в рублях без возможности привлекать средства физических лиц и проводить операции по привлечению во вклады и размещению драгметаллов. Лицензия уровнем выше добавляет возможность инкассировать денежные средства и совершать переводы без открытия банковских счетов, в том числе переводы электронных средств. Лицензия 3-го уровня разрешает проводить банковские операции в рублях, но уже с привлечением средств физических лиц, и открытие вкладов и размещение драгметаллов, но без инкассации и без переводов, без открытия банковских счетов. Следующая позволяет проводить все операции с рублями, валютой, инкассацию, переводы без открытия счетов, но за исключением привлечения средств физических лиц. Последний же вид лицензии, она же генеральная, позволяет проводить все операции в рублях и валюте, в том числе инкассацию и переводы, привлекать средства населения, работать с драгметаллами. Данные ограничения напрямую не связаны с капиталом. Но с 2018 года введено разделение банков именно по этому показателю. Будут существовать еще две категории банков наравне с разделением по набору разрешенных операций. С 2019 года в обязательном порядке банки, имеющие капитал менее 1 млрд рублей, но более 300 млн должны получить базовую лицензию. В свою очередь банки с капиталом свыше 3 млрд рублей обязаны иметь универсальную лицензию. Банки же в переходной группе вправе самостоятельно решить, какой вид лицензии им нужен. Существует одно весомое ограничение. После получения универсальным банком базовой лицензии должно пройти два года, чтобы появилась возможность вновь получить универсальную. Исходя из этих условий можно сформировать несколько групп банков, которые помогут сформировать понимание, сколько в перспективе может быть банков с той или иной лицензией.

По данным на 01.09.2018 г. [11]:

1-я группа – банки с капиталом свыше 3 млрд рублей от 160 до 150 банков;

2-я группа – банки с капиталом от 1 до 3 млрд рублей от 115 до 135 банков.

Группа тех банков, которые сами вправе решать, какую лицензию получить;

3-я группа – банки с капиталом менее 1 млрд рублей от 335 до 345 банков.

Банки как раз третьей группы обязаны вплоть до 01.01.2019 получить базовую лицензию в связи с новыми требованиями законодательства. Банки из первой группы не почувствуют никаких изменений, так как по умолчанию у всех банков была универсальная лицензия. Самой же неопределенной группой будет вторая, потому что в рамках законодательства они имеют право самостоятельно выбрать, с какой лицензией продолжать им деятельность. Для того чтобы понимать, от чего будет зависеть их выбор, нужно рассмотреть отличия базовой и универсальной лицензий. Банк России мотивирует разделение банков по размеру капитала неоднородностью сектора, что не позволяет маленьким и региональным банкам конкурировать с большими в привлечении ресурсов, что впоследствии вызывает большую регуляторную нагрузку. Первым различием является количество нормативов, которые должны будут раскрывать банки с базовой лицензией.

Сравнение нормативов банков с базовой и универсальной лицензиями²

Показатель	Базовая лицензия	Универсальная лицензия
Минимальный размер капитала	0,3 млрд рублей	1 млрд рублей
Н1.0 – норматив достаточности капитала	Min = 8 %	Min = 8 %
Н1.2 – норматив достаточности основного капитала	Min = 6 %	Min = 6 %
Н3 – норматив текущей ликвидности	Min = 50 %	Min = 50 %
Н6 – требования к нормативу максимального размера риска на одного заемщика или группу связанных лиц	Max = 20 %	Max = 25 %
Н25 – требования к нормативу максимального размера риска на группу связанных с банком лиц	Max = 20 %	Max = 20 %

Как видно из таблицы 1, для банков с базовой лицензией будут действовать 5 обязательных нормативов против 12 для универсальной. Также введена в действие Инструкция Банка России «Об обязательных нормативах банков с базовой лицензией» 183-И от 6 декабря 2017 г., в которой как раз закреплены все требования к банкам с базовой лицензией. При этом изменения коснулись также порядка расчета нормативов Н6 и Н25. В частности, операции, совершенные банком с субъектом, не являющимся физическим лицом или субъектом малого или среднего предпринимательства, и отраженные на балансовых счетах и внебалансовых счетах после 1 января 2018 года, с 1 июля 2018 года включаются в числитель обоих нормативов за вычетом сформированного резерва на возможные потери с коэффициентом 2. Такой коэффициент не применяется в отношении остатков денежных средств на корреспондентских счетах в банках с универсальной лицензией, за исключением остатков денежных средств, определенных специальными пунктами Инструкции Банка России «Об обязательных нормативах банков» 180-И от 28.06.2017 г. Операции с НКО «Национальный Клиринговый Центр» учитываются с коэффициентом риска 100 %. Прежде всего это направлено на то, чтобы мотивировать банки работать с малым и средним бизнесом, и физическими лицами в первую очередь, а не проводить различные операции с кредитными организациями и не держать средства на их счетах. Также сомнительным решением выглядит невключение в список норматива Н2 (норматив мгновенной ликвидности), Н9.1 (максимальный размер кредитов, банковских гарантий и поручительств, предоставленных банком своим участникам (акционерам)), Н12 (норматив использования собственных средств капитала банка для приобретения акций (долей) других юридических лиц). Отсутствие данных нормативов является наиболее критичным. Непредоставление информации по Н2 спровоцирует повышение рисков при оценке финансового положения контрагента и увеличит риск нанесения ущерба населению при дестабилизации банка. Непубликация данных по Н9.1 и Н12 может спровоцировать сокрытие реального положения дел по данному вопросу и возрастание числа схем по выводу средств из банка.

² Составлено автором по: [14].

Таблица 2

Различия в требованиях Банка России к банкам с базовой и универсальной лицензиями³

Виды информационных данных	Базовая	Универсальная
Информация о принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом	Необязательна к раскрытию	Обязательна к раскрытию
Информация о лицах, под контролем либо значительным влиянием которых он находится	Необязательна к раскрытию	Обязательна к раскрытию
Информация о финансовых инструментах, включаемых в расчетах собственных средств	Необязательна к раскрытию	Обязательна к раскрытию
Руководитель службы внутреннего контроля	Может не назначаться	Обязательно назначается

Требования к раскрытию информации о владельцах, процедурах оценки рисков и тому подобного также различаются. Как видно из таблицы 2, банки с базовой лицензией теперь имеют право не раскрывать информацию о владельцах и конечных бенефициарах, что в перспективе может поспособствовать сокрытию связей с другими компаниями, в том числе за границей. Это усложнит оценку финансового положения контрагента, а значит, не позволит банку объективно оценить принимаемые риски, что в будущем может принести убытки банку и вызвать предупреждения со стороны регулятора. То же самое можно отнести к нераскрытию информации о рисках, процедурах их оценки, управлении рисками и капиталом. Сокрытие информации о финансовых инструментах, включаемых в расчет собственных средств не позволит оценить, насколько качественный капитал у банка, что, в свою очередь, может осложнить работу с подобными банками, в том числе при отзыве лицензии.

Таблица 3

Различия в проведении операций с нерезидентами между банками с универсальной и базовой лицензией⁴

Банковские операции	Базовая	Универсальная
Размещать привлеченные во вклады денежные средства нерезидентов ФЛ и ЮЛ от своего имени и за свой счет	Запрещается	Нет ограничений
Привлекать во вклады и размещать драгметаллы нерезидентов	Запрещается	Нет ограничений
Выдавать банковские гарантии нерезидентам	Запрещается	Нет ограничений
Открывать корреспондентские счета в иностранных банках	Запрещается ⁵	Нет ограничений
Создавать филиалы и иметь дочерние организации на территории иностранного государства	Запрещается ⁶	Нет ограничений

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что все эти положения тесно связаны с оценкой контрагента банком, данная информация предоставляется Банку России для контроля, а значит, есть вероятность, что появится недопонимание

³ Составлено автором по: [14].

⁴ Составлено автором по: [14].

⁵ За исключением открытия счета в иностранном банке для целей участия в международной платежной системе.

⁶ До 1 января 2019 года банки с капиталом менее 1 млрд рублей могут создавать свои филиалы и иметь дочерние организации за границей с разрешения ЦБ РФ.

между регулятором и банком, сделавшим оценку. Самым главным же ограничением базовой лицензии будет спектр операций с нерезидентами.

Свод ограничений, представленных в таблице 3, в основном направлен на операции с нерезидентами, что в теории должно повысить прозрачность и стабильность банков с малым капиталом, также это позволит ограничить вывод средств из банков за границу. Данный вид операций привлекателен и прибылен для банков, но есть вероятность, что данное ограничение для маленьких банков не внесет каких-либо корректировок, а значит, большого желания оставлять универсальную лицензию может не возникнуть. В связи с этим регуляторные послабления могут взять верх при выборе вида лицензии. Также можно отметить запрет на операции и сделки с ценными бумагами, не входящими в котировальный список первого уровня, либо ценными бумагами, не соответствующими требованиям Банка России. Проблем данное ограничение не должно вызвать, потому что большое количество ликвидных бумаг находится как раз в первой категории. Кроме того, есть еще послабления со стороны регулятора по формированию обязательных резервов: в частности, по рублевым обязательствам ФЛ доля резерва составит не 5, а 1 %, то же самое касается и иных требований, кроме ЮЛ-нерезидентов. Это позволит банкам использовать больший объем средств для получения прибыли.

Заключение

Подводя итоги, можно предположить, что группа банков с базовой лицензией будет насчитывать от 335 до 470, именно столько банков в перспективе может стать менее прозрачными для оценки и анализа возможных рисков. Главной же проблемой при получении базовой лицензии для банков из пограничной зоны является вопрос о том, оправдает ли этот переход те затраты, которые будут направлены на реформирование внутренних систем расчета нормативов, показателей банка и работы с клиентами ввиду требований Банка России. Также использование банком базовой лицензии может отпугнуть другие банки от взаимодействия и расчетов, в связи со сложностью проведения объективной оценки рисков, связанных с данным контрагентом. С другой же стороны, это будет мотивировать маленькие банки предлагать больше решений для малого и среднего бизнеса и населения, но смогут ли они конкурировать с универсальными банками по доходности и удобству – большой вопрос. По мнению автора, подобное разделение может вызвать путаницу во внутренней оценке банков, что впоследствии может вызвать различные недоразумения между банками и регулятором.

Литература

1. О банках и банковской деятельности : федер. закон № 395-1-ФЗ от 02.12.1990 г.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон №84-ФЗ от 01.05.2017 (действующая редакция).
3. О получении согласия (одобрения) Банка России на приобретение акций (долей) финансовой организации и (или) на установление контроля в отношении акционеров (участников) финансовой организации и направлении в Банк России уведомлений о случаях, в результате которых лицо, имевшее право прямо или косвенно распоряжаться более 10 процентами акций (долей) некредитной финансовой организации, полностью утратило такое право либо сохранило право прямо или косвенно распоряжаться менее 10 процентами акций (долей) некредитной финансовой организации : инструкция Банка России № 185-И от 25.12.2017 г. (действующая редакция).
4. О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций : инструкция Банка России № 135-И от 02.04.2010 г. (редакция от 11.08.2017 г.).

5. О реорганизации кредитных организаций в форме слияния и присоединения : положение Банка России № 386-П от 29.08.2012 г. (редакция от 5.04.2017 г.).
6. О составе и порядке раскрытия Банком России информации, содержащейся в отчетности кредитных организаций (банковских групп) : указание Банка России № 4515-У 31.08.2017 г. (редакция от 2.02.2018 г.).
7. Об обязательных нормативах банков : инструкция Банка России № 180-И от 28.06.2017 г.
8. Об обязательных нормативах банков с базовой лицензией : инструкция Банка России № 183-И от 07.03.2018 г.
9. Об обязательных резервных требованиях : указание Банка России № 4604-У от 13.10.2017 г. (действующая редакция).
10. Анализ банков: портал банковского аналитика [Электронный ресурс]. – URL: <http://analizbankov.ru/> (дата обращения: 23.10.2018).
11. Банки.ру [Электронный ресурс] : информационный портал. – URL: <http://www.banki.ru/> (дата обращения: 23.10.2018).
12. Банковское дело : учеб. пособие / под ред. Г. Н. Белоглазовой, Л. П. Кроливецкой, Н. А. Савинской. – М. : Финансы и статистика, 2011. – 592 с.
13. Вайсблат Б. И., Любушкин Н. П. Оценка риска несостоятельности организаций // Дайджест-финансы. – 2013. – № 12 (228). – С. 43–50.
14. Высшая банковская школа «ПрофБанкинг» [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: <http://www.profbanking.com/> (дата обращения 22.10.2018).
15. Кинг Б. Банк 3.0 : Почему сегодня банк – это не то, куда вы ходите, а то, что вы делаете : пер. с англ. – М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2014. – 474 с. – (Библиотека Сбербанка. Т. 49).
16. КУАП. Финансовый анализ банков [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: <http://www.kuap.ru/> (дата обращения: 23.10.2018).
17. Латус Е. Б. Рынок банковских услуг. Правовое обеспечение стабильности. – М. : Банковское дело, 2011. – 449 с.
18. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 20.10.2018).
19. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш. Словарь современных экономических терминов. – 6-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 480 с.
20. Управляющая компания Фонда консолидации банковского сектора [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: <http://www.amfbc.ru/> (дата обращения: 12.10.2018).
21. Grandars [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: <http://www.grandars.ru/student/bankovskoe-delo/bankovskaya-sistema-rossii.html/> (дата обращения: 10.10.2018).

Valeriy Alekseyevich Pan'kov,

Student, Department of Finance, Money Circulation and Credit,
the Ural Federal University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

System Shift. Universal and Basic Banks Division

At the moment, there is a division among banks according to five kinds of licenses based on a number of bank operations. A group of systemic banks should be mentioned as well, but banks have never been classified by the size of the capital, although this idea is the first coming to mind while classifying. Starting from 2019, there will be two types of banks – basic and universal ones. This change will certainly limit the capabilities of banks and significantly transform the parameters of their activities. The change will also affect the evaluation of counterparties because of the list of information disclosed by the counterparty, but it can reduce the regulatory pressure from the Bank of Russia. The regulator has decided to carry out this reform in order to eliminate unequal position of small regional banks and federal ones. According to the leaders of the Bank of Russia this innovation will allow banks with a basic license to attract more funds from small and medium businesses, as well as from the population. The purpose of this research is to analyze possible changes in the banking sector and assess their impact on the future of credit insti-

tutions. However, will these changes help to solve the current problems? Does everything depend on the "hand" of the regulator? Banks need to understand the purpose of these changes rather than try to use this pretext to avoid responsibility and tax and regulatory control.

Key words: Commercial Bank; Bank of Russia; universal license; basic license; standards; odds; reserves; non-residents.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Построение эффективной системы защиты прав граждан – основная задача судебной реформы в РФ

Обеспечение конституционных и иных прав граждан, законности и верховенства Конституции РФ является важнейшим условием существования и развития России как демократического федеративного правового государства, в котором признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. При этом размышления о современном состоянии и развитии судебной системы РФ должны основываться на аксиоме, что именно она является основой правовых механизмов государства по эффективной защите прав и свобод граждан. В Российском государстве конституционно закрепленные права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Каждому гарантируется судебная защита прав и свобод независимым и беспристрастным судом. Обеспечение доступа граждан и организаций к правосудию, его максимальной открытости и прозрачности и, как следствие, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений, а также оптимизация, интенсификация судебного процесса и упрощение процедуры рассмотрения споров и исполнения судебных решений являются основными направлениями развития судебной реформы в РФ.

Ключевые слова: судебная реформа; права человека; механизм защиты прав; правосудие; право на судебную защиту.

Современный этап социально-экономического развития страны ставит перед российской судебной системой новые задачи, к числу которых относятся эффективная защита прав и свобод граждан, повышение качества и доступности правосудия, авторитета судебной власти, законодательных гарантий на получение гражданами полной и достоверной информации о деятельности судов, оптимизация и определение норм служебной нагрузки судей по качественному осуществлению правосудия.

Не случайно Президент Российской Федерации В. В. Путин, определяя пути развития нашего государства, особо подчеркнул, что суды – это важнейший государственный институт, где вершатся судьбы миллионов людей и в своей работе судебные органы должны руководствоваться, прежде всего, интересами каждого конкретного человека, как при решении крупных вопросов, так и текущих. Учитывая, что судебная система представляет собой вершину правоохранительной системы государства, именно с судебной реформой глава государства связывает повышение эффективности государственного управления, его деятельности по обеспечению неукоснительного соблюдения и реализации прав и свобод человека, созданию надлежащих условий для жизни и развития граждан [1].

Необходимо констатировать, что в XXI веке существенно повысилась роль судов в системе конституционно-правовых отношений, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, по мере усложнения общественных отношений в условиях развития цивилизации повышается роль права в целом как регулятора государственной и общественной жизни. Возрастает значимость правотворчества и правоприменения в урегулировании новых сфер, разрешении противоречий и коллизий во все более интегрируемых экономических, политических, социальных и духовных системах. С учетом этой тенденции возрастает и роль суда как органа, осу-

* **Вадим Юрьевич Пантелеев**, председатель Уставного Суда Свердловской области, канд. юрид. наук, доцент (г. Екатеринбург).

E-mail: info@ustavsud.ur.ru

ществляющего нормативно-доктринальное толкование права и судебный контроль.

Во-вторых, повышение роли суда обусловлено усилением влияния исполнительной власти в системе разделения властей. Если в 70–80-х годах XX века наблюдалась тенденция роста влияния парламентов, усиления их контрольных функций, то в конце XX столетия стали доминировать процессы укрепления и повышения роли исполнительной власти, в особенности института главы государства. В этих условиях в качестве противовеса данной тенденции активизировалась роль судов как независимых арбитров, посредников между законодательной и исполнительной ветвями власти, между властью и гражданами.

В-третьих, роль судов возросла по причине укрепления данного института власти как такового, по мере развития его институциональных структур, расширения функций и модификации, и это особенно касается Российской Федерации.

Статья 8 Всеобщей декларации прав человека закрепляет право каждого человека на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом. Поэтому в современный период способность суда быть универсальным средством разрешения правовых споров и ликвидации правовых неопределенностей все более и более возрастает. Можно утверждать, что практически нет вопросов, которые не были бы подведомственны суду, из сфер, относящихся к государственной и общественной жизни и способных составить предмет спора субъектов правоотношений. Так как суд считается особой инстанцией, призванной судить по закону и справедливости, то он все больше вовлекается в разрешение самых разнообразных юридических дел. В глобализованном мире правовых демократий национальная судебная система погружена в очень широкий и сложный контекст взаимосвязанных внутригосударственных и международных процессов. При этом она не может быть полностью независима и от этих процессов, и от того взаимопроникновения институтов и норм, которые прямо и косвенно, формально и неформально регулируют все сферы социальной, политической, экономической жизни. И, безусловно, примером существенного увеличения значимости такой деятельности являются органы конституционного судопроизводства: Конституционный Суд Российской Федерации и конституционные (уставные) суды субъектов РФ.

В то же время национальная судебная система должна вовремя улавливать динамику международных и внутрироссийских процессов, к которым в первую очередь относятся: соотношение участия России в различных международных конвенциях и соглашениях глобального регионального уровня; взаимодействие с Европейским судом по правам человека; укрепление международного сотрудничества в сфере защиты прав человека; полноценная гармонизация всей судебной практики применения закона и укрепления режима конституционной законности в целом; создание полноценного административного судопроизводства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений; возможности введения института следственных судей; создание процедур института социального контроля за правосудием; демократизация института судейского сообщества. Законодатель все чаще апеллирует к судам как к органам разрешения не только частных, но и публично-правовых споров, что подтверждается принятием как федеральных законов (например, Кодекса административного судопроизводства РФ), так и законов субъектов РФ (например, законы субъектов РФ о конституционных (уставных) судах субъектов РФ) и др.

Конституция РФ, провозглашая наше государство как правовое и социальное и признавая права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, должна создавать условия для обеспечения этих прав и свобод. Раскрывает и детализиру-

ет эти условия гл. 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина». Так, ст. 18 устанавливает, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. И если ст. 2, 7, 8, 45 Конституции РФ задача по защите прав, интересов, жизни, здоровья, собственности вменяется государству в целом, то судебная защита гарантируется в соответствии со ст. 45, 46, 48, 50, 52, 118, 120, 123, 125, 126, 127 Конституции РФ.

Статья 24 Конституции РФ определяет, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы. Отсюда следует, что все ветви власти служат главной цели – обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Часть 4 ст. 29 Конституции РФ закрепляет право свободно искать, получать и передавать информацию, а ст. 33 – обращаться лично и направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Причем ст. 45 поощряется правовая активность личности, в том числе защита своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, ч. 1 ст. 46 гарантирует судебную защиту гражданам, ч. 2 этой статьи – что решения и действия либо бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд, а в случае если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, то согласно ч. 3 ст. 46 граждане вправе обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Статьи 42 и 52 Конституции РФ предусматривают возмещение ущерба от экологического правонарушения, а права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом и государством, обеспечивается доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба, а ст. 53 – возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. В соблюдении данных гарантий со стороны государства огромную роль играют органы судебной системы.

Частью 1 ст. 8 Конституции РФ в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, что является основными принципами развитой рыночной экономики, и данные положения Конституции РФ являются основополагающими для деятельности экономического правосудия.

Рассматривая становление и развитие судебной системы в Российской Федерации в современных условиях, мы видим, что сегодня перед судебными органами стоят важнейшие задачи – осуществление правосудия в интересах граждан, надлежащая защита их прав и законных интересов, правовое обеспечение социально-экономического развития общества, защита стабильности и безопасности институтов государства. Статья 118 Конституции РФ устанавливает эту защиту путем конституционного, гражданского, уголовного, административного судопроизводства. Необходимо отметить, что современность ставит перед российским обществом и судебной системой новые неразрешенные проблемы, одной из которых является устойчивый рост числа гражданских, уголовных и административных дел, поступающих на рассмотрение в суды всех уровней, и возникающий в связи с этим вопрос разумного соотношения количества и качества рассмотренных дел и принятых решений, а также эффективности затрат и достигнутого правоохранительного результата.

На IX съезде судей Российской Федерации в ходе многочисленных дискуссий представителей судейского сообщества была выработана Концепция развития судебной системы РФ на период с 2017-го до 2022 года [4]. В первую очередь это связано с необходимостью совершенствования всех видов судопроизводства: конституционного, гражданского, административного и уголовного – на основе глубокого исследования их взаимосвязи и взаимозависимости в деле укрепления конституционных гарантий по защите прав и свобод граждан. Решение проблемы повышения эффективности судебной защиты прав и свобод граждан законодатель начал с разделения судов апелляционной, кассационной и первой инстанций.

В системе правонарушений, безусловно наносящих наибольший вред правам и законным интересам граждан и представляющих наибольшую общественную опасность, доминируют преступления. Анализ этого вида правонарушений показывает, что в последние десятилетия в современной России наблюдается тенденция к их увеличению. Исследование судебной практики свидетельствует, что на протяжении последних лет наблюдается огромный объем числа рассмотренных судами уголовных дел. Так, в 2013 году судами было рассмотрено 2,8 млн уголовных дел, что на 1,7 % больше, чем в 2012 году (2,7 млн), при этом мировыми судьями – 431,1 тыс. (в 2012 году – 426,7 тыс. дел), районными судами – 506,3 тыс. В 2013 году в суды общей юрисдикции по первой инстанции поступило 946,5 тыс. дел, в 2014-м – 936,8 тыс. уголовных дел [6]. В 2015 году в суды общей юрисдикции по первой инстанции поступило в производство 960,3 тыс. уголовных дел, в 2016-м – 948,2 тыс. дел [5].

Не способствует задаче эффективной защиты прав граждан постоянный рост причиненного им ущерба. Сумма прямого ущерба от преступлений, по итогам 2013 года, составила более 42,1 млрд рублей (в 2012 году – 29,2 млрд рублей, рост составил 41 %), при этом судом признана погашенной до вынесения судебного акта сумма ущерба в размере лишь 18 млрд 84 млн рублей, тогда как присуждено к взысканию по приговорам и решениям судов 23 млрд 859 млн рублей, что составляет 56,6 % от суммы ущерба, определенной судами. При этом было уплачено добровольно лишь 3 млрд 981 млн рублей – 3,7 %. Аналогичная ситуация складывалась в 2014–2016 гг. С учетом последующего неудовлетворительного исполнения судебных решений, взыскивается не более 10 % от суммы причиненного ущерба, что свидетельствует о том, что цель восстановления нарушенных прав граждан в части возмещения причиненного вреда не достигается [7].

Учитывая, что более половины совершенных преступлений связано с хищениями имущества собственников, вопрос о его возмещении для них имеет первостепенное значение. Так, материальный ущерб от хищений (ст. 158–162, 164, 221, 226, 229 и другие статьи УК РФ) составил соответственно в 2015 году – 57 212 151 042 руб. (из них присуждено к взысканию в судебном акте 47 367 931 269 руб.), в 2016 году – 25 168 656 297 руб. (из них присуждено к взысканию в судебном акте 18 093 972 247 руб.), в 2017 году – 30 062 589 585 руб. (из них присуждено к взысканию в судебном акте 21 377 901 927 руб.). При этом сумма ущерба, признанная судом погашенной еще до вынесения судебного акта, составляет: в 2015 году – 9 682 833 748 руб., в 2016-м – 5 618 809 905 руб., в 2017-м – 7 913 557 370 рублей.

Однако суммы, не присужденные судом к взысканию с учетом материального положения должника, или вины других лиц, или конкретной обстановки, остаются на ощутимо высоком уровне: в 2015 году – 161 386 025 руб., в 2016-м – 1 455 874 145 руб., в 2017-м – 771 130 288 руб. С другой стороны, именно в уголовном судопроизводстве необходимо обеспечить как права и свободы лиц, потерпевших от преступных деяний, так и лиц, подозреваемых, обвиняемых в их совершении. При этом значительные расходы на уголовное судопроизводство

связаны не только с высокой стоимостью каждого дня осуществления судебного процесса, но и с другими издержками, например с содержанием и охраной арестованных лиц в СИЗО (по данным ФСИН РФ, на 01 июля 2018 года содержалось 104 315 лиц), в связи с чем необходимо расширение практики применения альтернативных мер пресечения, таких как залог, запрет определенных действий (введен Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ), подписка о невыезде, домашний арест (по данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, домашний арест в 2018 году был применен к 6 400 лицам, что составило 87 % от числа поданных в суды ходатайств).

Не вызывает сомнений тот факт, что привлечение к уголовной ответственности значительного числа граждан РФ влечет усиление процесса криминализации общества и ухудшение социально-экономической ситуации в стране. Поэтому Президент нашей страны В. В. Путин особо отмечал, что «практически каждое второе уголовное дело, дошедшее до суда, связано с мелкими, незначительными преступлениями, а люди, в том числе совсем молодые, попадают в места лишения свободы, в тюрьму. Пребывание там, сама судимость, как правило, негативно сказываются на их дальнейшей судьбе и нередко приводят к последующим преступлениям» [16]. Он также поддержал инициативу Верховного Суда России о декриминализации ряда статей УК РФ и переводе преступлений, не представляющих большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние. С учетом изложенного, несомненно положительный эффект может дать введение в УК РФ понятия «уголовный проступок», предложенное Верховным Судом РФ [3].

Представляется необходимой и экономия уголовной репрессии, в том числе связанная с переводом ряда правонарушений из разряда уголовных в административные при причинении незначительного ущерба и его полном возмещении, совершения правонарушения впервые и т. д. (так, например, введение декриминализации ст. 158 «Кража», ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116 «Побои» УК РФ и перевод их в КоАП РФ – ст. 7.27. «Мелкое хищение», ст. 6.1.1. «Побои»).

На наш взгляд, лишь количественный подход, связанный с увеличением числа рассматриваемых дел, без применения комплексных мер не только приведет в тупик правоохранительную систему, но и парализует всю социально-экономическую сферу. Постоянный рост числа уголовных дел приводит к увеличению числа лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство (следователи, дознаватели, эксперты, судьи, потерпевшие, свидетели, адвокаты, подозреваемые, обвиняемые и др.), а значит – выбывших из полноценных экономических отношений в трудоспособном возрасте (так, например, в 2016 году число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, достигло 1 миллиона 300 тысяч), увеличивает расходы на судопроизводство и содержание арестованных и осужденных, препятствует быстрому и полному возмещению причиненного вреда потерпевшим, что негативно влияет как на экономические отношения, так и на обеспечение всеобъемлющей защиты прав и свобод граждан.

Данный вывод, как мы показали выше, подтверждается и анализом судебной статистики, которая определяет, что прямой ущерб, нанесенный 2,8 млн преступлений, огромен, при этом основную долю правонарушений составляют экономические преступления (67 % в 2013 году) [5], однако возмещения ущерба государству, юридическим лицам и гражданам практически не происходит, следовательно, существующий количественный подход не способен эффективно защитить законные интересы прав и свобод граждан, а также защитить экономические отношения и создать условия для их развития.

Огромное значение для развития страны имеет и защита гражданских прав. Необходимо дальнейшее развитие правовых механизмов, обеспечивающих основополагающие принципы гражданского права и процесса, таких как обеспечение доступности судебной защиты прав и охраняемых законных интересов граждан, реального равенства сторон, соблюдения баланса частных и публичных интересов, справедливости, процессуальной активности суда и ряда других. И здесь судебной системе принадлежит особая роль. Исследования статистических данных показывает, что в 2013 году увеличилось количество гражданских дел, принятых к производству мировыми судьями, по сравнению с 2012 годом – на 33,8 % (с 6 млн. 729 тыс. дел до 9 млн 4 тыс. дел). В том же году районные суды приняли к производству 3 млн 840 тыс. гражданских дел, что на 9,0 % больше, чем в 2012 году (3 млн 524 тыс. дел). Количество гражданских дел, принятых к производству по первой инстанции областными и равными им судами в 2013 году, увеличилось в сравнении с 2012 годом с 4,9 тыс. до 5,3 тыс., или на 8 %, при этом прекращено за примирением сторон лишь 14 дел (в 2012 году – 8 дел) [5].

Число гражданских дел, принятых к производству судами общей юрисдикции по первой инстанции в 2014 году, составило 13 млн 935 тыс. дел, что на 8 % больше, чем в 2013-м (около 12 млн 903 тыс. дел) [6]. Число гражданских и административных дел, принятых к производству судами общей юрисдикции по первой инстанции в 2016 году, составило 16 млн 896 тыс. дел, что на 6,1 % больше, чем в 2015-м (около 15 млн 929 тыс. дел) [7]. В 2017 году судами общей юрисдикции рассмотрено 19 238 232 гражданских и административных дел.

Арбитражными судами субъектов РФ в 2017 году рассмотрено 1 176 141 экономических споров из гражданских правоотношений, из которых 28 368 дел окончено в связи с заключением мирового соглашения (в 2016-м – соответственно 1 232 636 и 34 183), в то же время ими рассмотрено в 2017 году 518 146 экономических споров из административных и иных публичных правоотношений, из которых в связи с заключением мирового соглашения окончено всего 177 (в 2016 году эти цифры составили соответственно 297 541 и 188).

В судах общей юрисдикции по 1-й инстанции в 2017 году рассмотрено гражданских и административных дел и материалов – 19 238 232 дела (из них административных дел – 4 244 156), присуждено к взысканию, включая моральный вред, – 1 287 406 560 310 рублей, в 2016 году – 16 682 783 дела, из них 3 991 008 административных дел, и присуждено к взысканию – 1 284 434 826 184 рублей.

Важнейшим вопросом повышения эффективности судебной системы является неотвратимость наказания и обязательность исполнения в полном объеме судебных решений. Всего в 2017 году на принудительном исполнении в ФССП РФ находилось требований на общую сумму 10 150 248 433 рублей, из которых 6 072 902 386 – по исполнительным документам, выданным судами общей юрисдикции, 3 044 722 966 – арбитражными судами и 1 032 623 081 – другими органами. Сумма по окончанным и прекращенным в 2017 году исполнительным производствам составила 4 368 450 519 рублей (что составляет 43 % от общего числа), из которых добровольно перечислено должниками – 252 183 091 руб., т. е. всего 5,8 %.

В 2016 году на принудительном исполнении в ФССП РФ находилось требований на общую сумму 9 030 543 784 рублей (по исполнительным документам, выданным судами общей юрисдикции, – 5 336 128 240 рублей, арбитражными судами – 2 684 696 023 рубля и другими органами – 1 009 719 521 рубль). Сумма по окончанным и прекращенным в 2016 году исполнительным производствам составила 3 684 238 215 рублей (40,8 %), из которых добровольно перечислено должниками 220 835 040 рублей (что составляет 5,9 %). При этом за последние 3 года процент средств, добровольно перечисленных должниками, сохраняется на одинаковом уровне (в 2015 году – также 5,9 %). В то же время зарубежный опыт по-

казывает, что эффективным является досудебное урегулирование споров, которое достигает 80 % всех дел и позволяет разгрузить суды и в то же время упростить возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями¹, в связи с чем требуется развитие механизма досудебного рассмотрения дел, изменение законодательства о третейских судах.

Проблемным является вопрос об исполнении решений о взыскании сумм с лиц, находящихся в местах лишения свободы (на 01.07.2018 года, по данным ФСИН РФ, в ИТК находятся 592 467 осужденных, из них 485 400 человек в колониях общего режима и 35 100 – строгого [18]). Так, в 2014 году на оплачиваемых работах трудоустроено свыше 213 тыс. осужденных (в 2013 году – 212 тыс.). Вывод осужденных на оплачиваемые работы охватывает 40 % их среднесписочной численности (в 2013 году – 37 %). Среднесуточная заработная плата работающих осужденных в сравнении с 2013 годом выросла на 11,6 %, с 195,5 рубля до 218,6 рубля [2].

Социально эффективным в этом отношении можно признать применение такого вида уголовного наказания, как принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ). Принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Кодекса, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые. Принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. При этом из заработной платы осужденного к принудительным работам производятся удержания в доход государства, перечисляемые на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы, в размере, установленном приговором суда, и в пределах от пяти до двадцати процентов.

Исправительные работы (ст. 50 УК РФ) также предусматривают возможность удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов. Обязательные же работы, предусмотренные ст. 3.13. КоАП РФ и ст. 49 УК РФ, не носят компенсационный характер и не направлены на возмещение вреда, поскольку они заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Решение указанной проблемы имеет очень высокую социальную значимость и прежде всего должно быть направлено на удовлетворение интересов взыскателей, но в то же время способствовать ресоциализации подвергшихся наказанию. Анализ данной категории дел показывает тенденцию к их постоянному увеличению, которое представлено в таблице 1.

Таблица 1

Статистические показатели по основным категориям дел

год	Рассмотрено дел об административных правонарушениях КоАП СОЮ	Рассмотрено административных дел СОЮ (КАС)	Рассмотрено гражданских дел СОЮ (с вынесением итогового решения)	Рассмотрено гражданских дел (экономические споры из гражданских правоотношений) АС субъектов РФ	Рассмотрено административных дел (из административных и иных публичных правоотношений) АС субъектов РФ
2012	5 562 586	–	9 110 081	–	–
2013	5 614 981	–	11 632 265	–	–

¹ Анализ этого опыта см.: [11, с. 478–550].

2014	6 316 367	–	12 620 070	978 633	413 012
2015	6 570 280	–	14 524 046	1 149 078	341 756
2016	6 362 429	3 991 008	11825 852	1 232 636	297 541
2017	6 448 732	4 244 156	13 705 041	1 176 141	518 146

Аналогичные проблемы возникают и при рассмотрении дел, вытекающих из административных правоотношений. Так, за 2013 год судьями районных судов рассмотрено 671,7 тыс. дел об административных правонарушениях, количество дел в сравнении с 2012 годом увеличилось почти в 2,7 раза, мировыми судьями, рассмотрено 5 млн. 127,4 тыс. дел, или 88,4 % от общего числа рассмотренных дел об административных правонарушениях судьями районных судов и мировыми судьями [5]. Представленные данные, с одной стороны, демонстрируют высочайшую загруженность судов делами об административных правонарушениях, с другой – то, что административная юстиция фактически стала объективной реальностью.

Как подчеркнуто в ст. 46 Конституции РФ, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, и именно судебным органам принадлежит особое право на защиту прав и свобод человека, поэтому очень важно, что наряду с КоАП РФ, принят Кодекс административного судопроизводства РФ [19], который позволяет обеспечить надлежащую защиту граждан от произвола государственных и муниципальных органов и их должностных лиц. Вопросы применения административного законодательства для обеспечения защиты прав и свобод граждан являются как никогда актуальными на сегодня в Российской Федерации. Наиболее эффективным в этой области представляется применение именно административного права, которое позволяет, с одной стороны, оперативно выявлять и пресекать нарушения законных интересов, прав граждан, с другой стороны – осуществлять контроль максимального количества как органов публичной власти, так и субъектов предпринимательской деятельности, обеспечить оптимальную структуру государственных органов, минимальные расходы государства при осуществлении этой защиты.

Однако дела, вытекающие из административных правоотношений, рассматриваются в рамках двух параллельных систем – судов общей юрисдикции и арбитражных судов, что явно не способствует защите интересов как граждан, так и юридических лиц. И здесь крайне важно применение норм Кодекса административного судопроизводства РФ, направленных на более качественное рассмотрение административных дел, связанных с обеспечением надежной защиты прав и свобод граждан, процедур досудебного примирения сторон и ряда других мер.

Необходимо отметить, что попытки создания эффективной системы административной юстиции предпринимались на протяжении всего развития Российского государства. Так, в ходе разработки судебной реформы 1864 г. вопрос о создании системы каких-либо специальных административных судов непосредственно не стоял, за исключением проектов преобразования Первого Департамента Правительствующего Сената в особый орган судебного контроля за деятельностью администрации. Тем не менее, согласно Городовому положению от 16 июня 1870 г., были созданы губернские по городским делам присутствия, которые разрешали споры, возникающие по делам городского управления, и другие вопросы «судебно-административного свойства». В компетенцию учреждений входили: разбирательство жалоб на нарушения, допущенные при проведении городских выборов; разрешение пререканий между различными учреждениями: правительственными, земскими и сословными, с одной стороны, и городской администрацией – с другой, о «пределах ведомств, власти и обязанностях». В его состав входили: губернатор в качестве председателя, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда, председатель губернской земской управы, городской го-

лова и по выбору один гласный (депутат) земского собрания, утвержденный министром внутренних дел. Во второй половине XIX – начале XX в. были образованы новые присутствия смешанного состава: уездные и губернские по воинской повинности, по фабричным и горнозаводским делам, по питейным делам, по квартирному и промысловому налогам и др.²

На современном этапе развития страны, идею создания административной юстиции в России широко поддерживает как научное и судебское сообщества, так и сами граждане, подразумевая совершенствование процесса защиты и охраны прав, интересов населения страны от произвола органов публичной власти и их должностных лиц. Как следует из ст. 1 Кодекса административного судопроизводства РФ, он регулирует порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий. На наш взгляд, интерес, прежде всего, представляют судебные функции по рассмотрению и разрешению административных дел по защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части, об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, об оспаривании решений, действий (бездействия) некоммерческих организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в том числе саморегулируемых организаций, и ряд других функций. При этом задачами административного судопроизводства, в соответствии со ст. 3 Кодекса, являются обеспечение доступности правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений, защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений, правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел, укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений.

Также значимым аргументом в пользу скорейшего становления системы административных судов является огромное количество субъектов административной юрисдикции, предусмотренных как КоАП РФ, так и законами субъектов Федерации об административных правонарушениях, и возникающие в связи с этим проблемы определения подведомственности дел. Так КоАП РФ в качестве субъектов, полномочных рассматривать дела об административных правонарушениях, закрепил, помимо судов, более 80 различных органов.

Дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, рассматриваются Конституционным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, Дисциплинарным судебным присутствием, конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации, а также арбитражными судами. Исходя из зарубежного опыта, в целях усиления динамики судебного процесса, в кодексе предусмотрен, в том числе, институт ускорения рас-

² См. анализ этого опыта: [11, С. 40–82].

смотрения административного дела, представление и получение электронных документов по административному делу и др.

Еще одним подтверждением эффективности административной юстиции являются ее оперативность и относительная процессуальная простота, доступность и понятность гражданам, позволяющие максимально быстро реагировать на совершаемые в огромных количествах административные деликты, что повышает охват охраняемых правоотношений и неотвратимость наказания, в то же время снижая организационные и материальные затраты на реализацию правоохранительной функции. Применение, вместо лишения свободы, наказания в виде штрафа в уголовном судопроизводстве, также при невозможности выплаты штрафа заменой на обязательные работы, на наш взгляд, повысят гарантии защиты прав граждан, потерпевших от правонарушений. Так, общая сумма штрафов, наложенных по судебным актам (уголовное, гражданское и административное производства), составила 107 млрд 878 млн рублей, что более чем в 2,5 раза больше, чем в 2012 году. Кроме того, высока и эффективность административных наказаний, большая часть из которых – это штрафы, т. е. денежные взыскания, являющиеся источником пополнения бюджетной системы.

Однако вместе с тем необходимо помнить о получившей широкое распространение в советский период практике «штрафной политики». Постановления местных органов власти предусматривали административную ответственность за нарушения решений Советов различных уровней в различных сферах (т. н. вопросы местного значения) в виде штрафов, которые поступали в местный бюджет. В результате увлечения местных властей наложением и взысканием штрафов (что вызывало справедливые нарекания населения), случаев принятия местными органами власти решений, обязывающих правоохранительные органы собирать определенную сумму штрафов, значительным образом пополнялись местные бюджеты. Однако современная тенденция существенного увеличения лиц, привлекаемых к административной ответственности, в том числе путем применения средств технического контроля, также не способствует эффективной защите прав граждан.

Административные наказания не препятствуют участию правонарушителя в трудовой деятельности, не извлекают его из экономических отношений, а такие наказания, как общественные работы, наоборот, привлекают лицо к социально полезной деятельности на благо общества. Приостановления деятельности, конфискации, лишение специального права позволяют пресечь ряд потенциально опасных или вредных видов деятельности, а значит, обезопасить экономические отношения, повысив их качество. Однако простое формальное увеличение числа лиц, привлеченных к административной и уголовной ответственности, не способно предотвратить противоправное поведение, минимизировать и компенсировать причиненный вред и обеспечить надлежащую защиту прав, свобод и безопасности граждан, общества и государства. И возложение этой обязанности только на судебную систему приведет лишь к постоянному количественному увеличению нагрузки, без повышения эффективности и качества охраны прав граждан и правопорядка в целом. Следовательно, представляется необходимым применение комплексных системных социально-экономических, организационных и правовых мер с вовлечением в эту деятельность всех органов власти и управления федерального, регионального и муниципального уровней.

Отдельный вопрос применения норм Кодекса административного судопроизводства РФ связан с положениями, касающимися дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и подлежащих судебному контролю за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий, отнесенных к компетенции Конституционного Суда РФ,

конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и арбитражных судов, предусмотренных ст. 4, 17 и некоторыми другими статьями Кодекса.

В целом обеспечение конституционных и иных прав граждан, законности и верховенства Конституции РФ является важнейшим условием существования и развития России как демократического федеративного правового государства, в котором признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Органам конституционной юстиции принадлежит приоритетное значение в обеспечении единства правового пространства и конституционной законности. На основе их решений происходит необходимый процесс обновления, совершенствования правовой системы, отвечающей принципам и требованиям, установленным Конституцией России. Динамика роста числа обращений в органы конституционной юстиции демонстрирует увеличивающуюся востребованность и доверие к ним, объективно диктует необходимость формирования органов региональной конституционной юстиции, выстраивание конструктивного взаимодействия между ними и административными судами, и нормы Кодекса административного судопроизводства РФ, регламентирующие это взаимодействие, наглядно доказывают это.

При этом значительная роль в защите прав и свобод граждан принадлежит органам конституционной юстиции³. Конституционный Суд РФ за 2017 год вынес 40 Постановлений, 3 197 Определений. За первое полугодие 2018 года уже вынесено 22 Постановления и 1 440 Определений, из которых в 1 421 заявлено об отказе в принятии к рассмотрению обращений. В целом анализ деятельности Конституционного Суда РФ показывает существенное влияние его решений на разрешение случаев нарушения прав и свобод граждан и разрешение противоречий законодательства, в том числе в области гражданского, уголовного и административного права и процесса. Ежегодно в Конституционный Суд РФ поступает около 15 тысяч обращений от российских граждан, однако лишь 3 % из них признаются судом допустимыми и рассматриваются по существу. Что касается органов конституционной юстиции субъектов РФ, то только в Уставном Суде Свердловской области за 20 лет его работы вынесено более двух сотен решений, из которых каждое третье отменяет оспариваемый акт. При этом за последние 4 года объем дел, рассмотренных Уставным Судом, увеличился в 2 раза по сравнению с периодом 2006–2009 гг.⁴ В целом конституционные (уставные) суды субъектов представляются структурой, в которой стремятся найти защиту прежде всего граждане и их объединения, чьи жалобы составили более половины от общего числа рассмотренных данными судами обращений по всей России. Накопленный опыт функционирования конституционных (уставных) судов позволяет утверждать, что они являются эффективным механизмом защиты прав и свобод граждан. Таким образом, у органов конституционной юстиции есть нереализованный потенциал на фоне значительной загруженности судов общей юрисдикции. Это, например, позитивные определения, когда эффективно, одним судебным актом, обеспечиваются права неопределенного круга лиц. Такой подход позволяет разгрузить суды общей юрисдикции, так как решение касается не одного заявителя, а, по сути, неопределенного круга лиц.

Кроме того, анализ Конституций (Уставов) субъектов Российской Федерации показывает, что во всех них имеются положения, расширяющие и дополняющие объем прав граждан, установленный федеральным законодательством, а значит, возникает и необходимость их обеспечения и судебной защиты именно органами региональной конституционной (уставной) юстиции. В противном случае, такие

³ См.: [12; 9].

⁴ См. также: [10; 8].

нормативные положения остаются не в полной мере реализованными, а граждане – не защищенными в равной степени на всей территории страны. Так, многие из конституций (Уставов) субъектов Российской Федерации определяют основы государственной защиты многообразных законных интересов, прав, жизни, здоровья, безопасности граждан при осуществлении материального и духовного потребления, в том числе обеспечения государственных гарантий защиты интересов потребителей, поддержки общественной деятельности в данной сфере, стимулирования развития предпринимательства в социально значимых сферах, заботы о социально незащищенных гражданах-потребителях [13]. Например, в ст. 51 Конституции Республики Татарстан установлено, что она защищает интересы потребителя и поддерживает общественную деятельность по защите его прав. Кроме того, в соответствии с данной конституционной нормой потребители имеют право на возмещение ущерба, причиненного производителями товаров, услуг, в установленном законом порядке. Ст. 56 Конституции Республики Башкортостан провозглашает, что в ней защищаются законные интересы потребителя и поддерживается общественная деятельность по защите его прав. Ч. 1 ст. 77 Устава Оренбургской области определяет, что она защищает интересы потребителей и поддерживает общественную деятельность по защите их прав, а ч. 2 – что потребители имеют право на возмещение ущерба, причиненного им производителями товаров и услуг, в установленном законом порядке. Ч. 1 ст. 96 Устава Свердловской области декларирует, что органы государственной власти и иные государственные органы в соответствии с законодательством осуществляют поддержку и стимулирование развития предпринимательства в социально значимых сферах путем установления соответствующих приоритетов в финансовой, налоговой и бюджетной политике, а ч. 2 ст. 96 защищает интересы потребителей и поддерживает общественную деятельность по защите их прав. Таким образом, для полноценной реализации закрепленных норм необходима и судебная защита прав граждан, проживающих на территории соответствующих субъектов РФ, посредством конституционной юстиции. Этот механизм, а также важность взаимодействия административных и конституционных судов отмечены в ст. 17, 20 КАС РФ, в которых определяется как компетенция органов конституционной юстиции, так и компетенция административных судов в оспаривании нормативно-правовых актов государственных органов субъектов РФ и органов муниципальных образований [15]. Вопросы правовой модернизации нашей страны должны быть основаны на принципах юридического равенства и справедливости, приоритета прав и свобод человека и гражданина, улучшения качества жизни людей и социальной справедливости. Современное Российское государство, выполняющее роль гаранта прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности и основ жизни общества в сложных условиях его широкомасштабной трансформации, должно стремиться найти оптимальное соотношение между теоретическими представлениями и сложившейся конкретной исторической и социально-экономической реальностью. С учетом международных и внутригосударственных кризисных явлений в политической, социально-экономической, культурной и других сферах, в целях обеспечения государственной устойчивости и развития, необходимо активизировать гуманистический потенциал права, «дух закона», дух правовой свободы против «свободы» от права, восстановить общественное доверие как существенный фактор оптимального функционирования правовой и государственной системы. Последовательная реализация Конституции РФ, утверждение режима конституционной законности – непереносимые условия подавления криминала, приобретшего опасный для самих основ российской правовой государственности размах и представляющего угрозу обеспечению надежной защиты прав и свобод граждан. Важными вопросами в обеспечении надежной защиты прав и свобод граждан яв-

ляются реализация конституционно-правовых аспектов оптимизации судебной системы, взаимодействие внутригосударственного и межгосударственного правосудия, повышение эффективности судебной защиты, становление конституционного контроля, деятельность Конституционного Суда РФ по охране Конституции и защите прав и свобод человека и гражданина. Обращение к дилемме «суд и общество» ставит вопрос о независимости суда, необходимости общественного контроля за правосудием и конституционных границах такого контроля. Состояние российского права и его перспективы взаимосвязаны с состоянием современного миропорядка и современных вызовов, обусловленных глобальным экономическим кризисом, этносоциальными процессами, социальной турбулентностью, интеграцией национальных правовых систем. При этом мировой экономический кризис – это кризис доверия, связанный с нарушением принципов верховенства права и юридического равенства национальными государствами и мировым обществом в целом. Правовое регулирование экономики анализируется в контексте мирового экономического кризиса, глобальных тенденций и российского опыта трансформации отношений собственности с момента образования современного Российского государства.

Конституционное правосудие доказало свою роль и в укреплении федерализма и соблюдении норм Конституции РФ, а также большую и очень важную роль в обеспечении прав и свобод граждан, потому что это основная задача как Конституционного Суда РФ, так и региональных органов конституционной юстиции. И здесь, безусловно, в первую очередь это касается развития федерализма, обеспечения верховенства Конституции РФ и конституций и уставов субъектов РФ. Также это касается основных конституционных прав и свобод граждан, которые все государственные органы обязаны защищать. Еще одна особенность, которую хотелось бы отметить, состоит в том, что именно органы конституционного судебного нормоконтроля рассматривают те нормы права, которые противоречат основным правам и свободам граждан, а также обеспечивают толкование Конституции РФ, конституций и уставов субъектов РФ. Эта компетенция на сегодня принадлежит только Конституционному Суду России и конституционным или уставным судам субъектов РФ.

Уставный Суд Свердловской области за 20 лет своей работы показал эффективность и востребованность. За это время была выработана практика принятия решений, всего было принято 459 решений, в том числе 117 постановлений и 342 определений, которые касались защиты конституционных прав граждан, а также ответственности нормативных актов органов местного самоуправления и органов государственной власти Свердловской области Уставу Свердловской области. Кроме этого, были рассмотрены 4 обращения по вопросу о толковании Устава Свердловской области. Все решения нашего суда касаются множества граждан и имеют важное значение для каждого конкретного гражданина. В этом и заключается смысл конституционного и уставного правосудия. Кроме того, анализ решений Уставного Суда Свердловской области и конституционных судов субъектов РФ показывает, что более 70 % обращений касаются соблюдения социально-экономических прав граждан. И очень важно то, что именно в этой области правозащитной деятельности осуществляется конституционный судебный нормоконтроль. Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 56 Устава Свердловской области, необходимо отметить, что, признавая законы Свердловской области и иные правовые акты, за исключением ненормативных (индивидуальных), принимаемых органами государственной власти Свердловской области, иными государственными органами Свердловской области, органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области,

соответствующими Уставу Свердловской области, мы анализируем нормы права, подтверждаем его легитимность.

Рассмотрев некоторые вопросы повышения эффективности различных видов судопроизводства по защите прав и свобод граждан, необходимо сделать ряд выводов. Во-первых, при реализации конституционной установки о приоритете защиты прав и свобод граждан, как обязанности государства, простое увеличение количества рассматриваемых дел судами не приводит к улучшению качества рассмотрений, восстановлению нарушенных прав и возмещению причиненного ущерба. С этой целью необходимы эффективное применение и внедрение в деятельность судебной системы положений Кодекса административного судопроизводства РФ, введение процедуры обязательного досудебного примирения сторон, разделение функций судов общей юрисдикции и арбитражных судов на апелляционные, кассационные и суды первой инстанции, перевод административно-хозяйственной функции в подразделения Судебного департамента при Верховном Суде РФ, цифровизация судопроизводства и исполнительного производства, а также обеспечение единообразия судебной практики, принятие широких юридических профилактических мер воздействия с целью декриминализации экономики и социальной сферы страны, обеспечение надежной защиты прав и свобод граждан.

На наш взгляд, именно конституционное и административное судопроизводства позволят разрешить задачи, стоящие перед Российским государством, по дальнейшему социально-экономическому развитию, совершенствованию государственного управления страной, обеспечению надежной и эффективной защиты общества и государства, сокращению нарушений процессуальных сроков рассмотрения дел и споров, сокращению количества незавершенных дел, обеспечит удобный и быстрый доступ к информации и повысит качество и эффективность работы аппаратов судов.

В рамках реализации мероприятий Программы по информатизации судебной системы должны быть обеспечены открытость и доступность для граждан информации о деятельности судов в Российской Федерации; предоставление возможности гражданам использовать информационные технологии как при получении информации об их деятельности, так и на каждом этапе судебного процесса, начиная с даты обращения в суд и до окончания судебного процесса; снижение нагрузки на судей и работников аппаратов судов посредством оптимизации деятельности судебного делопроизводства и деятельности судов Российской Федерации по отправлению правосудия и др.

Однако, несмотря на принятие и постепенную реализацию федеральной целевой программы, сохраняются актуальность и перспективность дальнейших исследований проблем влияния информационных и цифровых технологий на уголовное, гражданское, административное и конституционное судопроизводство. Активное внедрение цифровых и информационных технологий в процессуальную деятельность (так, например, на сегодняшний день активное развитие получает электронный документооборот) должно приближаться к уровню современного научно-технического развития и всесторонне использовать новые цифровые технологии не только для передачи и получения информации, но и для ее обработки и анализа. Комплекс соответствующих этой цели мероприятий намечен федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [17].

Важным вопросом является и повышение материально-технической базы судов. Так, по итогам реализации указанных мероприятий предполагается 1 250 зданий федеральных судов общей юрисдикции оснастить системами видеопотоколирования хода судебных заседаний, 10 600 залов судебных заседаний федеральных судов общей юрисдикции – системами аудиопотоколирования хода судебных

заседаний, 95 процентов федеральных судов общей юрисдикции – комплектами видео-конференц-связи.

Актуальным направлением судебной реформы является дельнейшая специализация судов и судей, что проявляется в принятии Кодекса административного судопроизводства РФ, создании специализированных арбитражных судов, дальнейшем распространении конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

Обеспечивая конституционное право на судебную защиту, нельзя забывать о том, что судопроизводство – это сложный процесс, и без квалифицированной юридической помощи гражданину трудно или даже невозможно участвовать в нем. Потому особое значение имеет ст. 48 Конституции РФ, гарантирующая каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. При этом отдельным категориям граждан юридическая помощь оказывается бесплатно, что особенно важно для лиц, которые в силу возраста, состояния здоровья, финансового положения или иных подобных причин не в состоянии воспользоваться платными юридическими услугами.

Острой проблемой функционирования судебной власти является уже упоминавшаяся выше проблема неисполнения судебных решений, поскольку качественное и справедливое рассмотрение дел абсолютно бесполезно, если решения не исполняются. Это подрывает не только авторитет судебной власти, но и основы правопорядка в государстве.

Отдельным вопросом повышения эффективности судопроизводства является подготовка специалистов для судебной системы, и в первую очередь судей, что ставит перед научными и учебными заведениями серьезные задачи как обучения, переподготовки, так и повышения квалификации судей с целью законного и справедливого рассмотрения судебных дел, их особой ответственности в деле эффективной защиты прав и свобод, в том числе создании отдельной специализированной системы подготовки кадров [14]. Поскольку государство гарантирует право на получение именно квалифицированной юридической помощи (статья 48 Конституции Российской Федерации), оно должно обеспечивать условия, способствующие подготовке квалифицированных, обладающих необходимыми профессиональными навыками юристов, и устанавливает с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии к судьям и работникам аппаратов судов.

Литература

1. Всероссийский съезд судей // Сайт Президента России. – 2012. – 18 декабря. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/17158>
2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 годы Федеральной службы исполнения наказаний. – URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad>
3. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе : Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 № 1. – URL: <http://www.ssrf.ru/page/22596/detail/>
5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – М., 2014.

6. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – М., 2015.

7. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – М., 2017.

8. Пантелеев В. Ю. О некоторых аспектах судебной системы в России и месте Уставного Суда Свердловской области в ней // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2014. – № 3 (28). – С. 4–27.

9. Пантелеев В. Ю. Роль конституционных (уставных) судов в повышении эффективности защиты прав граждан // Повышение эффективности региональной конституционной (уставной) юстиции в РФ : материалы научно-практической конференции (11 сентября 2014 года). – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. – С. 28–29.

10. Пантелеев В. Ю. Актуальные вопросы судебной реформы (на примере Уставного Суда Свердловской области) // Проблемы обеспечения, реализации и защиты конституционных прав и свобод человека : научный вестник / под ред. В. Ю. Пантелеева. – Екатеринбург : Изд-во УрГИ, 2015. – С. 164–170.

11. Пантелеев В. Ю. Государственно-правовое регулирование сферы потребительского рынка в Российской Федерации: проблемы теории и практики. – М., 2015.

12. Пантелеев В. Ю. Задачи конституционной юстиции в свете реформы судебной системы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2015. – № 2. – С. 112–119.

13. Пантелеев В. Ю. Проблемы судебной защиты прав и свобод граждан на современном этапе развития РФ // Проблемы реализации конституций и уставов субъектов федеративных государств : материалы Всероссийской конференции, посвященной 20-летию образования Конституционного Суда Республики Башкортостан (г. Уфа, 17–18 ноября 2016 г.) / под общ. ред. З. И. Еникеева, Ф. Р. Муратшина. – Уфа : Конституционный Суд Республики Башкортостан, 2017. – С. 49–53.

14. Пантелеев В. Ю. Повышение качества юридического образования как одна из задач совершенствования государственного управления в РФ // Современные проблемы юридического образования : материалы Всероссийской учебно-методической конференции (Екатеринбург, 30–31 марта 2017 г.) / отв. ред. М. С. Саликов. – Екатеринбург : Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – С. 112–118.

15. Пантелеев В. Ю. Совершенствование конституционного и административного судопроизводства по защите прав и свобод граждан (по материалам IX Всероссийского съезда судей) // Вестник Уставного Суда Свердловской области. – 2017.

16. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Российская газета. – 2015. – 4 декабря (№ 275).

17. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (в ред. от 14.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2013. – № 1. – Ст. 13.

18. Российская газета. – 2018. – 6 июля (№ 7608).

19. СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

Vadim Yurevich Panteleev,
Chairman of the Charter Court of Sverdlovsk Region,
Ph. D., Associate Professor (Ekaterinburg)

Creating an Effective System of Protecting the Rights of Citizens is the Main Task of Judicial Reform in the Russian Federation

Providing constitutional and other rights of citizens, legality and supremacy of the Constitution of the Russian Federation is the most important condition for the existence and development of Russia as a democratic federal law-based state, in which human and civil rights and freedoms are recognized and guaranteed according to generally accepted principles and norms of international law. At the same time, reflections on the current state and development of the judicial

system of the Russian Federation should be based on the axiom that it is the basis of the legal mechanisms of the state for the effective protection of the rights and freedoms of citizens. In the Russian state, the rights and freedoms of a person and citizen constitutionally enshrined are directly applicable. Everyone is guaranteed judicial protection of their rights and freedoms by an independent and impartial court. Main trends of the Russian legal system reforming are ensuring access of citizens and organizations to justice, its maximum openness and transparency and, as a result, the implementation of the principle of independence and objectivity in rendering judicial decisions, as well as optimization, intensification of the judicial process and simplification of the procedure for the consideration of disputes and enforcement of judicial decisions in the Russian Federation.

Key words: judicial reform; human rights; mechanism for the protection of rights; justice; the right to judicial protection.

Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции. Часть 1**

Судьи и правоведаы полагают, что международное право, обычное право и такие правовые системы, как законодательство Третьего Рейха или законы апартеида в Южной Африке, являются правом. Но как можно объяснить факт существования одного общего понятия права, если разнообразные концепции права выделяют множество различных его признаков? Финнис, вдохновленный аристотелевским понятием центрального случая, развивает идею о том, что общее понятие права может быть сформулировано на основе первичной концепции «права как практического разума», т. е. рассматривает право в этической перспективе. Он выдвигает два аргумента в защиту применяемой методологии: концептуальный и функциональный. Вопреки мнению Финниса, в статье утверждается, что ни концептуальный, ни функциональный аргументы не могут успешно обосновывать положение о том, что «право как практический разум» является центральным случаем понятия права. В исследовании уточняется аристотелевское понятие центрального случая и объясняется, почему его применение к понятию права является ошибочным. Тем не менее следует признать фундаментальной и интересной идею Финниса о том, что все разнообразные концепции права можно объединить для достижения целей теоретического исследования. Эта статья направлена на реконструкцию концепции Финниса через модель основного сходства. В результате сделан вывод о том, что различные определения права могут быть объединены благодаря их сходству с определением «права как практического разума», хотя между различными концепциями права нет идентичности.

Ключевые слова: понятие права; концепция; методология; центральный случай; практический разум, ключевое сходство.

I. Введение

Исследование методологии теории права направлено на поиск *путей* или *способов* как выявления, так и определения предмета юриспруденции, т. е. на обнаружение наиболее эффективного метода познания, объяснения и понимания права¹. Основная задача правоведов, занимающихся вопросами методологии, заключается в нахождении подходящего метода, позволяющего нам ответить на вопрос о том, что такое право. Однако некоторые теоретики права, наоборот, полагают, что сначала следует определить понятие права, и только затем искать подходящий метод его изучения. В данной статье мы рассмотрим первую стратегию. Методологическая задача представляется нам фундаментальной, поскольку предоставляет теоретикам права возможность достичь согласия и одновременно выявить существенные разногласия между ними, а также позволяет углубить наше понимание основных юридических взглядов.

* Вероника Родригез-Бланко, профессор моральной и политической философии Университета Суррея (Великобритания).

E-mail: v.rodriiguez-blanco@surrey.ac.uk

** Rodriguez-Blanco V. Is Finnis Wrong? : Understanding Normative Jurisprudence // Legal Theory. 2007. № 13 (3-4). P. 257–283. *Перевод с английского языка канд. юрид. наук, доцента кафедры истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой) В. А. Токарева (basiletok@gmail.com).*

¹ Ср.: Halpin A. «The Methodology of Jurisprudence: Thirty Years Off the Point» [11] (о скептическом взгляде на методологию).

Одни дискуссии касаются признания предмета юридической науки социальным или нормативным фактом, или их комбинацией. Другие же возникают в связи с вопросом о тесной взаимосвязи научных, социальных и нормативных фактов. Они, таким образом, затрагивают проблемы познания права посредством применения естественно-научной методологии² и разрыва между социальными фактами и нормативными фактами (как утверждается, если этот разрыв существует, то наиболее подходящей методологией может быть концептуальный анализ)³. Иные взгляды предполагают скептический подход, отвергающий нормативные факты и вместо этого выступающий за интерпретационную методологию⁴. Теоретики права, которые верят либо в нормативные, либо в социальные факты, утверждают, что существует *нечто*, поддающееся описанию, и они определяют главную задачу правоведа как дескриптивно-объяснительную. Напротив, такие теоретики права, как Дворкин, полагают, что нормативных фактов не существует и, следовательно, юристу *нечего* описывать и объяснять. По мнению Дворкина, есть только внутренняя, или субстантивная, моральная точка зрения теоретика права и участников правоотношений, поэтому юриспруденция полностью нормативна. Вера в архимедову, или внешнюю, точку зрения, как рассуждает Дворкин, создает иллюзию дескриптивно-объяснительной задачи, стоящей перед теоретиком права, но *на самом деле* теоретик права лишь развивает свою субстантивную моральную точку зрения. Методологию Дворкина назовут *сильной* версией нормативной юриспруденции.

Вопреки вышеуказанным теоретикам права, Финнис начинает с ответа на вопрос о методе, чтобы затем предложить определение права. Финнис (и отчасти Дворкин) развивает методологию, в рамках которой практическая точка зрения позволяет нам выявить и определить предмет юриспруденции. Однако, в отличие от Дворкина, он признает существование социальных и нормативных фактов, играющих важную роль в поиске ответа на вопрос о том, что такое право. Поэтому Финнис считает логичным дескриптивно-объяснительный подход, но при этом поддерживает утверждение, согласно которому любое описание и объяснение того, что такое право, должно быть сделано с точки зрения человека, обладающего практической разумностью⁵. Иными словами, практическая разумность позволяет понять уникальные качества права и те способы, которыми оно помогает нам удовлетворять потребности в основных благах нашей жизни. Как же Финнис примиряет дескриптивно-объяснительный метод с утверждением о существовании такой привилегированной точки зрения, которая представляет собой точку зрения практической разумности, не попадая при этом под влияние *сильной* версии нормативной юриспруденции?

² Такая точка зрения представлена в работах Б. Лейтера «Legal Realism and Legal Positivism Reconsidered» [15] и «Rethinking Legal Realism: Towards a Naturalized Jurisprudence» [14], а также М. Moore «Educating Oneself in Public» [17]. Как и Б. Лейтер, автор исследования «The Practice of Principles» Дж. Колеман полагает, что существует непрерывная связь между социальными и нормативными фактами, но в то же время не поддерживает естественно-научной эпистемологии. Он стремится примирить концептуальный анализ с прагматическим подходом (см.: [2]).

³ Кельзен утверждает, что между нормативными и социальными фактами существует разрыв, но он не является явным сторонником концептуального анализа (см.: [13]).

⁴ См.: Dworkin R. «Truth and Objectivity: You'd Better Believe It» [5]. Дворкин критикует внешний скептицизм, но принимает внутренний скептицизм: его антиархимедизм направлен на то, чтобы показать, что мы не можем объяснить или описать мораль с отдельной или внешней точки зрения, поскольку возможна только субстантивная или внутренняя точка зрения как на мораль, так и на оценку. Парадоксально, что при этом некоторые последователи Дворкина, например Гринберг, стремятся доказать существование нормативных фактов, образующих право (см.: [9]).

⁵ «Практическая разумность» – технический термин, введенный в научный оборот Финнисом (прим. авт.).

Финнис обращается к аристотелевской идее «фокусного» значения, или «центрального» случая, получившей развитие в трудах Фомы Аквинского и средневековых ученых⁶. В соответствии с ней центральный случай права является концепцией права, которую поддерживает человек, обладающий практической разумностью⁷. Как отмечает Финнис, такой методологический аппарат позволяет теоретикам права отличать дефектные или маргинальные правовые системы от правовых систем, ориентирующихся на идеалы справедливости. Иными словами, может быть достигнуто согласие между разнообразием и унификацией, поскольку общее убеждение и юридический позитивизм, вместе признающие безнравственные правовые системы правом, можно интегрировать в одну концепцию с представлением о том, что право служит идеалам справедливости. Финнис следует взглядам Аристотеля: по мнению Аристотеля, успешная критика платоновской теории форм должна была показать, что в сфере таких ключевых понятий, как «бытие», «благо», «демократия» и т. д., существует не только разнообразие, но и единство. Так, Финнис утверждает, что точка зрения человека, обладающего практической разумностью, объясняет, почему мы признаем правовые системы, которые не имеют желательных признаков вроде стремления к общему благу, правом. Более того, исходя из нее, теоретик права сможет одновременно объяснить, почему мы рассматриваем правовые системы, ориентированные на идеалы справедливости, в качестве права. Если аргументация Финниса достигнет своей цели, то его *слабая* версия нормативной юриспруденции, в отличие от *сильной* версии нормативной юриспруденции Дворкина, может оказаться плодотворным *способом* или *путем*, позволяющим ответить на главный вопрос субстантивной юриспруденции, а именно: что такое право?

Цель этой статьи состоит в демонстрации того, что методологический подход Финниса к практической точке зрения как «центральному» случаю понятия права является неудовлетворительным, и в продвижении решения вопроса, поставленного Финнисом, конкретнее – предложить общее понятие права, которое охватывает разнообразные концепции. Финнис обосновывает свой методологический подход двумя аргументами: концептуальным и функциональным. В разделе III данной статьи критикуется концептуальный аргумент, который представляет идею права как «центральный» случай. Мы утверждаем, что подход к праву в стиле Витгенштейна с позиций ключевого сходства (*core resemblance*) более успешен, чем методология «центрального случая», в двух отношениях⁸. Во-первых, он позволяет обойти трудности анализа в терминологии «центрального» случая или основного значения, а во-вторых, он соответствует функциям, которыми наделяется понятие права. Идея права как ключевого сходства позволяет нам показать, что имеет место «медиация» точки зрения практической разумности, но не ее «приоритет», и, следовательно, существуют различные понятия, признаки которых связаны интересным и релевантным способом посредством практической разумности.

В этой статье также утверждается, что, хотя функциональный аргумент Финниса выглядит многообещающим, он влечет за собой две трудности. Во-первых, функциональный аргумент неинформативен. Так, он не доказывает, что право как координационная деятельность, направленная на общее благо, является *центральным случаем* права. Данный аргумент только показывает, что практическая

⁶ См.: [1].

⁷ Об использовании методологического подхода Финниса при толковании права см.: Endicott T. «How to Speak the Truth» [6].

⁸ Ср.: Endicott T. Op. cit. P. 234. Эндикотт интерпретирует аристотелевское понятие анализа «фокусного значения» как анализ сходства с парадигмой. Другое мнение по данному вопросу см. в разделе III этой статьи.

разумность имеет отношение к пониманию смысла права, однако он не обосновывает, что она является *центральным случаем* разных концепций права. Функциональный аргумент нуждается в концептуальном аргументе, необходимом для демонстрации того, что различные концепции права ссылаются на идею права как координационной деятельности, направленной на общее благо, или вытекают из нее. Кроме того, аргумент, в соответствии с которым право преследует общее благо и поэтому человек, обладающий практической разумностью, является первоисточником других концепций права, не является убедительным ни для позитивистов, ни для интерпретивистов, поскольку они не принимают основной посылки о цели или смысле права. Так, интерпретивисты полагают, что целью права является обоснование принуждения со стороны государства, тогда как позитивисты утверждают, что цель права состоит в координации деятельности участников общественных отношений.

Вторая трудность, вытекающая из функционального аргумента, связана с тем, что развитие функционального аргумента без концептуального может повлечь за собой соскальзывание *слабой* версии нормативизма Финниса в *сильную* версию нормативной юриспруденции Дворкина. Представитель *сильной* версии нормативной юриспруденции может утверждать, что идея Финниса о роли права как координационной деятельности, направленной на общее благо, является правдоподобной интерпретацией смысла юридической практики, которая конкурирует с другими интерпретациями роли или смысла юридической практики. Вместе с тем, как может утверждать представитель *сильной* версии нормативной юриспруденции, Финнис, вероятно, нуждается в конструктивной интерпретации для того, чтобы преодолеть разногласия между конкурирующими интерпретациями.

Если предложенное нами понятие права как ключевого сходства с точкой зрения практической разумности логично, то следует далее развивать концептуальный аргумент, который может оказаться плодотворным для изучения возможностей *слабой* версии нормативной юриспруденции, как ее разработал Финнис, но без тех трудностей, с которыми Финнис столкнулся.

II. Методологические требования Финниса

Методологические требования Финниса интересны и сложны, так как в его методологии можно выделить два аспекта: объяснительный и практический. Первый аспект предполагает дескриптивно-объяснительную методологию; это означает, что правовед стремится описать правовые понятия, но считает, что описание не может происходить без рассмотрения центрального случая юриспруденции, которым является точка зрения человека, обладающего практической разумностью. Соответственно, теоретик должен объяснить и описать как маргинальные случаи права, так и фокусный случай права так, как они представляются с практической точки зрения. Однако эта задача не может быть выполнена без учета внутренней точки зрения, т. е. точки зрения члена данного общества, имеющего определенные привычки, социальные практики, намерения и убеждения. Финнис подчеркивает роль антропологии, статистического анализа и т. д. для углубления понимания внутренней точки зрения. Тем не менее он полагает, что такие данные помогают нам только определить степень совершенства или дефектности практической точки зрения, а также принципы практической разумности в различных культурах и социальных практиках; тогда как задача интеллекта заключается в том, чтобы понять, что же именно является практически разумным⁹. Иными сло-

⁹ Финнис пишет: «Дескриптивное знание может вызвать изменение тех суждений о важности и значимости, основываясь на которых теоретик первоначально рассматривал свои данные и может подсказать идею изменения системы понятий. Однако знание не было бы получено без предварительной концептуализации и, следовательно, без предварительного множества принципов

вами, то, что практически разумно, не может быть выведено из эмпирических данных человеческой природы.

С другой стороны, Финнис отвергает утверждение Дворкина о том, что отправной точкой в наших рассуждениях должны стать наши моральные и политические убеждения, поскольку они, по мнению Финниса, могут быть ложными или зависящими от наших предрассудков. Нам следует занять позицию по ту сторону этих убеждений и пересмотреть их для того, чтобы прийти к «правильным» умозаключениям¹⁰. Напротив, по мнению Дворкина, ответ на практический вопрос обязательно предполагает ответ на теоретический вопрос. Так, на вопрос о том, что я должен делать, следует отвечать, только предварительно ответив на вопрос о том, что я должен считать основаниями права. Практикующий юрист, судья, законодатель и правоведа должны принять участие в исследовании оснований права, которые делают правовые положения истинными, и это исследование является конструктивной задачей, требующей принятия во внимание моральных убеждений юриста-практика и теоретика¹¹. На самом деле именно добросовестность будет направлять практикующего юриста в поисках наиболее оптимальной из возможных интерпретаций того, чем является право; а требование соответствия основной части правового материала позволит ему установить равновесие между моральной надежностью и правовым прецедентом. Но это теоретически джастификационное предприятие (*justificatory enterprise*), характеризующееся определением оснований права.

Второй аспект методологии Финниса является практическим. В центре его исследования находится практический вопрос о том, что следует делать в соответствии с принципами практической разумности. По мнению Финниса, теоретик права должен объяснить практическую точку зрения, но как только практическая

отбора и оценки релевантности, отражающего некоторую практическую точку зрения. <...> Методологические проблемы формирования понятий, выявленные нами в данной главе, вынуждают нас признать, что точка рефлексивного равновесия в дескриптивной общественной науке достижима только для того, в ком обширные фактические знания и глубокое понимание практических позиций и устремлений других людей взаимосвязаны со здравым суждением обо всех аспектах подлинного человеческого процветания и истинной практической разумности» (см.: Finnis J. «Natural Law and Natural Rights» [7, p. 17–18]). (Здесь и далее русский перевод приводится по изданию (в отдельных скобках): Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2012. С. 36–37. – Прим. переводчика.)

¹⁰ Финнис утверждает: «Вопрос не стоит ни о вынесении фундаментальных суждений о человеческих ценностях и требованиях практической разумности путем некоторого логического вывода из фактов человеческого состояния (*human situation*), ни о сведении дескриптивной общественной науки к апологии чьих-либо этических или политических суждений либо к проекту распределения похвал и порицаний среди действующих лиц на сцене жизни: в этом смысле дескриптивная теория “безоценочна”» (см.: Finnis J. *Op. cit.* P. 17). (Финнис Дж. Указ. соч. С. 36.)

¹¹ Дворкин в своей работе «Империя права» неоднократно утверждает, что решение задачи интерпретации предполагает наличие у теоретика права и судьи субстантивных убеждений, поскольку необходимо определить, какая из интерпретаций больше соответствует последним правовым материалам и морально надежна. Он пишет: «Интерпретативная теория каждого судьи формируется на основании его убеждений относительно того, что является “смыслом” юридической практики в целом – джастификационная задача, или цель, или принцип – и они неизбежно будут отличаться, по крайней мере в деталях, от убеждений других судей» (см.: [4, p. 87–88]). Дворкин следующим образом объясняет роль убеждений: «Теперь мы можем оглянуться назад и, принимая во внимание результаты нашего анализа, составить перечень убеждений, или взглядов, или предположений того, кто должен что-то интерпретировать. Он нуждается в предположениях и убеждениях относительно того, что считается частью практики для того, чтобы определить исходные данные его интерпретации на этапе предварительной интерпретации; интерпретационная позиция не может оказаться прочной, если члены одного и того же интерпретирующего сообщества не разделяют, по крайней мере приблизительно, одних и тех же постулатов относительно этой позиции. <...> И, наконец, ему потребуются более существенные убеждения в отношении того, какие виды джастификации действительно показали бы практику в лучшем свете» (см.: [4, p. 67]).

точка зрения определена, она оказывает влияние на всех нас: на теоретика права и участника правоотношения. Поскольку практическая точка зрения оказывает влияние на всех нас, постольку нам следует действовать в соответствии с принципами практической разумности, а право должно формироваться в соответствии с такими принципами и основополагающими ценностями. С точки зрения теоретика права, по Финнису, объяснительная задача предшествует джастификационной. Однако между объяснительным предприятием и джастификационным существует тесная взаимосвязь. Принятие практического решения требует знания человеческого состояния, но в то же время оценка, данная с точки зрения человека, обладающего практической разумностью, определяет, какие именно дескрипции являются *разъясняющими и значимыми*¹². Такая интерпретация методологии Финниса как двухуровневой структуры, по его собственным словам, наиболее разумна и благотворна для реализации им дескриптивного проекта. Финнис, стремясь провести различие между своими утверждениями и идеями, развиваемыми нормативистами, например Дворкиным, подчеркивает, что ориентируется на дескриптивную методологическую линию, намеченную Хартом. В отличие от Финниса, Дворкин полагает, что джастификационные и объяснительные задачи не могут быть разделены. Принимая во внимание эту интерпретацию, я выделяю в концепции Финниса, защищающего практическую точку зрения как ключевую или первичную точку зрения, образующую понятие права, два аргумента: концептуальный и функциональный.

А. Концептуальный аргумент

Первый аргумент в поддержку мнения о том, что практическая точка зрения представляет собой «центральный» случай или «фокусное значение» понятия права, можно назвать концептуальным аргументом, потому что он сначала определяет те две *функции*, которые понятие права осуществляет в нашем обычном использовании, а именно унификацию и дифференциацию. Затем он демонстрирует, что анализ, проводимый в контексте «фокусного значения» или «центрального случая», наилучшим образом соответствует функциям, приписываемым понятию права. Как полагает Финнис, понятие права используется по-разному и в разных контекстах; однако, несмотря на такое многообразие, «праву» соответствует одно понятие, и, следовательно, различные концепции права соотносятся с первоисточником, которым является точка зрения человека, обладающего практической разумностью. Таким образом, аргумент Финниса показывает, что множественность может быть унифицирована центральным случаем права. Рассмотрим этот аргумент подробнее.

1. Функция дифференциации

Дифференциация является первой функцией понятия права, которую идентифицирует концептуальный аргумент. Финнис начинает с идеи о том, что дескриптивно-объяснительный метод предполагает осведомленность о различных концепциях¹³ и самоинтерпретациях людей, поведение и намерения которых форми-

¹² Финнис пишет: «Таким образом, существует обоюдная, хотя и не совсем симметричная взаимозависимость между идеей описания человеческой деятельности посредством теории и идеей оценки человеческих возможностей с точки зрения разумной и благотворной деятельности, хотя бы и в отдаленной перспективе. Оценки никоим образом не выводятся из описаний; однако если знание фактов человеческого состояния слишком ограничено, вряд ли можно дать верную оценку, исследуя практические выводы из основных ценностей. И, аналогично, описания не выводятся из оценок; но без оценок нельзя определить, какие описания на самом деле что-то разъясняют и являются значимыми» (см.: Finnis J. Op. cit. P. 19). (Финнис Дж. Указ. соч. С. 38.)

¹³ Я использую термин «концепция» в отношении субъективных взглядов участников или субъектов на смысл или ценность практики. Термин «понятие» связан только с ментальной сущ-

руют концепцию, подлежащую исследованию. Комплексное понимание действий и практик влечет за собой понимание сути действия или практики. Субъект действия или участник практики наделяют действие или практику своим смыслом или ценностью. Поэтому только через понимание самоинтерпретаций участников практической деятельности теоретик понимает приписываемые ей ценность или смысл. Однако теоретик сталкивается с проблемой разнообразия представлений о ценности или смысле практики и действия [7, р. 3]. Смысл практики меняется с переходом от человека к человеку и от общества к обществу [7, р. 4]. Как теоретик может организовать эти противоречивые и разнообразные самоинтерпретации и концепции? В сфере гуманитарных наук теоретики выявляют общий фактор, который объединит многообразие представлений о смысле или ценности практики и действия. Финнис критикует такую стратегию, и мы переходим ко второй функции.

2. Функция унификации

Функция унификации представляет собой вторую функцию, которую идентифицирует концептуальный аргумент. Поиск ответа на разнообразие концепций и самоинтерпретаций, связанных со смыслом действий и практик, означает обнаружение общего фактора, охватывающего все эти различные самоинтерпретации и концепции¹⁴. По мнению Финниса, Кельзен осознает, что смысл или функция деятельности являются существенными для успеха дескриптивно-объяснительного подхода к предмету исследования. Кельзен, согласно Финнису, утверждает, что теоретик должен найти *единственный общий элемент* или *признак*, характеризующий и объясняющий предмет его исследования [7, р. 6]. Эта точка зрения предполагает, что понятие «право» связано с единственным признаком. Финнис отмечает, что Раз и Харт, отбрасывая «наивную» методологию Остина и Кельзена, утверждают, что последние ошибаются относительно функции, приписываемой праву. Так, Харт определяет право, обращаясь к практическому смыслу элементов данного понятия [7, р. 7]. Раз и Харт подчеркивают, что право предусматривает основания для действий и имеет своей целью руководство поведением субъектов права. По мнению Финниса, они также полагают, что некий принцип или разумное обоснование объединяют эти различные концепции [7, р. 10].

Финнис критикует Кельзена за его предположение о существовании общего фактора или одного элемента, общего для всех различных концепций права. Но он также критикует Раза и Харта: хотя они отказываются от идеи существования одного общего элемента у всех примеров понятия права, их «практическая точка зрения» является зыбкой или неудовлетворительной [7, р. 13]. Финнис использует термин «практическая точка зрения» для обозначения той точки зрения, которая связана с решением и действием [7, р. 12]. Таким образом, Раз¹⁵ принимает «точку зрения обычного человека» и в более поздней своей работе ссылается на «право-

ностью, которая нацелена на понимание и обозначение основных признаков феномена, т. е. действий, практик и т. д. – *Прим. авт.*

¹⁴ Существует параллельная мотивация в представлении Аристотелем своей идеи «фокусного значения». Аристотель намерен продемонстрировать, вопреки Платону, что понятия «бытие», «доброта» или «дружба» обозначают не одну единственную сущность, а различные сущности и качества. Тем не менее их можно унифицировать, и поэтому они могут составлять предмет исследования одной дисциплины, т. е. метафизики, как в случае с понятием «бытие» (см.: [12, р. 540]). Ирвин подчеркивает разницу между предприятиями Аристотеля и Витгенштейна. Последний стремится показать, что существуют только сходства между различными сущностями, и он косвенно критикует идею сущностей, в то время как Аристотель стремится предотвратить скептицизм, который может возникнуть в результате критики платоновской теории форм. Аристотель пытается показать, что существуют различные сущности. Это аргумент в пользу множественности сущностей (см.: [10]).

¹⁵ О дискуссии по поводу различий между методологиями Раза и Финниса см.: [3].

вую точку зрения» [18], тогда как Харт принимает «внутреннюю точку зрения», а именно – точку зрения человека, который *использует* правила в качестве модели для оценки своих и чужих действий. Как полагает Финнис, концепции практических точек зрения Раза и Харта являются шагом вперед по сравнению с концепциями Остина и Кельзена, которые предполагают человека, просто соблюдающего законы из-за страха наказания.

Тем не менее Финнис находит концепции внутренних точек зрения Раза и Харта неудовлетворительными, потому что *они не могут объяснить различие* между разнообразными точками зрения, такими как точки зрения анархиста и идеального законопослушного гражданина [7, р. 13]. Теоретики права нуждаются в принципе или разумном обосновании, позволяющем провести различие между точками зрения и определить, что является значимым или релевантным при формировании различных самоинтерпретаций и концепций права. Финнис утверждает, что дескриптивная деятельность осуществляется только при наличии понятий, которые человек, обладающий практической разумностью, считает подходящими, и также полагает, что аристотелевское понятие *фокусного значения* или *центрального случая* освещает идею о том, что точка зрения обладающего практической разумностью человека является фокусным значением понятия права [7, р. 10–11].

Б. Функциональный аргумент

Функциональный аргумент Финниса тесно связан с концептуальным аргументом. Функциональный аргумент обосновывает утверждение о том, что право представляет собой совместную деятельность (*cooperative activity*), и участники политического сообщества разделяют концепцию смысла или цели продолжения сотрудничества [7, р. 153]. Этот смысл или цель Финнис называет «общим благом». Общее благо является совокупностью факторов (ценность, цель или условия обретения ценности или достижения цели), которые обосновывают сотрудничество участников политического сообщества с ним и друг с другом [7, р. 154]. По мнению Финниса, три различных смысла ценности позволяют нам идентифицировать три смысла общего блага. Первый смысл определяется совокупностью человеческих ценностей: знанием, жизнью, игрой, эстетическим опытом, дружбой, практической разумностью, религией. Мы все причастны к ним, но они остаются неисчерпаемыми. Так, ценность знания открывает широкие горизонты и предоставляет нам возможности для реализации; поэтому некоторые из нас становятся инспекторами полиции, преподавателями, учеными, журналистами и т. д.

Второй смысл относится к *цели*, которая полностью или частично реализована; например, когда человек преследует цель написать отчет, книгу, журнальную статью или провести эксперимент. Третий смысл является совокупностью условий, позволяющих членам сообщества достигать целей или обретать для себя ценности [7, р. 155]. Например, в случае ценности знания условиями ее обретения могут быть доступ к книгам, информации, лекциям, интеллектуальным беседам, соответствующим лабораториям и т. д.

Общее благо в политико-правовом сообществе понимается в третьем смысле. Но общее благо в третьем смысле возможно потому, что участники данного сообщества имеют представление об общем благе в первом смысле. Например, условия достижения цели написания книги, такие как доступ к другим книгам, лекциям и т. д., выполняются только потому, что участники сообщества признают набор ценностей, включающий также ценность знания. Финнис предлагает нам следующее определение права:

«На протяжении этой главы термин “право” использовался в фокусном значении, прежде всего, для обозначения правил, принятых в соответствии с регуля-

тивными правилами определенным и эффективным органом власти (который сам идентифицирован и стандартно конституирован как институт посредством правовых правил) для “полноценного” сообщества и подкрепленных санкциями в соответствии с руководящими правовыми положениями судебных учреждений. Эта совокупность правил и институтов непосредственно направлена на разумное раз- решение всех координационных проблем сообщества (и также утверждение, при- знание, регламентацию или аннулирование координационных решений иных ин- ститутов или источников норм) *в интересах общего блага данного сообщества* – тем способом и в той форме, которые адаптированы к общему благу по признакам специфичности, минимизации произвола и поддержания качества взаимности как между самими субъектами права, так и в их отношениях с законными властями» [7, p. 276].

Финнис утверждает, что это понятие является центральным случаем понятия права. Данная конструкция находится в границах общепринятого употребления термина «право» и поэтому тесно связана с существующими социальными фено- менами [7, p. 277].

Тем не менее Финнис выдвигает «дифференцирующий аргумент» в главе I своей работы «Естественное право и естественные права» и полагает, что нам не- обходимо оценивать различные самоинтерпретации и концепции понятия права, которые варьируются от человека к человеку и от культуры к культуре. Он пред- лагает развивать такое понятие права, в котором *фокусным значением* или *цен- тральным случаем* является точка зрения человека, имеющего практическую точ- ку зрения. Итак, право как практическая разумность будет первичным, или ис- ходным, понятием различных концепций права и самоинтерпретаций.

Иными словами, точка зрения человека, обладающего практической разумно- стью, определяет, что такое право. Однако возникает вопрос: почему именно практическая разумность *должна* определять право? В соответствии с функцио- нальным аргументом, ответ на него выглядит следующим образом:

Предпосылка 1. Смысл или цель права определяет, что такое право.

Предпосылка 2. Смысл или цель права заключается в координации деятельно- сти участников сообщества на общее благо данного сообщества, т. е. право опре- деляет условия реализации множества ценностей, таких как практическая разум- ность¹⁶.

Предпосылка 3. Центральный случай права определяет понятие права и, сле- довательно, *что* такое право.

Предпосылка 4. Право как практическая разумность¹⁷ определяет централь- ный случай права.

Предпосылка 5. Право как практическая разумность определяет, *что* такое право.

Вывод. Право как практическая разумность определяет, что право является координационной деятельностью, направленной на общее благо сообщества, т. е. право определяет условия реализации множества ценностей, таких как практиче- ская разумность. Это центральный случай права.

¹⁶ Ср.: Green L. «Law, Co-ordination and the Common Good» [8]. Грин критикует попытку Фин- ниса примирить теорию естественного права и правовой позитивизм. Грин утверждает, что суще- ствует противоречие между идеей Финниса об общем благе, которая предполагает сложную структуру ценностей, и его мнением о том, что смысл права заключается в координации деятель- ности участников сообщества, которая включает в себя структуру предпочтений. Предпочтения – это *видимости*, тогда как ценности относятся к сфере *реальности*. Поэтому между ними возникает конфликт.

¹⁷ Выражение «человек, обладающий практической разумностью» приобрело формулировку «право как практическая разумность». Разъяснения по этому вопросу см. в разделе III. Такая фор- мулировка не влияет на аргументацию.

Согласно предпосылке 3, центральный случай определяет право, но предпосылка 2 уже содержит определение права. Методология, продвигаемая идеей *центрального случая*, оказывается избыточной. Вывод является неинформативным и образует замкнутый круг. Финнис полагает, что право представляет собой координационную деятельность, направленную на общее благо сообщества, и данное определение является *центральным случаем* права; оно обуславливает и объединяет различные концепции права, так как отражает точку зрения практической разумности. Ответ, который дает функциональный аргумент на вопрос о том, почему именно точка зрения практической разумности *должна* выявлять *центральный случай*, заключается в том, что право должно определяться его целью или смыслом. Имплицитная посылка заключается в том, что лишь точка зрения практической разумности позволит обнаружить истинную цель или смысл права. Аргумент действует в обратном направлении: мы уже знаем, в чем заключается смысл или цель права и, следовательно, что такое право. Затем мы приходим к выводу о том, что только обладая практической разумностью, можно сформулировать цель или смысл права.

Следовательно, аргумент не объясняет, *почему* право как практическая разумность *должно быть* центральным случаем различных концепций права и самоинтерпретаций. Он только демонстрирует, что для выявления смысла или цели права нам необходима практическая разумность.

Функциональный аргумент зависит от концептуального аргумента: он должен показать, что различные концепции права *унифицируются* правом как практической разумностью, *центральным случаем*.

Понимание Финнисом права как практической разумности играет важную роль в определении понятия права и унификации разнообразных концепций и самоинтерпретаций понятия права и является значительным и логичным. Однако мы показали ошибочность функционального аргумента, так как он неинформативен. Кроме того, примем во внимание аргументацию юридических позитивистов и интерпретивистов. Они не согласны с мнением о том, что право является координационной деятельностью, направленной на общее благо сообщества, и поэтому функциональный аргумент не убеждает их. Кроме того, юридические интерпретивисты, такие как Дворкин, могли бы возразить, что понятие права, предлагаемое Финнисом, – это конкурирующая концепция смысла или ценности правовой практики; следовательно, мы должны обеспечить наилучшую интерпретацию различных конкурирующих точек зрения на смысл и ценность права. Согласно такому взгляду, сотрутся границы между теорией права Финниса и юридическим конструктивизмом Дворкина¹⁸. Каков же выход из этой ситуации, связанной с аргументацией? Можно ли принять доводы Финниса о важности точки зрения практической разумности для развития понятия права, отдающего должное различным концепциям и самоинтерпретациям, но вместе с тем унифицирующего их? Я отвечаю на этот вопрос в разделе III¹⁹.

Литература

1. Ashworth E. J. Suarez on the Analogy of Being: Some Historical Background // *Vivarium*. – 1995. – Vol. 33, Iss. 1. – P. 50–75.
2. Coleman J. *The Practice of Principles*. – Oxford University Press, 2001.
3. Dickson J. *Evaluation and Legal Theory*. – Oxford : Hart Publishing, 2001.
4. Dworkin R. *Law's Empire*. – Cambridge : Harvard University Press, 1986.

¹⁸ Ср.: Leiter B. «Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence» [16]. Здесь утверждается, что Дворкину необходим аргумент в стиле Финниса для обоснования методологии правового нормативизма.

¹⁹ Вторая часть статьи будет опубликована в следующем номере журнала.

5. Dworkin R. Objectivity and Truth: You'd Better Believe It // *Philosophy & Public Affairs*. – 1996. – Vol. 25. – P. 87–139.
6. Endicott T. How to Speak the Truth // *American Journal of Jurisprudence*. – 2001. – Vol. 46. – P. 229–248.
7. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. – Oxford University Press, 1980.
8. Green L. Law, Co-ordination and the Common Good // *Oxford Journal of Legal Studies*. – 1983. – Vol. 3. – P. 299–324.
9. Greenberg M. How Facts Make Law // *Legal Theory*. – 2004. – Vol. 10. – P. 157–158.
10. Grice P. Aristotle on the Multiplicity of Being // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 1988. – Vol. 69 (3). – P. 175–200.
11. Halpin A. The Methodology of Jurisprudence: Thirty Years Off the Point // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. – 2006. – Vol. 19, Iss. 1. – P. 67–105.
12. Irwin T. Homonymy in Aristotle // *The Review of Metaphysics*. – 1981. – Vol. 34 (3). – P. 523–544.
13. Kelsen H. *Introduction to the Problems of Legal Theory*. – Oxford : Clarendon Press, 2002.
14. Leiter B. Rethinking Legal Realism: Towards a Naturalized Jurisprudence // *Texas Law Review*. – 1997. – Vol. 76. – P. 267–315.
15. Leiter B. Legal Realism and Legal Positivism Reconsidered // *Ethics*. – 2001. – Vol. 111 (2). – P. 278–301.
16. Leiter B. Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence // *American Journal of Jurisprudence*. – 2003. – Vol. 48. – P. 17–52.
17. Moore M. *Educating Oneself in Public: Critical Essays in Jurisprudence*. – Oxford University Press, 2000.
18. Raz J. *Practical Reason and Norms*. – Oxford : Oxford University Press, 1999 (1st ed., 1975).

Veronica Rodriguez-Blanco,

Professor in Moral and Political Philosophy (Jurisprudence) in the School of Law,
University of Surrey, Member of the Surrey Centre for Law and Philosophy
(Guildford, Surrey, UK)

Is Finnis wrong? Understanding Normative Jurisprudence. Part 1

Judges and lawyers believe that international law, customary law, and legal systems such as the Third Reich or apartheid law in South Africa are law. But how do we explain the fact that there is one concept of law when there are different conceptions of law with a variety of different features? Finnis, inspired by the Aristotelian notion of central case, adumbrates the idea that the concept of law might be unified by a primary concept which is the concept of “law as practical reason”; that is, law conceived from an ethical perspective. He advances two arguments to defend his methodology: the conceptual and the functional. *Contra* Finnis, the paper shows that neither the conceptual nor the functional argument can successfully support the view that “law as practical reason” is the central case of the concept of law. The study clarifies the Aristotelian notion of central case and illustrates them is taken application of this notion to the concept of law. However, we also argue that Finnis’s insight – the idea that all the different conceptions of law might be unified for the purposes of theoretical research - is fundamental and appealing. This paper aims to reconstruct Finnis’s insight through the model of core resemblance. The result is that the different conceptions of law can be unified by resemblance to the concept of “law as practical reason,” though there is no identity among the different conceptions of law.

Key words: concept of law; conception; methodology; central case; practical reason; core resemblance.

Аналитическая философско-правовая традиция: особенности юридического языка и концепция Г. Харта

В настоящей работе исследуются философско-правовые воззрения видного представителя аналитической традиции Герберта Харта. Анализируется идейная детерминация хартовских взглядов. Исследованы оригинальные работы и современные труды по проблемам аналитической философии права. Определена актуальность исследования юридического языка и приведена характеристика «аномалии» как неотъемлемого его свойства. Принципы и методы исследования правовой реальности обуславливают необходимость контекстуального изучения правовых систем. Анализ основных принципов и понятий позволяет понять закономерности функционирования правовой системы конкретного общества. Относительно поздних работ мыслителя автор отмечает, что отрицаемая Хартом мораль присутствует как ценность самого права. Также морально-этические нормы, принятые в обществе, являются исходными для формирования собственно правовых норм. В конце работы представлены обобщенные выводы.

Ключевые слова: аналитическая философия; философия права; Г. Харт; юридический язык; общество; мораль; идеи; нормы права; социальные регуляторы; язык; юридические термины.

В философии права существует множество концепций, так или иначе объясняющих природу сущности права и осуществляющих рефлексию по поводу его происхождения. На современном этапе развития данного направления философских поисков имеет место несколько распространенных подходов к пониманию принципов формирования правовой реальности, а также способов регламентации социальной жизни [4; 9; 10]. Одной из таковых становится философская концепция права английского интеллектуала Г. Харта [7; 15; 20; 21]. Характерной чертой подхода этого мыслителя к пониманию сущности правовой реальности является обращение к методологическим основаниям лингвистической философии, в частности – аналитической традиции [24; 25]. Тем не менее, формулируя собственные взгляды, Харт разделяет не только основные положения классиков философско-лингвистического анализа (И. Берлин, Л. Витгенштейн, Г. Райл, Дж. Л. Остин): «понимание философии, методы исследования, трактовку языка и его значения, доктрину о способах употребления и речевых функциях, проект “лингвистической феноменологии”» [6], но и, частично, – представителей направления логико-философского анализа (А. Айер, Р. Карнап, Б. Рассел, М. Шлик) [24; 25]. Суть обозначенных методологических основ состоит в обращенности их приверженцев к проблеме языка.

Аналитическая философская традиция задает новые императивы, указывающие на необходимость переформулирования философских проблем как вопросов словоупотребления, интерпретации языка как реальной речевой практики, как манифестации социального мира. Язык выступает не только средством передачи, но и механизмом познания через фиксацию-в-себе опыта человечества и его мыслительной деятельности [22]. Юридический язык, составляющий одно из направлений исследований Харта, является продуктом развития естественного языка [5].

* **Никита Николаевич Равочкин**, канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт» (г. Кемерово).

E-mail: nickravochkin@mai.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1247-8231>

С позиции междисциплинарности юридический язык представляется как динамично развивающаяся система, в которой отражаются происходящие во всех сферах общественной жизни изменения. Практическая связь данного языка со всеми областями общественной жизни и комбинации с языками других областей обуславливают обращение к осмыслению правовой реальности [16]. В аналитической философской традиции предполагается, что правовая реальность имеет свойства как дескриптивности, так и аскриптивности [12]. Как показывает анализ корпуса работ, сущностно эти два свойства противоположны [11; 16]. Наиболее удачно, на наш взгляд, репрезентирует данную проблему томский философ права В. В. Оглезнев: «В юридическом языке имеет место серьезное противоречие между дескриптивными высказываниями, с одной стороны, основная функция которых заключается в описании неких фактов совершения действия подтверждаемых наблюдаемыми проявлениями, и разъясняющими право аскриптивными высказываниями, с другой стороны» [11].

В итоге такое положение дел позволяет указать на так называемые «аномалии юридического языка», требующие выработки адекватных им техник объяснения. Согласно С. Н. Касаткину, для Г. Харта очевидно, что «правовые понятия и утверждения имеют аскриптивную, нормативно-институциональную природу (значение и функцию), а основания их употребления открыты и разнородны – в их отношении неприменимы традиционная модель эмпирического языка и «закрытые» логические дефиниции. Отсюда вводимый автором метод «философского определения» предполагает анализ правовых терминов, в составе характерных утверждений с выявлением условий их истинности и особой речевой функции» [7, с. 43]. Сущность выявленной Хартом проблемы состоит в следующем. Во-первых, правовая реальность имеет предписывающее значение и является своего рода социальным институтом, определяющим принципы и правила поведения человек в социальной среде. Во-вторых, такое понимание правовой реальности на практике не позволяет осуществлять эффективную регламентацию поведения индивидов.

Применение аскриптивной природы правовой реальности на практике, с точки зрения Г. Харта, становится возможным только при наличии определенных условий применения составляющих основу юридического языка специальных терминов на практике в социальной реальности. При этом критерием истинности использования юридических терминов, правил и принципов будет являться факт правильности их применения в конкретной социальной ситуации. С одной стороны, это позволяет определить универсальные принципы используемой в конкретной ситуации юридической теории, с другой – согласовывать теоретические конструкции с правоприменением [25]. Философско-правовая концепция Г. Харта раскрывает суть ряда проблем, исследуемых философами продолжительное время. Напомним, что в рамках традиции, к которой привержен данный мыслитель, язык понимается как совокупность инструментов, используемых для достижения различных целей. Так, он указывает, что в первую очередь возникшие проблемы имеют «языковую детерминацию», а если говорить конкретнее – они обусловлены лингвистическими единицами. При этом Харт делает акцент на их принципиально неправильном понимании и употреблении [13]. Именно по этой причине тщательный анализ словоупотребления позволит разрешить и, в конечном счете, устранить подобные затруднения при создании более надежного базиса для дальнейших философских исследований. Применение такого метода философствования при анализе правовой реальности побуждает активизировать потенциал языка в юридической практике, в частности – при формировании таких норм права, которые обеспечили бы эффективность правоприменительной практики.

Одновременно следует отметить еще один важный хартовский тезис о приоритетности анализа обыденного языка, который оказывается сопряженным с ис-

толкованием языка как продолжения общества. Язык становится формой жизни, способом реализации социальной и онтологической ткани, что, в конечном счете, способствует постижению как мира, так и общества [15; 24]. Исходя из анализа принципов, лежащих в основе построения Хартом его философско-правовой доктрины, следует обратить внимание на следующее. Ученый формирует подход, который в корне отличается от традиционных юридико-аналитических подходов и ведет к складыванию нового языка права. Для Г. Харта принципиальным оказывается необходимость отталкиваться от имеющихся дискурсивных практик, т. е. от реализуемых в конкретном социуме практик правоприменения. Его концепция «нацелена на охват их множественности, разнородности, неопределенности и т. п., на экспликацию содержащихся в них смысловых связей и разграничений, на восприятие последних как своеобразной точки отсчета и критерия проверки теоретических утверждений» [7, с. 49].

С точки зрения Г. Харта, юридический язык представляет собой способ отражения социального бытия, подверженного влиянию жизненного опыта предшествующих поколений. Язык для него есть средство, при помощи которого достигается существенно лучшее понимание мира, в котором и относительно которого мы используем различные виды словоупотребления [6; 10; 15; 24].

Обратимся к уже упомянутому хартовскому понятию «аномалия» как специфической черте юридического языка. Содержание данного понятия сводится мыслителем к тому, что в юридическом языке существуют определенные моменты, которые не укладываются в логико-дескриптивную философию языка и соответствующие методы определения. Это означает, что в области анализируемой прикладной языковой реальности существуют моменты, неподвластные описательному методу постижению языка и, как следствие – социальной реальности.

В первую очередь, к таким «аномалиям» Г. Харт относит нормативно-институциональную, аскриптивную природу юридического дискурса. Ее суть заключается в том, что юридический язык предполагает предписательное основание собственного существования. В отличие от обыденного, естественного, языка, она определяет принципы существования социального субъекта, будь то отдельный конкретный человек, социальная группа или все общество [13]. Юридический язык требует определенного поведения от участников социального процесса, в отличие от естественного языка, который дает в первую очередь возможность выполнения дескриптивной – описательной функции. Более того, в содержании юридического языка имеются так называемые «социальные понятия», не имеющие прямых эмпирических, или «фактуальных», референтов. Содержание или, иначе говоря, значение юридических понятий «определяется сугубо нормативно-институциональным речевым контекстом, существующей практикой их употребления в сообществе» [7, с. 50]. Для Харта юридический язык состоит из терминов, являющихся по своей сути аскрипциями – действиями с помощью правил или производства нормативного вывода. С точки зрения английского философа, это способствует повышению эффективности регламентации отношений между всеми социальными субъектами. Более того, это позволяет осуществить нормативную квалификацию каждого конкретного случая социального взаимодействия.

На основе анализа, проведенного выше, проясняется хартовское видение юридического языка как разновидности дискурса, который связан с провозглашением и применением правил. Это проявляется в некоторой существующей совокупности суждений, являющихся своего рода внутренними содержательными утверждениями субъекта дискурса как конкретного участника правовой реальности. Такие суждения формируют основания производных суждений о нормах права или обо всей правовой системе, или, иначе говоря, – для так называемых внешних утверждений, дискурса «наблюдателя» [7]. По своей сути такой юридический

дискурс является открытым [14] и неунифицированным, что делает возможным его трансформацию и формирование в соответствии с культурными, социальными, историческими и прочими реалиями.

Существенным для Харта оказывается тот факт, что использование фундаментальных юридических терминов не укладывается в традиционные формально-логические законы, поскольку основания юридического языка совершенно разнородны и принципиально могут быть объединены с помощью многообразия смысловых связей. В одной из работ Харта мы находим тезис, поясняющий несовершенство традиционных формально-логических законов. По его мнению, в языке, в том числе, отражена природа моральных ценностей, пронизывающих множественные отношения, в которые вступают люди – и поэтому их невозможно свести к фактам, фиксирующим ту или иную информацию о мире [26]. С точки зрения Г. Харта, в юридическом языке вполне допустимы ситуации неопределенности и возможности обновления смысла терминов. Именно по этой причине основу юридического дискурса составляет герменевтический метод, истолковывающий социальную среду, которая впоследствии становится предметом каждого ситуативного понимания.

В качестве принципов сформулированной Хартом методологии объяснения юридических понятий С. Н. Касаткин относит следующие [7]:

- обращение к основаниям применения термина в речевой практике. Суть данного принципа состоит в том, что использование того или иного юридического термина предполагает обоснование причин, по которым он используется. В качестве аргументов могут быть «даны ссылки» к культурной, социальной и иной контекстуальной ситуации. Кроме того, данный принцип является альтернативой поиска фактологических референтов теоретическим выкладкам, что позволяет нивелировать противостояние теории и практики в правоприменении;

- обращение акцента на речевую функцию используемых терминов, которую они выполняют в юридическом языке наряду со значением, и объединение в таком анализе семантических и прагматических аспектов. Этот принцип позволяет преодолеть редуцирование множества речевых функций к описанию и объединить множество значений терминов в общую понятийную систему;

- необходимость фиксирования сложности и открытости словоупотребления, что позволяет определить и ввести в публичный оборот множество оснований и способов применения термина, а также указать на его неопределенность в пограничных случаях. На основании данного принципа формируется в целом гомогенный язык, позволяющий избежать несовершенства естественного языка [7].

В результате Г. Харт формирует два вида определений, первый из которых – это «классическое определение», представляющее собой «универсальный синоним определяемого слова, логическую формулу необходимых и достаточных условий его применения» [7, с. 50]. К другому виду относятся так называемые «технические определения», суть которых заключается в описании конкретных фактов социальной действительности. Отсюда видна отмечаемая Хартом значимость единства понимания социальных правил и нормативного применения языка как неотъемлемых составляющих общественной жизни.

Таким образом, согласно нашему пониманию хартовских идей о языке права, юридическая терминология должна рассматриваться не изолированно, а в составе целостных высказываний, образующих наиболее характерные случаи ее употребления в исследуемой практике определенной правовой системы. Принципиальную важность приобретает контекст употребления юридических терминов, отражающий их исключительное сущностное содержание. Содержание понятия при этом возможно объяснить через установление условий истинности, формируемых

с учетом правил производства и использования юридического вывода в каждой конкретной ситуации.

Отсюда следует, что юридическая нормативность, базирующаяся на точном контекстуальном смысле, предполагает формирование системы конвенций, которые в значительной степени определяют нормативную ситуацию, сформированную в социальной среде [1; 2; 8]. Слова и конвенции при этом формируют в результате именно нормативное основание любого общества [8]. Необходимо указать, что обязательным свойством права Г. Харт считает «обязывающий характер норм, которые правом предписываются. Разночтения, ведущие к ошибкам и затемнениям сущности права, возникают из-за того, что обязывающей характер описывается через разные формы социальных императивов, которые могут неточно отражать сущность права» [3]. При этом существует определенная связь между правовыми нормами и другими социальными регуляторами, в частности – обычаями, традициями, моралью, корпоративными правилами, в равной степени как иными способами регламентации человеческого поведения.

В отличие от иных форм регламентации человеческого поведения, праву, как точно отмечает в своих работах Г. Харт, наиболее полно соответствует идея обязательности в рамках конкретных социальных правил. Рассматривая хартовскую позицию относительно иных форм долженствования, М. Д. Горбунов заключает, что они не способны воспроизводить принципиальные свойства правовой системы в достаточной степени. Так, раскрывая сущность обязательства по Харту, он указывает, что социальные правила:

- «1) обеспечены существенным социальным давлением в случае их нарушения;
- 2) необходимы для поддержания нормальной социальной жизни или наиболее важных ее аспектов;
- 3) предполагают, что предписываемые ими действия совершаются во благо других, но не всегда в интересах обязанного лица» [3, с. 260].

Подчеркнем, что анализируемая в концепции английского мыслителя «идея обязательства» становится основанием для действия исходных поведенческих норм, из которых лишь в дальнейшем кристаллизуются начала правовых норм. Здесь важно пояснить следующее: Харт указывает, что функционирование в обществе тех или иных поведенческих регуляторов не обязательно свидетельствует об их однозначно правовом характере. Это говорит лишь о том, что в обществе существуют так называемые «первичные правила» как обязательства, ограничивающие насилие и произвол, а также налагающие позитивные обязанности в интересах общества. Данные правила имеют три дефекта, к которым относятся неопределенность, статичность и неэффективность [20]. Преодоление этих свойств первичных правил и их регламентация на официальном уровне приводят, по мнению Г. Харта, к становлению правовой системы в обществе, что формирует «вторичные правила» в виде системы правовой реальности.

Анализ поздних работ, репрезентирующих концепцию Харта, позволяет определить его критическое отношение к судебной системе. Главным образом, в качестве негативной в модальном плане характеристики отмечается ее излишний формализм. Речь идет о том, что в достаточно спорных ситуациях судебная система ориентируется на правила, которые часто исключают возможность принятия решения, которое имеет под собой моральные основания. Так, Харт пишет, что это происходит «при формулировании теоретических и моральных проблем, поднимаемых в связи с существованием отдельных законов, которые были с моральной точки зрения чудовищно несправедливыми, но были приняты в должном виде, ясны по значению и удовлетворяли всем признанным критериям действительности в правовой системе» [20, с. 209].

В соответствии с этим справедливо утверждение, что в правовой концепции Харта не учитывается моральная составляющая права [17]. Вместе с тем Г. Харт не исключает возможностей присутствия в правовой реальности морально-этических норм, признавая возможность такой регламентации правил поведения, основа реализации которой заключена не только лишь в правовых нормах. По этому поводу приведем тезис Н. И. Яблоковой: «Отрицая моральное содержание норм права, Харт, тем не менее, допускает моральную ценность самой формы права, ведущей к стабильности в обществе» [23]. Моральные теории и принципы необходимы хотя бы по той причине, что, помимо обыденного обеспечения выживания людей, они способны быть «решателями проблем» [18]. В качестве дополнительного аргумента приведем суждение С. Р. Решетняка о том, что «они являются обязательными и общепризнанными не в силу чьего-либо веления или же “дара свыше”, а в силу осознания и признания их важности» [17, с. 86]. Важность определяется рядом факторов: человеческой уязвимостью, приблизительным равенством людей, ограниченностью человеческого альтруизма, ресурсов, а также недооценкой силы воли.

В концепции Г. Харта как правовые, так и нравственные нормы выполняют функции правила как нарратива, поскольку предстают «не только одной из многих форм социальной жизни или одним из многих видов текстов, а имплицитным или явным условием конституирования любой такой формы» [19]. Правомерное поведение индивидов и неукоснительное соблюдение ими правил гарантируется тем, что в конкретных социальных регуляторах заложены определенные механизмы принуждения.

Подведем некоторые итоги исследования. Для Г. Харта право имеет аскриптивную природу, выражающую определенные нормирующие свойства, с помощью которых определяется уровень регламентации социального поведения человека. Постигание сущности права и формирование эффективного правоприменения делают необходимым учет контекста, в котором реализуются основные принципы правовой реальности. Именно в рамках контекстуальности осуществляется формирование основных принципов и понятий правовой системы конкретного общества. Стоит отметить, что анализ основных юридических терминов способствует созданию принципиальных основ системы права. Анализ особенностей юридического языка в хартовской концепции позволяет нам указать на особенность и своеобразие способов словоупотребления, а в будущем способствовать новой интерпретации языка права. Юридический язык и его термины, «обслуживающие» не только правовую, но и, посредством интертекстуальности, остальные сферы общественной жизни, представляют своего рода познавательные возможности, отражающие характерные черты конкретных процессов социального управления. Следует отметить и критику Хартом правовой системы за излишний формализм. Отсюда – очевидность необходимости включения моральной составляющей как одного из существенных оснований регламентации человеческого поведения. Тем не менее, несмотря на некоторую тождественность морально-этических и правовых норм в части выполнения ими принудительных функций, Харт указывает на доминантный характер последних, поскольку нормы морали – это основание, первый шаг к правовым нормам.

Литература

1. Варламова Н. В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 76–116.
2. Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании: на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2014. – 164 с.
3. Горбунов М. Д. Право как система первичных и вторичных правил в концепции Герберта Харта // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23, № 1. – С. 259–263.
4. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. – Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2016. – 244 с.
5. Елистратова В. В. Современный юридический язык: взаимосвязь языка и права // Язык и мир изучаемого языка. – 2016. – № 7. – С. 16–19.
6. Касаткин С. Н. Концепция юридического языка Герберта Харта: опыт реконструкции // Философия права. – 2016. – № 5 (78). – С. 77–83.
7. Касаткин С. Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 43–71.
8. Касаткин С. Н. Приписывание прав и ответственности в концепции Герберта Л. А. Харта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : Юридические науки. – 2010. – № 3. – С. 83–89.
9. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 5 (322). – С. 178–193.
10. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. – 236 с.
11. Оглезнев В. В. Аскрипции и дескрипции в аналитической философии права // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. – 2016. – С. 7–9.
12. Оглезнев В. В. Дескриптивный и аскриптивный подходы к объяснению действия // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 471–482.
13. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Определение в аналитической философии права: П. Хакер versus Г. Харт // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 421. – С. 36–40.
14. Оглезнев В. В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 2 (34). – С. 237–244.
15. Оглезнев В. В. Теория юридического языка в философии права Г. Харта : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. – Томский государственный университет. – Томск, 2012. – 257 с.
16. Оглезнев В. В. Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. – 2014. – № 3 (64). – С. 7–10.
17. Решетняк С. Р. Моральный контекст в концепции права Г. Л. А. Харта: опыт анализа // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 5. – С. 84–88.
18. Сыров В. Н., Тарабанов Н. А. Обычная мораль и прикладная этика: есть ли принципиальная разница // Идеи и идеалы. – 2014. – Т. 1, № 1 (19). – С. 53–65.
19. Сыров В. Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. – Статья в открытом архиве № 80 (07.10.2012).
20. Харт Г. Л. А. Понятие права. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 302 с.
21. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. – М. : Канон+, 2017. – 384 с.
22. Шепелев. Юридический язык как явление правовой жизни // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2015. – № 8 (148). – С. 65–70.

23. Яблокова Н. И. Социально-философские идеи в работах Г. Л. А. Харта // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – С. 430–432.

24. Hart H. L. A. *Essays in jurisprudence and philosophy*. – Published by Oxford University Press. – 1983. – 397 p.

25. Hart H. *The Concept of Law*. – Oxford University Press, 1994. – 315 p.

26. Hart H. L. A. Scandinavian realism // *The Cambridge Law Journal*. – 1959. – Vol. 7, Issue 2. – Pp. 233–240.

Nikita Nikolaevich Ravochnik,

Candidate of Philosophical Sciences (PhD in philosophy),
Associate Professor of Law and Humanitarian Disciplines Department,
Kemerovo State Agricultural Institute (Kemerovo, Russia)

**Analytical Philosophical and Legal Tradition: Legal Language Features
and H. Hart's Concept**

In this work analytical tradition prominent representative Herbert Hart's philosophical and legal views are explored. An appeal is being made to the ideological determination of Hart's views. Original works and modern researches on analytical philosophy law problems are investigated. Legal language study urgency is determined. «Anomaly» as an integral property law's characteristic is given. The study of principles and methods of investigating legal reality points to the need for a contextual study of legal systems research. Comprehension of the basic principles and concepts allows us to establish the patterns of functioning of the legal system of a particular society. With regard to the late works of the thinker, the author notes that Hart's negative morality is present as the value of the law itself. Also, the moral and ethical standards that function in society are the starting points for the formation of proper legal norms. In conclusion of the paper, generalized conclusions are presented.

Key words: analytical philosophy; philosophy of law; H. Hart; legal language; society; morality; ideas; rules of law; social regulators; language; legal terms.

Развитие принципа предосторожности во французском административном праве¹

Анализируется развитие принципа предосторожности во французском административном праве. Указанный принцип вводит в правовое регулирование повышенный уровень заботы органов государственного управления о благополучии населения в сферах охраны окружающей среды и здравоохранения главным образом. Повышенный уровень заботы предполагает и требует от органов государственного управления серьезного усиления мер безопасности в отношении объектов технологического прогресса, воздействие которых на здоровье людей и окружающую природную среду еще недостаточно изучено. Проводится различие между принципом предосторожности и принципом профилактики: первый отличается от последнего тем, что он тяготеет к предупреждению случаев риска, возможность которых просто предполагается, как, например, риски остаточные или отсроченные, или же совершенно неизвестные, как риски развития, тогда как принцип профилактики имеет целью предотвратить вредоносные последствия рисков известных, случаи проявления которых поддаются подсчету вероятности и подпадают по этой причине в поле страховой деятельности. В отсутствие научно обоснованной уверенности в возможности серьезного ущерба и (или) ущерба непоправимого принцип предосторожности должен побуждать не к воздержанности, а к активной деятельности обремененных соответствующими обязанностями субъектов и побудить их принять эффективные и адекватные меры, призванные воспрепятствовать ухудшению окружающей среды и неблагоприятному воздействию на здоровье человека. Подчеркивается, что, несмотря на то обстоятельство, что Основной закон о защите окружающей среды возлагает требование о необходимой и достаточной предосторожности только на «публичные власти», не исключается также распространение судом данного принципа на тех субъектов, которые принимают решение в частном порядке и способны рассчитать риски и принять необходимые меры предосторожности.

Ключевые слова: принцип предосторожности; принцип профилактики; ответственность; администрация; административное право; органы государственного управления; охрана окружающей среды; здравоохранение; риски; меры безопасности.

Принцип предосторожности хорошо иллюстрирует силу идей. По мнению Ганса Жона [43] предосторожность есть результат углубления принципа ответственности, не связанного с какими-либо правами и обязанностями индивида и обращенного к коллективной ответственности с целью сохранения планеты и выживания человечества, необходимости, выражаемой в наше время формулировкой «устойчивое развитие», призванной сочетать экономический прогресс и защиту окружающей среды. Закрепленная юристами в качестве принципа, предосторожность развивалась в контексте, где технологический прогресс требовал усиления мер безопасности, а восприятие риска у людей изменилось, что привело к недостаточности традиционных мер профилактики. Известно, что принцип предосторожности отличается от профилактики тем, что он тяготеет к предупреждению случаев риска, возможность которых просто предполагается, как, например, риски остаточные или отсроченные, или же совершенно неизвестные, как риски развития, тогда как принцип профилактики имеет целью помешать наносящим

* **Мариз Дегерг**, профессор Университета Париж I Пантеон-Сорбонна (Франция, г. Париж).

¹ Deguerge M. Les avancées du principe de précaution en droit administratif français // Revue internationale de droit comparé. 2006. Vol. 58, № 2. P. 621–641. URL: https://www.persee.fr/doc/ridc_0035-3337_2006_num_58_2_19439. Перевод с французского языка В. Д. Бурковой.

ущерб последствиям рисков известных, случаи проявления которых поддаются подсчету вероятности и оказываются по этой причине в поле страховой деятельности². Вместе с тем принцип предосторожности не может являться панацеей и ограничен своими собственными пределами в силу общеизвестного факта, что нулевого риска не бывает.

Принцип предосторожности является также иллюстрацией проницаемости прав. Заявленный в качестве основного принципа политической экологии в итоговой декларации конференции в Рио-де-Жанейро в июне 1992 г., он вошел в позитивное европейское право через Маастрихтский Договор того же года как основа политики Европейского Сообщества в области защиты окружающей среды. Несколькими годами позднее принцип предосторожности был закреплен французским законодательством принятием закона Барнье от 2 февраля 1995 г., относящегося к усилению защиты окружающей среды, и был кодифицирован сначала в земельном кодексе, а затем в кодексе законов об окружающей среде. Из тех двух определений, которые были даны на конференции в Рио и во французском законодательстве³, вытекает, что принцип предосторожности, в отсутствие научно обоснованной уверенности в возможности серьезного ущерба и/или ущерба непоправимого, должен побуждать не к воздержанности, а к активной деятельности и привести к принятию эффективных и адекватных мер, призванных воспрепятствовать ухудшению окружающей среды. Введение законом Барнье переменной, зависящей от «экономически приемлемых» затрат на проведение данных мер, заставляет предположить, что имеется финансовый порог, за пределами которого стоимость мер становится нецелесообразной относительно учитываемой выгоды, следовательно, имеется порог риска, который общество согласно принимать. В своем сообщении, касающемся принципа предосторожности⁴, Европейская комиссия еще раз указала на то, что определение уровня приемлемого риска есть высшая политическая ответственность Союза.

Применение принципа предосторожности во французском административном праве можно ощутить в областях защиты окружающей среды и здравоохранения, хотя в последней сфере законодатель и не подтвердил действенности данного принципа, сведенного пока еще к простому стандарту в поведении. Закрепление в Конституции принципа предосторожности Основным законом о защите окружающей среды, присоединенным к Конституции в ходе ее пересмотра 1 марта 2005 г., может привести к усилению действенности этого принципа в сфере здравоохранения, поскольку защита окружающей среды, без всякого сомнения, рассматривается в качестве средства защиты здоровья человека, исходя из того, что «каждый имеет право жить в окружающей среде, сбалансированной и не наносящей ущерба здоровью» (ст. 1). Конституционализация принципа предосторожности если и заставляет умолкнуть протесты по поводу своей обоснованности и даже своевременности, то все же не снимает напряженности, вызванной этим прин-

² Различие, которое наглядно показано в докладе P. Kourilsky и G. Viney «Le principe de précaution» [44].

³ Определение в Декларации, принятой в Рио: «В случае риска причинения серьезного или непоправимого ущерба отсутствие научно обоснованной абсолютной уверенности не должно служить предлогом для переноса на более позднее время принятия эффективных мер, целью которых является предупреждение ухудшения в окружающей среде».

Определение в законе Барнье: «Отсутствие уверенности, вызванное уровнем научных и технических знаний на данный момент, не должно служить причиной задержки принятия эффективных и адекватных мер, призванных предупредить риск тяжелого и непоправимого ущерба окружающей среде, если затраты на их проведение экономически приемлемы».

⁴ Сообщение от 2 февраля 2000 г. по поводу использования принципа предосторожности, которое привело к принятию резолюции Совета на Высшем уровне в Ницце от 7 декабря 2000 г. и резолюции Европейского парламента от 14 декабря 2000 г.

ципом в юридических категориях и концепциях французского административного права⁵. Напротив, неоспоримость нормы предосторожности, зафиксированная на первой странице Конституции, умножает количество вопросов по поводу рецепции, которую предстоит проделать судам⁶. Впрочем, нет уверенности в том, повлияет ли в необходимой мере конституционная значимость принципа на решение тех или иных проблем, с которыми сталкивается суд, но эта значимость, бесспорно, модифицирует сферу действия, выходя за рамки защиты окружающей среды и захватывая сферу здравоохранения и, возможно, другие, как, например, социальное право. То обстоятельство, что Основной закон о защите окружающей среды возлагает требование о предосторожности только на «публичные власти», не исключает также расширения судом принципа в направлении тех субъектов, которые принимают решение в частном порядке, будучи способны рассчитать риски и принять меры предосторожности.

По мнению некоторых авторов, принцип предосторожности среди направляющих принципов есть фигура символическая, характеризующая новейший этап в развитии позитивного права, когда смешиваются право, политика и мораль⁷. Независимо от того факта, что новый и новейший этап являются понятиями относительными и малозначительными, такая констатация могла быть уже проведена в отношении классических общих принципов права, которые отражают политическую философию того или иного периода и места. По-видимому, характеристика принципа предосторожности менее связана с его современностью, нежели с его способностью к гегемонии в качестве новой «парадигмы»⁸, поскольку он руководит как содержанием права, так и установленной процедурой принятия норм. То, что он выступает этическим принципом в том смысле, в каком его понимал Ганс Жона в своем исследовании «этики будущего» [43, с. 63 и далее], почти не дает информации о содержании мер предосторожности, которые необходимо принять, и наполняет еще большим содержанием интерпретацию, которую предпишет суд по случаю контроля над данными мерами. В противовес этому, будучи процессуальным принципом, принцип предосторожности способен глубоко изменить административное управление, которое обязано исключать ситуации неопределенности и предвосхищать будущее, «чутко улавливая предвестники несчастья»⁹. С одной стороны, принцип предосторожности может таким образом обогатить предмет административного права в том плане, что оно является потенциальным источником законности и ответственности, но необходимо отметить, что данное обогащение до настоящего времени ограничено. С другой стороны, оно может способствовать медленной эволюции юридической техники административного права, поскольку становится основным инструментом большинства направлений публичной политики, где управление рисками необходимо в любой области и требует соблюдения особого рода процедур.

1. Ограниченное обогащение содержания административного права

С самого своего появления воспринимаемый в качестве нового элемента контроля над законностью [4; 56], принцип предосторожности в действительности имеет неодинаковое юридическое значение в различных областях своего применения. Поскольку Государственный Совет отказался рассматривать его в качестве нового общего правового принципа, а Конституционный совет в качестве цели

⁵ Об этой напряженности см.: [57; 36].

⁶ По этому вопросу см.: [30].

⁷ В частности, по мнению F. Moderne [46] и N. de Sadeleer [59, p. 547].

⁸ Н. де Саделер говорит о «настоящем изменении парадигмы в ведении публичных дел» [59, p. 548].

⁹ Выражение Ганса Жона [43, p. 73].

конституционного значения, его универсальность в административном праве имеет парадоксально относительный характер. Действительно, нередко бывает, что нарушение принципа предосторожности рассматривается как обстоятельство, не имеющее правовых последствий, если только к нему обращаются в иных областях, нежели защита окружающей среды и здравоохранение. В последней области принцип не принят в качестве такового и суд, по-видимому, в отсутствие четко сформулированного и обязательного к применению закона, склоняется в пользу обычного осторожного поведения. В этом случае мы имеем дело с непостоянным элементом законности. Принцип предосторожности рассматривался также в качестве принципа, который должен способствовать развитию ответственности за ошибку на основании новых обязательств, им порождаемых. Также и с этой точки зрения итог его применения оказывается разочаровывающим, так как не единожды мы были свидетелями освобождения государства от бремени ответственности, с учетом принятых им мер предосторожности. Принцип предосторожности представляется, таким образом, как элемент регулирования юридической ответственности.

А. – Принцип предосторожности как непостоянный элемент законности

В то время как принцип предосторожности полностью проявляет свое действие в сфере защиты окружающей среды, он не принят в области здравоохранения, где суд признает только законность «мер предосторожности, которые необходимы для защиты здоровья», тем самым предписывая медицинским работникам сохранение предосторожности в своей работе, и только. За рамками этих двух сфер, где принцип предпочтительно употребляется, он, по-видимому, не в силах преодолеть обособленность отраслей законодательства.

1) Принцип осторожного образа действий

Будет ли предосторожность восприниматься как юридический принцип или же как стандарт образа действий в отношении административной власти, не оказывало бы, в конечном итоге, большого влияния на содержание права, если бы суд не проводил дифференцированного контроля принятых мер предосторожности и не влиял тем самым на власть администрации. В случае риска нанесения ущерба окружающей среде суд обычно осуществляет контроль над проводимыми мерами, пользуясь таким образом обстоятельством связанности власти вследствие подчиненности администрации на основании закона Барнье. Напротив, в случае риска нанесения ущерба здоровью суд проводит контроль, ограничивающийся констатацией очевидной ошибки в оценке принятых мер предосторожности, тем самым признавая, что в отсутствие обязательного закона о соблюдении принципа предосторожности в данной сфере администрация имеет дискреционное право выбора адекватных мер по защите здоровья.

Если и было исключено несколько постановлений предшественников в области права защиты окружающей среды, которые исходили из сути принципа без его обозначения¹⁰, то заслуживает упоминания тот факт, что принцип предосторожности был привлечен административным судом для оценки законности заявления об общественной полезности в сфере экспроприации. Предосторожность, таким образом, была включена в заключение по рассматриваемой мере с целью установления, лишается или нет данная мера характера общественной полезности из-за ущерба, наносимого окружающей среде. Таким образом, принимаются во внимание меры предосторожности, необходимые для ограничения указанного ущерба, и

¹⁰ CE, 4 janv. 1995, *Ministre de l'Intérieur c / Rossi*, CJEG, 1995, p. 232, примечание О. Сакс относительно расширения защитного периметра вокруг точки забора воды ; CE, 30 avr. 1997, *Cne de Quevillon, DA*, n° 262, по вопросу ущерба, наносимого общему экономическому плану использования земель рисками возможного вреда на 6 % коммунальной территории.

«удовлетворения требований, выдвигаемых принципом предосторожности»¹¹. Точно так же нарушение принципа предосторожности является нарушением закона в целом, поскольку установлен риск загрязнения¹². Вместе с тем применение принципа предосторожности неуместно в ситуациях неотвратимо опасных, что обосновывает вмешательство муниципальной полиции в сферу деятельности специальной полиции, являющейся подразделением Министерства сельского хозяйства и выдающей разрешения на производство генетически модифицированной продукции¹³.

Если соблюдение принципа предосторожности строго контролируется судами в области защиты окружающей среды, то в сфере здравоохранения предусмотрительное ведение дела есть предмет, гораздо более растяжимый в пользу администрации. На первых порах такое предусмотрительное поведение было узаконено судом, признавшим за Министерством здравоохранения компетенцию принятия мер предохранения населения от продукции, потребление которой могло представлять собой серьезный риск для здоровья, даже при отсутствии закона, недвусмысленно его к этому уполномочивающего¹⁴. Но по существу суд проводит контроль, ограничивающийся выявлением очевидной ошибки в оценке законности принятых мер «с учетом предосторожности, необходимой в такой области, как охрана здоровья»¹⁵. Однако можно задаться вопросом о реальности такого контроля и спросить себя, не является ли это, в действительности, отсутствием какого-либо контроля. В реальности суду очень трудно обнаружить грубую ошибку как в оценке рисков, так и в содержании необходимых к принятию мер, если эксперты дали научное заключение в контексте неопределенности или когда среди специалистов нет единого мнения по поводу некоторых рисков и фактически никакая еще очевидная ошибка в оценке судом выявлена не была. Бесспорно, такой ограниченный контроль был оправдан отсутствием научно обоснованной уверенности, что требуется подчинять анализ и судебное решение «принципу сдержанности»¹⁶, но такая аргументация может считаться действительной лишь для оценки рисков, а не для оценки содержания меры, каковое должно быть тщательным образом проанализировано с точки зрения ущерба свободам, который оно способно нанести. Между тем эта аргументация полностью противоречит стандартным формам контроля, который проводится и пропагандируется Судом Европейского союза, который выясняет, являются ли принятые меры предосторожности пропорциональными преследуемой цели – охране здоровья. Так, Суд напоминает, что государства – члены Сообщества должны придерживаться принципа пропорциональности и выбирать меры, ограниченные «тем, что действительно необхо-

¹¹ CE, 28 juill. 1999, Association intercommunale Morbihan sous très haute tension, R. 808, по вопросу законности строительства высоковольтных линий.

¹² TA Strasbourg, 22 févr. 2002, Association de défense des intérêts des quartiers centre-est de Strasbourg, AJDA, 2002, p. 766, заключение P. Коллье, в котором был признан факт такого нарушения, которое имело место по причине постановлений префектов о проверке складов животной муки, таящих угрозу случайного загрязнения воздуха, воды и почвы в жилой зоне.

¹³ CAA Lyon, 26 août 2005, Cne de Ménat, AJDA, 2006, p. 38, примечание E. Kolbert.

¹⁴ CE, 30 juill. 1997, Boudin, R. 312, касательно коммюнике министра, предостерегающего от потребления паштета.

¹⁵ CE, 21 avr. 1997, Mme Barbier, D., 1997, IR, 123, по вопросу изъятия фармацевтического продукта, содержащего коровий коллаген ; CE, 24 févr. 1999, Sté Pro-Nat, RFDA, 2000, p. 284, по вопросу запрета использования говяжьего сырья в продукции для младенцев и пищевых добавках ; CE, 29 déc. 1999, Sté Rustica Prograin, RFDA, 2000, p. 285 ; CE, 5 juill. 2004, Association France Nature Environnement, Association eau rivièrre de Bretagne, AJDA, 2004, p. 2293, по вопросу законности декрета о воде, предназначенной для потребления человеком.

¹⁶ Заключение Ф. Сенер (CE, 9 oct. 2002, Union nationale de l'apiculture française, AJDA, 2002, p. 1180).

димо для обеспечения сохранности здоровья населения» и порицает меры чрезмерные, непропорциональные по отношению к уровню предполагаемого риска¹⁷.

В конечном итоге, оставляя за администрацией дискреционные полномочия по соблюдению осмотрительного ведения дела в области здравоохранения по причине поверхностного контроля над очевидными ошибками в оценках, суд не идет на то, чтобы проводить снова, вслед за администрацией, расчет рисков и оценку содержания меры предосторожности. Следовательно, он допускает менее принудительный вариант применения принципа предосторожности, что приводит к вопросу об эффективности его интеграции в общую концепцию законности. Стандарт в поведении, даже если делаются ссылки на общепринятое поведение, нормой не является. В таких вопросах тем более есть смысл, когда принцип предосторожности призывается для защиты окружающей среды, но в рамках иного законодательства, нежели то, что специально было для этого разработано.

2) *Принцип предосторожности, ограничивающийся относительной самостоятельностью отраслей законодательства*

Относительная самостоятельность отраслей законодательства есть принцип, введенный самим судом, на основании которого власти, имеющие право выдавать разрешения на строительство, не обязаны принимать во внимание и a fortiori применять нормы частного права или публичного права иные, нежели те, которые налагаются на них регламентом и законодательством по градостроительству. Такая преторианская конструкция является спорной не только по той причине, что она стремится изолировать законы по градостроительству от остальной части законности, но также и потому, что она освобождает местные власти от соблюдения прочих норм в случае, когда в них задействуются и законодательство, и регламент по градостроительству. Естественно, что происходит это под предлогом соблюдения общих интересов. Поскольку суд уже давно установил принцип независимости для законодательства по градостроительству и сооружений, предназначенных для защиты окружающей среды [5], то можно было предвидеть, что он откажется от применения принципа предосторожности, исходящего из законодательства об охране окружающей среды, в судебных делах, касающихся законности разрешений, выдаваемых частным лицам на использование земли.

Фактически, даже в том случае, когда окружающая среда могла бы пострадать от строительства, Государственный Совет принимает решение, что принцип предосторожности не может выступать законным мотивом отказа в выдаче разрешения на строительство или препятствовать заявлению о проведении работ. Действительно, подобный отказ или подобное возражение могут быть обоснованы с точки зрения закона только по мотивам нарушения законодательства и регламента по градостроительству¹⁸. Таким образом, принцип относительной самостоятельности отраслей законодательства выступает препятствием для применения принципа предосторожности в сфере защиты окружающей среды в случае соблюдения законов о градостроительстве. Такой вывод не вполне очевиден, поскольку Апелляционный административный суд принял во внимание то обстоятельство, что в рассматриваемом деле мэр, не воспрепятствовавший работам по возведению антенны для мобильной радиотелефонии, не знал о существовании принципа предосторожности. С учетом такой позиции можно и в самом деле прийти к выводу,

¹⁷ CJCE, 23 sept. 2003, Commission c/ Royaume du Danemark, aff. C-192/01, по вопросу риска, который представляет собой добавление витаминов в пищу здоровым людям. О применении принципа предосторожности Европейским судом см.: [37].

¹⁸ CE, 20 avr. 2005, Sté Bouygues Telecom, AJDA, 2005, p. 1191, заключение Y. Aguila, касающееся по сути законности заявления о проведении работ по возведению опоры и антенны для мобильной радиотелефонии. По этому же вопросу CAA Douai, 15 déc. 2005, *Компания по эксплуатации ветряных мельниц в Мон д'Эзек*, AJDA, 2006, p. 455, по вопросу законности разрешения на строительство девяти ветряных мельниц.

что неуверенность в наличии рисков, возникающих по причине излучения антеннами мобильной телефонии, не рассеивается с помощью разрешения администрации, которая не в силах избавить нас от таких рисков, если они действительно существуют. Следовательно, управление по градостроительству имплицитно принимает положение, когда возникают риски для окружающей среды, а косвенно и для здоровья людей, оставаясь индифферентной к понятию предосторожности. Итак, на основании принятого в конечном итоге решения следует сделать вывод, что принцип предосторожности имеет ограниченную сферу действия не в отношении защиты окружающей среды в целом, а только в отношении решений, заслуживающих внимания с точки зрения защиты окружающей среды. Иными словами, его законодательное значение некоторым образом «заслонено» специальным законодательством, что является парадоксальным для принципа, представляемого в качестве руководящего для коллективного сознания в деле стабильного развития планеты.

Впрочем, нельзя исключить, что в основе описанной нейтрализации принципа предосторожности, происходящей под предлогом независимости законодательств, лежат экономические и финансовые соображения. Действительно, Государственный Совет счел необходимым сослаться как на «заинтересованность в покрытии территории сетью мобильной телефонии», так и на интересы компании, владеющей лицензией на вещание, для того, чтобы признать неотложность требования о приостановлении решения о прекращении работ по мотивам соблюдения принципа предосторожности¹⁹. Следовательно, экономически приемлемые потери перекрываются, по-видимому, подобными мерами предосторожности и оправдывают ситуацию, когда принцип предосторожности игнорируется, невзирая на его конституционное значение.

Воздействие принципа предосторожности на законодательство является, следовательно, умеренным, как если бы суд не решался признать раз и навсегда зону распространения какого-либо принципа. Оглушительное молчание законодателя по вопросу применения принципа предосторожности в сфере здравоохранения²⁰ не восполняется голосом судей. Однако именно в области защиты здоровья людей принцип, имеющий конституционное значение, такой как принцип предосторожности, должен был бы найти самую благодатную почву, поскольку речь идет об избегаемых рисках в отношении живых людей, тогда как риски для окружающей среды в случае их реализации коснутся будущих поколений. Влияние принципа предосторожности на ответственность также, по-видимому, сужено вопреки первоначальному прогнозу ученых.

Б. – Принцип предосторожности как средство регулирования ответственности

Надежды, порожденные принципом предосторожности в отношении развития права ответственности, подпитываются двумя стремящимися к одной цели движениями: с одной стороны, необходимостью придать новую значимость ответственности за упущение, призванной повысить этичность административной деятельности, и, с другой стороны, критикой ответственности за риск, что может привести к освобождению действующих лиц от ответственности. Также, могли ли ученые предположить, что содержание обязательства осторожности и осмотрительности должно быть «пересмотрено в свете принципа предосторожности» и

¹⁹ CE, 22 août 2002, SFR c/ Cne de Vallauris, AJDA, 2002, p. 1300, замечание П. Бензак о случае принятия решения о приостановлении, в котором суд уже счел серьезным довод, основанный на непонимании принципа относительной самостоятельности отраслей законодательства.

²⁰ Ни закон от 4 марта 2002 г. о правах больных и системе здравоохранения, ни закон от 9 августа 2004 г. о политике здравоохранения населения не упоминают принцип предосторожности.

что, поскольку требование последнего является более высоким, ответственность за упущение может быть только расширена?²¹ Однако необходимо отметить попытку «вновь обосновать право ответственности в области понятия предосторожности, исходя из критики принципов ответственности за риск» [50]. Вместе с тем идея расширения ответственности за упущение противостоит трудности установления «вины в виде недостатка предосторожности»²², даже если принцип предосторожности имеет тенденцию к увеличению обязательств, процессуальных в основном, которыми администрация может пренебрегать. Кроме того, допуская, что предосторожность не может воспрепятствовать возникновению риска, первоначально неизвестного, ничто не запрещает суду привлечь к ответственности за риск, как только данный риск появился, как это произошло с пунктами переливания крови, поставлявшими препараты крови, зараженные вирусом иммунодефицита человека, а значит, опасными для оперируемых и больных гемофилией [25]. В действительности, принцип предосторожности не может являться средством, уравнивающим тяжесть вины, в сравнении с притягательной силой ответственности за риск, выражением национальной солидарности и социальных гарантий от известных рисков, к которой бесполезно стараться вернуться. Он представляется, скорее, как элемент регуляции ответственности в случае неясного риска, фактора сдерживания судом ответственности государства и его отказа заставить действовать обязательство предосторожности ретроактивно.

1) Ограничение ответственности государства

Обозреватели не упустили возможности отметить, что ни одна мера предосторожности не привела еще к привлечению к ответственности государства административным судом²³. Парадоксально то, что принцип, не имеющий законного обоснования в сфере здравоохранения, именно в ней дает исключительную пищу для рекламаций, поскольку меры предосторожности, принятые в области безопасности питания с целью защиты здоровья людей, являются источником экономического ущерба для производителей, страдающих от приостановления или запрета на сбыт своей продукции и даже от предостережения от использования или антирекламы в адрес потребителей. Ограничение ответственности за ошибку, допущенную государством, является результатом еще двух явлений: невменения французскому государству принятых им мер предосторожности, если они продиктованы законами сообщества, и ограничения ответственности государства ответственностью за виновную противозаконность, исключаящую вменение ответственности без вины за нарушение равенства в отношении несения публичных обязанностей.

Таким образом, французское государство не может подвергаться ответственности за ущерб, явившийся результатом применения права, исходящего от сообщества. Следовательно, оно не может быть ответственно ни за возможно незаконное решение сообщества, которое обязательно должно отразиться в мерах внутреннего применения, ни за так называемое нарушение равенства по несению публичных тягот, вытекающее из жертвования интересами частных лиц вследствие мер, принятых санитарной полицией, даже расширенных по причине предосторожности, ибо и то и другое исходят из акта, невменимого европейскому институту и применяемого только национальными властями²⁴. Следовательно, имеется бумажное заграждение, с помощью которого национальные власти будут иметь случай все чаще и чаще скрываться за ширму права сообщества с целью избежать

²¹ Martin G. J. Précaution et évolution du droit. D., 1995, chr. p. 299 (цит. по: [42]).

²² См. об этом: [57].

²³ См., напр.: [1].

²⁴ CE, S., 12 mai 2004, Société Gillot, AJDA, 2004, p. 1487, примечание M. Deguergue ; RFDA, 2004, p. 1021, заключение Ф. Сенер.

возмещения наносящих урон последствий от принятых ими мер предосторожности. Впрочем, обычно административный суд полагает, что меры предосторожности могут давать право на возмещение лишь тогда, когда они являются следствием вины, что приводит к требованию наличия нарушения законности в процессе принятия меры предосторожности²⁵, или же незаконного деяния, являющегося, например, следствием заключения, рассматриваемого не как документ, а как действие. Так, комиссия по безопасности потребителей, рекомендуя в своем заключении не использовать косметическую продукцию, «созданную на уровне научных знаний своего времени», не совершает правонарушения, так как многочисленные научные исследования и публикации сделали достоянием гласности сведения о том, к какому риску для здоровья ведет применение продуктов, содержащих псорален²⁶. Более того, даже в случае, когда меры предосторожности могли бы причинить ненормально тяжелый и особый ущерб тому, кому они были предназначены, они рассматриваются как не могущие давать право на возмещение ущерба на том основании, что в этом случае нарушается принцип равенства перед публичными тяготами, «учитывая цель, состоящую в защите здоровья народа, которую они преследовали». Подобная мотивация, подобная той, которая отклоняет ответственность на основании закона, объясняется большей значимостью преследуемой цели и основывается на интерпретации предполагаемого намерения автора документа. Только противоположные специальные законодательные положения могли бы сделать такую интерпретацию недействительной²⁷.

Данные ситуации показывают, впрочем, до какой степени предосторожность может в нужный момент дополнить профилактику в том плане, что она тяготеет к опережению рисков остаточных или отдаленных в сравнении с установленными в бесспорном порядке на какой-либо определенный момент и поэтому вызывающих применение профилактических мер. Например, в рамках защиты прав потребителей меры, предусмотренные кодексом законов о потреблении, «могут преследовать цель только профилактического и предотвращающего опасность характера для того, чтобы гарантировать безопасность, ожидаемую на основании права...» (статья L. 221-9). Однако, в то время как такие меры принимаются на основании требований профилактики, административный суд оценивает их законность «с учетом мер предосторожности, необходимых в сфере здравоохранения», коль скоро последствия применения рассматриваемой продукции не вполне изучены и следует опасаться их токсичности²⁸. Следовательно, представляется маловероятным, чтобы разумная профилактика не была бы сведена к дополнительным мерам предосторожности и чтобы они не воспринимались как незаконные и ошибочные. Максималистская интерпретация принципа предосторожности, тяготеющая к распространению идеи, что излишняя предосторожность не мешает, приводит к тому, что приносится в жертву жизнеспособность некоторых предприятий по причине того, что имеется угроза для здоровья человека, а меры предосторожности в данной области не ограничиваются соображениями «экономически приемлемых затрат».

²⁵ Очень четкая редакция постановления CE, 30 juill. 1997, Boudin, R. 312.

²⁶ CE, S., 31 mars 2003, SA des Laboratoires pharmaceutiques Bergadem, AJDA, 2003, p. 935, chr. F. Donnat et D. Casas ; RFDA, 2003, p. 1185, заключение Д. Шово.

²⁷ Там же.

²⁸ CE, 29 déc. 1999, Syndicat national du commerce extérieur des produits congelés et surgelés, RFDA, 2000, p. 286, касательно мер против истребления пресноводных рыб из африканских стран ; CE, 28 juill. 2000, Association FO Consommateurs, RFDA, 2000, p. 1153 ; R. 352, касательно игрушек из мягкой пластмассы. Эти два постановления осуществляют контроль над пропорциональностью содержания меры профилактики и даже предосторожности, так как статья L. 221-9 Кодекса законов о защите прав потребителей предусматривает, что меры, предписанные статьей L. 221-5, должны быть пропорциональными опасности, которую представляет продукция.

В то время, когда Государственный Совет предостерегает от ограничения финансовой солидарности и настаивает на том факте, что «государство не может страховать население от всех видов риска» [51], необходимо подчеркнуть регулируемую функцию ответственности государства, которую обеспечивает принцип предосторожности, исключая применение режима ответственности за нарушение равенства перед несением общественных тягот с аномальным и особым ущербом, возникающим вследствие мер предосторожности. В сфере предосторожности суд отказывается оценивать случай за случаем поправимость нанесенного аномального и особого ущерба вопреки той позиции, которая сформировалась у него в судебной практике об ответственности на основании закона²⁹. Впрочем, данная регулирующая функция еще более примечательна, если риск, совершенно неизвестный для какого-либо времени, раскрывает свои наносящие ущерб последствия в тот момент, когда с ним столкнулись, проанализировали и повели борьбу. Для административного суда могло бы быть большим искушением наделить принцип предосторожности обратной силой и считать, что государство должно осознавать свою ответственность в случае, если не был предотвращен риск развития, и даже по единственной причине возникновения этого риска. К счастью, суд отказался от этого и предпочел исследовать вину в борьбе с рисками, исходя из знания их влияния на здоровье человека.

2) *Отказ от обязательства применять принцип предосторожности с обратной силой*

Административный суд отказывается от использования «научной ретроактивности»³⁰, поскольку известно, что доказательство риска с помощью криминалистической экспертизы привести очень трудно, а эксперты часто не могут прийти к единому мнению, которое считалось бы неопровержимым. Концепция юристов принципа предосторожности стремится к тому, чтобы научные сомнения не мешали считать гипотезу о существовании риска неоспоримой, даже если она не была доказана, и обязывает публичные власти действовать³¹. Суд поостерегся принять такую концепцию в делах о зараженной крови и асбесте, где он возложил ответственность на государство за виновное неисполнение функции исполнительной власти, начиная с даты, когда администрация могла рассматриваться как должным образом информированная о рисках. Следовательно, только в двух случаях за непринятие профилактических мер были наложены санкции путем привлечения к ответственности за совершение вины, а не за пресловутое нарушение принципа предосторожности в период, предшествующий установлению риска.

Так, в деле о заражении крови суд определял дату, когда уже не существовало научных сомнений, и приурочил ее к заключению, сделанному эпидемиологом Генерального управления здравоохранения, которое подвело итог полученной информации с тем, чтобы установить отправную точку обязательства действовать. Он установил виновное непринятие мер Министерством здравоохранения начиная с этой даты до моменты эффективного применения постановлений, требующих систематического обследования доноров, тепловой обработки препаратов крови, полагая, что в компетенции административной власти «информированной ... недвусмысленным образом о существовании серьезного риска заражения... запретить... выдачу опасных препаратов». Что касается периода, предшествую-

²⁹ Позиция, вытекающая из постановления Госсовета от 2 ноября 2005 г. [22].

³⁰ Выражение, которое было введено, по-видимому, Лораном Фабиусом.

³¹ Концепция, высказанная правительственным комиссаром Легалем на заседании Госсовета 9 апреля 1993 г. [24]: «Перед лицом риска, известного в качестве смертельного для некоторого числа пациентов, по крайней мере, было бы очевидно нереально утверждать, что только лишь подкрепленная научным знанием уверенность заставляет действовать... В ситуации риска неопровергнутая гипотеза должна бы восприниматься как действительная, даже если формально она не доказана».

щего дате информированности, то он пояснил, что «принимая во внимание противоречивый и неопределенный характер доступной на тот момент информации... невозможно ставить в упрек администрации непринятие до этого дня мер, способных ограничить риск заражения путем переливания крови». Следовательно, одержала верх идея о том, что нельзя ставить в вину администрации отсутствие предположения о правдоподобности риска и ее бездействие как следствие такого подхода. В этом случае мы недалеко от противоречивой позиции в судебной практике, которая в области здравоохранения отвергает логику предосторожности в ситуации неопределенности и признает легитимность мер предосторожности лишь в случае риска установленного.

Точно так же Государственный Совет признал, что государство совершило «ошибку в области профилактики рисков, связанных с профессиональным контактом с асбестовой пылью». Именно с точки зрения его исторической миссии защиты гигиены и безопасности трудящихся, государству было вменено в вину непринятие каких-либо мер для их защиты «от опасности, возникающей вследствие вдыхания асбестовой пыли» и указано, что оно несет также ответственность за небрежение профилактикой рисков³². Несмотря на то что этот риск был известен с 30-х годов, суд приурочил информированность публичных властей о «серьезной опасности», которую представляет собой асбестовая пыль для рабочих, а также обязательство властей по принятию адекватных законов к середине пятидесятых. В этом случае суд не распространил обратное действие обязательства соблюдать предосторожность на период, когда в научной среде данный риск еще вызывал споры. Если он подтверждает требование проводить профилактику, то, что касается предосторожности, она не вводится как обязательное условие осуществления деятельности, когда существует только подозрение на риск³³.

Уместно упомянутое судом общее обязательство, лежащее на работодателях, заключающееся в том, чтобы обеспечивать безопасность и охрану здоровья трудящихся своего предприятия, не должно затенять тройное обязательство, возложенное на публичные власти и действующее во время любых бедствий: обязательство информировать об опасности на рабочих местах, обязательство предупредить о профессиональных рисках и обязательство вырабатывать «надлежащие меры для ограничения и, если возможно, ликвидации данной опасности» в соответствии с уровнем развития научного знания. Развитие болезней, вызванных асбестом, выявило бессилие государственного управления в области рисков, порожденных употреблением данного продукта на стройках, при конструировании и на заводах. И, возможно, в том и заключается не последнее достоинство принципа предосторожности, лежащего в основе исследований, даже если формально ссылку на него не делают, что он усиливает обязательства, свойственные принципу профилактики. Но и профилактика тоже выделяет процессуальный аспект принципа предосторожности в том плане, что он предполагает технику оценивания и управления рисками, что неизбежно оказывает влияние на технику административного права.

II. Медленная эволюция техники административного права

Отсутствие признания принципа предосторожности в медицинской сфере объясняется тем, что безопасность обеспечивается в данной области принятием мер проводящей профилактику административной полицией, и тем, что право ответственности в состоянии компенсировать лишь актуальный и несомненный

³² CE, Ass., 3 mars 2004, *Ministre de l'emploi et de la solidarité*, AJDA, 2004, p. 974, chr. F. Donnat et D. Casas ; RDP, 2004, p. 1431, примечание M. F. Delhoste ; RFDA, 2004, p. 612, заключение E. Prada-Bordenave.

³³ По этому вопросу см.: [58].

урон. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что процессуальный аспект принципа предосторожности стремится только к восполнению его содержательной недостаточности. Европейская комиссия в своем уведомлении от 2 февраля 2000 г. сделала акцент на двух техниках, которые подразумеваются в деятельности с соблюдением предосторожности: технике оценивания рисков, чисто административной и возложенной на компетентных экспертов, и технике управления рисками, связанной с политическим регулированием. Не доходя до провозглашения «Государства предосторожности»³⁴, характеризующегося новым сочленением между наукой и властью, мы ощущаем влияние предосторожности в административном праве на государственное управление и участие граждан в процессе принятия решений. В этом случае закономерно возникает вопрос о трансформациях, к которым приводит принцип предосторожности в технике административного права, когда требуют пересмотра прерогативы власти и преодоления односторонности.

А. – Принцип предосторожности как инструмент государственного управления

Принято считать, что процессуальная значимость принципа предосторожности требует разнообразных научных экспертиз, независимых от экономических и политических интересов, учитывающих отдельные и диссидентские точки зрения. «Утопия предосторожности» заключается, возможно, в том, чтобы «организовать мир как гигантскую лабораторию»³⁵, но для этого необходимо иметь ясновидящего архитектора и коллективную волю. А пока Европейская комиссия предложила схему экспертизы рисков, вдохновившись формой, предложенной в 1983 американским Национальным исследовательским советом (National Research Council), которая содержит три этапа: первый – это этап распознавания опасности – знать, что опасно, второй – это этап характеристики опасности – знать, какова его природа, и третий – это этап оценивания риска – знать, кто ему подвергается, когда и как. Впрочем, именно на основании дефекта процедуры, выразившегося в неполноте пакета документов, поданного на рассмотрение компетентной комиссии с целью получения заключения, принцип предосторожности резко вторгся в административную судебную практику в виде решения об отзыве разрешения на генетически измененную кукурузу³⁶. В качестве аргумента было приведено то обстоятельство, что экспертное заключение не содержит элемента, позволяющего оценить ущерб, наносимый здоровью населения геном сопротивления антибиотикам, который содержится в сортах генетически модифицированной кукурузы. Кроме того, что решение о приостановлении реализации данного разрешения по причине нарушения принципа предосторожности произвело эффект разорвавшейся бомбы, оно имело еще то достоинство, что рассматривало в процессе изучения влияния генетически модифицированных продуктов окружающую среду и здоровье как два взаимосвязанных явления, как это происходит в праве Европейского сообщества.

В результате экспертизы пришли к заключению, что управление рисками должно подчиняться единому руководству, так как смешение функций эксперта и управляющего может иметь губительные последствия с точки зрения принципа

³⁴ Как это делает в своей статье Ф. Эвальд (см.: [40]).

³⁵ Утверждение Ф. Эвальда, соавтора Н. де Саделир и К. Голлье, в работе «Le principe de précaution» [39].

³⁶ CE, S., 25 sept. 1998, Association Greenpeace France, R. 342, заключение Ж. Г. Сталь. По этой же причине Госсовет аннулировал разрешение на целевые посевы в окружающем пространстве генетически модифицированной кукурузы (см.: [23]).

беспристрастности³⁷. Ответ на вопрос о том, какой орган возьмет на себя принятие мер предосторожности и в каком направлении, не может быть дан в соответствии с поддающейся каким-либо сравнениям схемой, по меньшей мере, по двум основаниям: во-первых, по причине умножения числа органов и запутанности компетенций, которые приводят к угрозе возникновения новой технократии рисков; во-вторых, по причине необходимой субординации выбора от уровня риска, приемлемого для государства, до уровня риска, приемлемого для общественного мнения, как это хорошо показывает напряженность, возникшая по поводу выращивания в полях генетически модифицированных культур. Увеличение числа организаций заметно как на уровне агентств, советов и комиссий, наделенных экспертными полномочиями, так и на уровне административных органов, компетентных принимать решения по предосторожности. Следует отметить, что суд, по-видимому, склонен интерпретировать в широком смысле экспертные полномочия и в узком – полномочия по управлению рисками. Так, комиссия по безопасности потребителей обладает общим полномочием по выдаче заключений и предположений о рисках, которые несет употребление некоторых продуктов, тогда как специальные комиссии создаются только для рассмотрения вопросов о конкретных продуктах (см.: [28]). Таким же образом разрешение, выданное Европейской комиссией на основании процедуры экспертной проверки, предусмотренной европейским законодательством в отношении генетически модифицированных культур, не запрещает стране, ссылающейся на принцип предосторожности, проводить исследования в области рисков, вызываемых этими культурами, и принимать во внимание новую информацию, которая обосновала бы возвращение к вопросу о выдаче разрешения³⁸. Принцип предосторожности открывает, таким образом, окно дискреционных полномочий для управляющих в рамках компетенции, связанной с решениями европейских органов власти, поскольку в основе лежит признание за государствами возможности требовать для своих граждан всегда более высокой степени защиты.

Напротив, компетенция уполномоченных принимать меры предосторожности организаций должна толковаться более ограничительно по причине публичного характера регламентации компетентности. Так, орган министерства, отвечающий за маркировку урожаев кукурузы, не может быть заменен каким-либо другим даже на основании циркуляра [18]. Что касается соединения полномочий специальной полиции, возложенных на Министерство сельского хозяйства, и полномочий общей полиции, осуществляемых мэром на подведомственной ему территории коммуны, то они ограничиваются в ситуациях неминуемой опасности, т.е. опасности явной, что исключает обоснованность ссылки на принцип предосторожности со стороны мэра с целью воспротивиться выращиванию генетически модифицированных культур, разрешенных Министром [2]. Статья 5 Хартии окружающей среды хорошо вписывается в умонастроение, склонное желать, чтобы «органы государственной власти следили путем применения принципа предосторожности и в подведомственных им сферах, за проведением процедур оценки рисков и за принятием мер...». Принцип предосторожности служил бы, таким образом, средством ограничения органов государственной власти в сфере их компетенции, что является не последним парадоксом принципа универсального назначения.

Тем не менее увеличение числа экспертиз не гарантирует, что власти, наделенные компетенцией принимать решение, будут с ними считаться, а судебная

³⁷ По делу о зараженной крови см. замечания E. Olivennes [48], которые убедительно показывают неблагоприятное влияние концентрации в пользу государства ролей оператора и регулятора, способствующей смешению интересов частных лиц и интересов общества.

³⁸ CJCE, 21 mars 2000, Association Greenpeace France, AJDA, 2000, p. 448, примечание H. Legal и примечание R. Romi ; CE, 22 nov. 2000, Association Greenpeace France, RFDA, 2001, p. 278.

санкция за проявленное ими пренебрежение результатами экспертиз, вольное или невольное, не установлена. Однако именно в учете обеспокоенности инакомыслящей общественности и будет заключаться эффективность принципа предосторожности. Так, когда Европейское сообщество ввело эмбарго на ввоз британской говядины после эпидемии коровьей губчатой энцефалопатии, Франция не выполнила это решение и подверглась санкциям за невыполнение своих обязательств как члена сообщества. Главными действующими лицами были выдвинуты две аргументации, которые Европейским судом четко разграничены не были: с одной стороны, Франция указывала на то, что Комиссия не приняла во внимание ни мнение меньшинств, а именно в таком формате она в свое время создавалась, ни научную информацию, содержащуюся в заключении AFSSA, и, таким образом, был нарушен принцип предосторожности; с другой стороны, Комиссия указывала на то, что данный принцип в качестве основополагающего не обязывает следовать любому мнению ученых безоговорочно. Известно, что против Франции были введены санкции за несоблюдение решений на том основании, что юридически член Европейского сообщества, являясь адресатом решений, не вправе ссылаться на их незаконность с целью защиты от обвинений в несоблюдении в случае неисполнения данных решений³⁹. Но тот факт, что альтернатива между двумя концепциями принципа предосторожности не была четко обозначена Европейским судом, показывает, что процессуальный аспект важен только в том случае, когда он обуславливает большее или меньшее полномочие принимать решение в пользу лиц, управляющих рисками. Данное полномочие давать оценку сильно рискует оказаться под влиянием также со стороны общественного мнения, которое в той или иной степени выявляется путем консультаций администрации с гражданским населением с целью привлечения последнего, декларативно или реально, к участию в принятии государственных решений.

Б. – Принцип предосторожности как инструмент привлечения граждан к управлению

Применение принципа предосторожности ведет к снятию традиционного покрова тайны с принятия административных решений. Необходимость в прозрачности деятельности администрации еще сильнее ощущается в случае возможного риска, когда согласование позиций и диалог способствуют смягчению тревоги, даже если они не в силах этот риск уменьшить. Информированность, в частности по вопросу маркировки продукции, как и участие населения в подготовке решения, выступают определяющими факторами деятельности при наличии опасной ситуации⁴⁰. Согласование позиций – высшая стадия консультирования – стремится к легитимизации проекта всеми, кого он затрагивает, однако оно является лишь слабым подобием участия в принятии решения. Речь идет только о том, чтобы привлечь население к проекту, от разработки которого оно будет отстранено⁴¹. Принцип причастности, со своей стороны, представляет собой высшую стадию административной демократии, которая была, в частности, опробована в праве окружающей среды и здравоохранении. Он прямо фигурирует в статье L. 110-1 Кодекса законов об окружающей среде, которая определяет этот принцип как право на доступ каждого к информации об окружающей среде и привлечение общественности к процессу выработки проектов, способных оказать значительное влияние на окружающую среду или обустройство территории. Предусматривается и информация о рисках, так как в право доступа включена информация об «опасных веществах и видах деятельности», но, по-видимому, эта формулировка имеет

³⁹ CJCE, 1er déc. 2001, Commission c/ France, AJDA, 2002, p. 164, примечание Т. Амоньо.

⁴⁰ По этому вопросу см.: [41].

⁴¹ По данному вопросу см. работу G. Dumont «La citoyenneté administrative» [38, p. 314 et s.].

в виду только риски установленные, когда опасность доказана, что приводит к тому, что соотношение между принципом предосторожности и принципом участия до конца не определено.

Привлечение общественности к процессу выработки проектов постепенно входит в практику на основе опыта демократических обсуждений, в частности на согласительных конференциях и конференциях с участием населения, которые стремятся привлечь во внимание гражданскую экспертизу, как, например, те, что имели место в 2002 году по вопросу генетически модифицированных продуктов. Учреждение на основании закона Барнье от 2 февраля 1995 г. Национальной комиссии дебатов общественности, ставшей по закону от 27 февраля 2002 г. о демократии сближения независимым административным органом власти со своим собственным бюджетом, имело целью гарантировать эффективность публичных обсуждений по поводу проектов, которые могут нанести урон окружающей среде. Но гражданская экспертиза наталкивается также на подводный камень независимости и беспристрастности организаторов обсуждения. Однако происходит так, что даже если финансовые затраты на проведение дополнительных экспертиз не ложатся на производителя, то сама организация обсуждения всегда подразумевает его финансовую ответственность, что способно подвергать испытанию беспристрастность дискуссии⁴². Слабость системы кроется особенно в том факте, что данная Комиссия не начинает автоматически действовать, как только будет превышен определенный порог значительности, измеряемый свойствами, техническими характеристиками и предполагаемой стоимостью⁴³. Впрочем, неясно, как понятия неизвестного риска или неопределенного ущерба, присущие предосторожности, могли бы способствовать преодолению порога автоматического принятия дела к рассмотрению Комиссией и публичному обсуждению. Вероятность участия населения в определении уровня риска как приемлемого или неприемлемого и требующего, в этом последнем случае, применения принципа предосторожности и принятия адекватных мер, представляется скорее как некий мираж, нежели реальность.

Всегда можно полагать, что ассоциации по защите окружающей среды всегда начеку и готовы использовать свое право обращения в Комиссию. Но организация публичного обсуждения, тем не менее, не гарантирована, так как Комиссия обладает полномочием давать заключение о целесообразности данного обсуждения, которое зависит от влияния, которое способен оказать на окружающую среду этот проект⁴⁴. А прямое обращение к международным договорам не оказывает в данном деле большой поддержки. Усиление участия действительно сделалось необходимым после ратификации международных договоров, требующих информированности и привлечения населения, таких как Конвенция Аарюс от 25 июня 1998 г., в соответствии с которой «в том случае, когда имеет место процесс, решение по которому имеет отношение к окружающей среде, общественность, интересы, которой затронуты, информируется должным образом, полно и по требованию, в виде уведомления населения или индивидуально, в зависимости от случая, в самом начале процесса». Однако Государственный совет пришел к заключению, что данные положения сами по себе не обязывают организовывать публичное обсуждение и что Национальная Комиссия дебатов общественности может, руководствуясь законом, отказать в такой организации, если исследования по проекту уже проводятся и углубленное согласование позиций имеет место уже в течение

⁴² Указанная работа G. Dumont, с. 344 и далее, в частности по этому пункту с. 346.

⁴³ Статья L. 121-8 Кодекса законов об окружающей среде. О важности понятия порога см.: [47].

⁴⁴ Статья L. 121-9 Кодекса законов об окружающей среде.

нескольких лет⁴⁵. Впрочем, велико искушение заменить с выгодой для себя публичное обсуждение согласованием позиций, поскольку раз уж Комиссия полагает, что публичное обсуждение не обязательно, то она «может порекомендовать» производителю «организовать согласование позиций в соответствии с предлагаемыми моделями»⁴⁶.

Мы хорошо видим, что отсутствие четкой позиции в вопросах о принципах предосторожности и публичном участии не способствует привлечению граждан к управлению, несмотря на тот потенциал, который таят в себе в этом отношении тот и другой принципы. Если не говорить о форсмажорных рисках, технологических и природных катастрофах, которые поддаются предвидению и должны выступать предметом информирования, но не по причине применения принципа предосторожности, то в соответствии с настоящим законодательством предусматривается также информирование о «последствиях», которые могут повлечь за собой произвольные посевы генетически модифицированных культур для здоровья населения и окружающей среды⁴⁷, последствия пока не изученных. Помимо этой информации проект закона о генетически модифицированных продуктах, находящийся на стадии обсуждения, предусматривает, что разрешения на посевы даются административными органами власти «после консультаций с общественностью и оценки всей совокупности рисков для здоровья населения или окружающей среды»⁴⁸. Терминологически «консультация» значит не то же, что «согласование мнений», еще дальше она от «участия в принятии решения о выдаче разрешения», в то время как вопрос о рисках есть центральный вопрос для общественного мнения, объединяющий всех оппонентов. Впрочем, консультирование ни в коей мере не предрешает учета позиции тех лиц, с которыми проводились консультации, поскольку деятельность групп давления в данной сфере оказывает тормозящее влияние на сознание заинтересованных сторон.

Публичные обсуждения, какова бы ни была их форма, должны способствовать реформе государства и имеют своим предназначением изменение самой сути техники административного права, проникнутой авторитаризмом и односторонностью. Даже находясь в зачаточном состоянии, административная гражданственность, основной элемент административной демократии, может быть усилена разумным применением принципа предосторожности, требующего не только оценки рисков при помощи экспертизы, которая проводится не исключительно учеными, но также решения вопроса о приемлемом уровне риска, разъясняемого путем обращения к теории равновесия между преимуществами и недостатками того, что представляется технологическим прогрессом. Также необходимо, для того чтобы административная гражданственность существовала в рамках принципа предосторожности, чтобы диалог не спотыкался о привычно враждебное отношение к проектам, а, напротив, способствовал сокращению числа конфликтов. Также нужно, чтобы участники диалога ощущали способность влиять на работу над проектом и реально участвовать в соблюдении общего интереса, поскольку административное гражданство есть неотъемлемая часть права на хорошее администрирование.

⁴⁵ CE, 20 avr. 2005, Collectif contre les nuisances du TGV de Chasseneuil du Poitou et Migné-Auxences, Association Linars Nouere Charente, AJDA, 2005, p. 1787, примечание Б. Делонея касательно проекта постройки железнодорожной ветки для скоростных поездов.

⁴⁶ Статья L. 121-9-1, абз. 3 Кодекса законов об окружающей среде.

⁴⁷ Статья L. 123-3 Кодекса законов об окружающей среде.

⁴⁸ Новая статья L. 533-3-II проекта NOR: MENX0500306L/B1.

Литература

1. Brocal von Plauen F. La responsabilité de l'État et le risque alimentaire et sanitaire. Entre prévention et précaution, *AJDA*, 2005, p. 522, v. p. 529.
2. CAA Lyon, 26 août 2005, *Cne de Ménat*, *AJDA*, 2006, p. 38.
3. CAA Douai, 15 déc. 2005, *S^é d'exploitation du parc éolien Mont d'Hezecque*, *AJDA*, 2006, p. 455.
4. Cans V. C. Le principe de précaution, nouvel élément du contrôle de légalité, *RFDA*, 1999, p. 750.
5. CE, 6 juin 1973, *Verne et Beaugier*, R. 402.
6. CE, 4 janv. 1995, *Ministre de l'Intérieur c/ Rossi*, *CJEG*, 1995, p. 232.
7. CE, 21 avr. 1997, *Mme Barbier, D.*, 1997, IR, 123.
8. CE, 30 avr. 1997, *Cne de Quevillon, DA*, n° 262.
9. CE, 30 juill. 1997, *Boudin*, R. 312.
10. CE, 24 févr. 1999, *Sté Pro-Nat*, *RFDA*, 2000, p. 284.
11. CE, 28 juill. 1999, *Association intercommunale Morbihan sous très haute tension*, R. 808.
12. CE, 29 déc. 1999, *Sté Rustica Prograin*, *RFDA*, 2000, p. 285.
13. CE, 29 déc. 1999, *Syndicat national du commerce extérieur des produits congelés et surgelés*, *RFDA*, 2000, p. 286.
14. CE, 28 juill. 2000, *Association FO Consommateurs*, *RFDA*, 2000, p. 1153 ; R. 352.
15. CE, 22 nov. 2000, *Association Greenpeace France*, *RFDA*, 2001, p. 278.
16. CE, 22 août 2002, *SFR c/ Cne de Vallauris*, *AJDA*, 2002, p. 1300.
17. CE, 9 oct. 2002, *Union nationale de l'apiculture française*, *AJDA*, 2002, p. 1180.
18. CE, 20 nov. 2002, *Société Golden-Harvest-Zelder*, *AJDA*, 2003, p. 574.
19. CE, 5 juill. 2004, *Association France Nature Environnement, Association eau rivière de Bretagne*, *AJDA*, 2004, p. 2293.
20. CE, 20 avr. 2005, *Collectif contre les nuisances du TGV de Chasseneuil du Poitou et Migne-Auxences, Association Linars Nouere Charente*, *AJDA*, 2005, p. 1787.
21. CE, 20 avr. 2005, *Sté Bouygues Telecom*, *AJDA*, 2005, p. 1191.
22. CE, 2 nov. 2005, *Société coopérative agricole Ax'ion*, *AJDA*, 2006, p. 142, chr. C. Landais et F. Lenica.
23. CE, 28 avr. 2006, *Fédération des syndicats agricoles MODEF*, req. n° 274458.
24. CE, Ass., 9 avr. 1993, *M.B., M. D., M. G.*, *RFDA*, 1993, p. 595.
25. CE, Ass., 26 mai 1995, *Consorts N'Guyen, Pavan et Jaouan*, R. 221.
26. CE, Ass., 3 mars 2004, *Ministre de l'emploi et de la solidarité*, *AJDA*, 2004, p. 974, chr. F. Donnat et D. Casas.
27. CE, S., 25 sept. 1998, *Association Greenpeace France*, R. 342.
28. CE, S., 31 mars 2003, *SA des Laboratoires pharmaceutiques Bergadem*, *AJDA*, 2003, p. 935, chr. F. Donnat et D. Casas.
29. CE, S., 12 mai 2004, *Société Gillot*, *AJDA*, 2004, p. 1487.
30. Chahid-Nourai N. La portée de la Charte pour le juge ordinaire, *AJDA*, 2005, p. 1175.
31. CJCE, 21 mars 2000, *Association Greenpeace France*, *AJDA*, 2000, p. 448.
32. CJCE, 1er déc. 2001, *Commission c/ France*, *AJDA*, 2002, p. 164.
33. CJCE, 23 sept. 2003, *Commission c/ Royaume du Danemark*, aff. C-192/01.
34. Code de la consommation.
35. Code de l'environnement.
36. Deguegue M. La responsabilité administrative et le principe de précaution, *RJE* n° spécial sur le principe de précaution, 2000, p. 105.
37. Deguegue M. Précaution et sécurité sanitaire à la lumière de quelques arrêts récents de la Cour de Justice des Communautés européennes, *RDSS*, 2004, p. 80.
38. Dumont G. *La citoyenneté administrative*, thèse dactyl. Paris II, 2002.
39. Ewald F., Sadeleer N. de, Gollier C. *Le principe de précaution*, coll. «Que sais-je ?», Paris, PUF, n° 3596, 2001, p. 54.
40. Ewald F. L'État de précaution, *EDCE*, n° 56, 2005, p. 359.
41. Franc M. Traitement juridique du risque et principe de précaution, *AJDA* 2003, p. 360, v. p. 362.

42. Godard O. (dir.) *Le principe de précaution dans la conduite des affaires humaines*, INRA-MSH, 1997, p. 331.
43. Jonas H. *Le principe responsabilité*, coll. «Champs», Paris, Flammarion, 1998.
44. Kourilsky P., Viney G. *Le principe de précaution*, Paris, Odile Jacob, 2000.
45. Martin G. J. Précaution et évolution du droit, *D.*, 1995, chr. p. 299.
46. Moderne F. Légitimité des principes généraux et théorie du droit, *RFDA*, 1999, p. 722.
47. Morand-Deville J. La notion de seuil en droit administratif, *Mélanges F. Moderne*, Paris, Dalloz, 2004, p. 301.
48. Olivennes E. Les leçons d'une affaire, *Pouvoirs*, n° 63, 1992, p. 117.
49. Projet NOR : MENX0500306L/B1.
50. Rapport public du Conseil d'État pour 1998, «Réflexions sur le droit de la santé», *EDCE* n° 49, p. 227, v. p. 258.
51. Rapport public pour 2005, «Responsabilité et socialisation du risque», *EDCE*, n° 56, p. 199, v. p. 315.
52. *RDJ*, 2004, p. 1431, note M. F. Delhoste.
53. *RFDA*, 2003, p. 1185, concl. D. Chauvaux.
54. *RFDA*, 2004, p. 1021, concl. F. Seners.
55. *RFDA*, 2004, p. 612, concl. E. Prada-Bordenave.
56. Rouyere A. L'exigence de précaution saisie par le juge, *RFDA*, 2000, p. 266.
57. Rouyere A. Responsabilité et principe de précaution, Actes des Colloques du Sénat, *Vers de nouvelles normes en droit de la responsabilité publique ?*, 11-12 mai 2001, p. 225.
58. Rouyere A. Protection de la santé publique et droit de la responsabilité, *RGDM*, n° spécial, La protection de la santé publique, 2005, pp. 105-113.
59. Sadeleer N. de. Les avatars du principe de précaution en droit public : effet de mode ou révolution silencieuse ?, *RFDA*, 2001, p. 547, 548
60. TA Strasbourg, 22 févr. 2002, *Association de défense des intérêts des quartiers centre-est de Strasbourg*, *AJDA*, 2002, p. 766.

Maryse Deggert,

Professor, Paris-I (Pantheon-Sorbonne) University (France, Paris)

Development of the Principle of Precaution in the French Administrative Law

Development of the principle of precaution in the French administrative law is analyzed. The specified principle enters into legal adjustment the increased level of a care of state bodies of wellbeing of the population in spheres of environmental protection and health care, mainly. The increased level of a care assumes and demands from state bodies more serious intensifying of security measures concerning objects of technological progress which impact on human health and the surrounding environment which is still insufficiently studied. The difference between the principle of precaution and the principle of prophylaxis (preventive measures) is carried out: the first differs from the last in the fact that the principle of precaution gravitates to prevention of cases of risk which possibility is just supposed how, for example, risks residual or delayed, or absolutely unknown as risks of development whereas the principle of prophylaxis (preventive measures) aims to prevent the consequences of risks causing damage known which cases of implication give in to calculation of probability and fall for this reason in the field of insurance activity. For lack of evidence-based confidence in a possibility of a serious injury and (or) irreparable injury the principle of precaution has to induce not to abstemiousness, but to vigorous activity of the subjects burdened with the corresponding duties and to lead to acceptance of the effective and adequate measures designed to prevent deterioration in the environment and an adverse effect on health of the person by them. It is emphasized that despite the fact that a circumstance that the Basic law about environment protection assigns the demand about necessary and sufficient precaution only to "the public authorities", it isn't excluded also expansion with court of this principle on the attitude and towards those subjects who make the decision in a private order and are capable to calculate risks and to take necessary precautionary measures.

Key words: principle of precaution; preventive measures; responsibility; administration; administrative law; state bodies; environmental protection; health care; risks; security measures.

Свобода совести, цензура: прошлое и настоящее

Статья посвящена сравнительному исследованию дореволюционных (до 1917 г.) цензурных правил и запретительной практики, с одной стороны, и существующей в настоящее время процедуры признания информационных материалов экстремистскими и соответствующим правоприменением – с другой. Показана порочность существующей практики квалификации религиозной литературы как экстремистской.

Ключевые слова: цензура; экстремизм; свобода совести; свобода мнений; ограничение свобод.

В этом-то и ошибка, что мы привыкли думать, что прокуратура, судейские вообще – это какие-то новые либеральные люди. Они и были когда-то такими, но теперь это совершенно другое. Это чиновники, озабоченные только двадцатым числом. Он получает жалование, ему нужно побольше, и этим и ограничиваются все его принципы. Он кого хотите будет обвинять, судить, приговаривать. – сослать человека за то, что он вместе с другими читает Евангелие? – Не только сослать в места не столь отдаленные, но в каторгу, если только будет доказано, что, читая Евангелие, они позволили себе толковать его другим не так, как велено, и потому осуждали церковное толкование.

Л. Н. Толстой. Воскресение

К сожалению, эти слова, написанные в XIX веке, не устарели и сегодня. Как ни удивительно, проблема преследования за религиозные убеждения остроактуальна для России, что вынуждает вновь вернуться к ранее начатому исследованию [51].

Помимо того, что большое количество религиозной литературы различных конфессий попало в федеральный список экстремистских материалов, включая перевод Библии [4], уже имеется не один десяток человек, арестованных [43] и содержащихся под арестом лишь за то, что они исповедовали свою религию и распространяли ее [11]. Быть привлеченным к административной ответственности за «незаконную миссионерскую деятельность» [27] уже гораздо проще, чем даже в царское время.

Безусловно, всё это совершается с благой целью – защитить общество. У инквизиции тоже были благие цели, которые вряд ли были достигнуты.

Мы искренне полагаем, что цель любой религии – это спасение человека. «Чем выше будет понимать человек бога, тем лучше он будет знать его. А чем лучше будет знать он бога, тем больше будет приближаться к нему, подражать его благодати, милосердию и любви к людям. И потому пусть тот, который видит весь свет солнца, наполняющий мир, пусть тот не осуждает и не презирает того суеверного человека, который в своем идоле видит только один луч того же света, пусть не презирает и того неверующего, который ослеп и вовсе не видит света» [53].

* **Айдар Рустэмович Султанов**, начальник юридического управления ОАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (ABLE) (г. Нижнекамск).

Мы позволили себе процитировать произведение Л. Н. Толстого «Суратская кофейная», которое не разрешали публиковать из цензурных¹ соображений. Удивительной силы короткое произведение, имеющее направленность на веротерпимость и повышение уважения к другим людям, исповедующим другие религии, было долгое время запрещено.

Безусловно, современный читатель, прочитав «Суратскую кофейную», будет в большом затруднении относительно причин такого запрета, поскольку в данной статье нет никаких призывов к насильственным действиям и нет оскорблений ничьих религиозных убеждений и верований. Не будем Вас томить – Петербургский цензурный комитет рекомендовал не разрешать его к печати, так как *«основная мысль рассказа, что все веры – и магометанская, и еврейская, и христианская – одинаково угодны богу, а наилучший храм – это вселенная. Дурно понятое и истолкованное, это произведение может служить орудием для успешного пропагандирования среди простолюдинов различных рационалистических учений, что, конечно, крайне нежелательно»* [23].

Итак, причиной для цензуры явилось не само произведение, а страх, что оно будет дурно понято и истолковано. Если быть более точным, это страх цензора, основанный на предположении, что есть люди, которые в отличие от него недостаточно разумны, чтобы понять замысел автора, и которые могут понять произведение дурно и неверно его истолковать.

Однако, на самом деле, это страх цензора дурно и неверно истолковал произведение, направленное на любовь и уважение, как опасное.

Цензура всегда была инструментом против инакомыслия, карающей за образ мыслей. Причем, как отмечал Бернард Шоу, «убийство – крайняя степень цензуры».

Сократ, Иисус Христос, Ян Гус и многие другие были убиты именно из цензурных соображений².

А. Н. Радищев в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» посвятил целую главу истории цензуры, убедительно показав несостоятельность ее предназначения. В частности, он писал: «Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенный на возрасте будет калека» [37].

Книга «не понравилась» императрице, и судьба Радищева была заранее решена: он был признан виновным в самом указе о предании его суду... Автору книги «Путешествие из Петербурга в Москву» грозила смертная казнь, к которой он был приговорен в 1790 году. Он был признан виновным в преступлении присяги и должности подданного, изданием книги, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование

¹ Цензура (лат. *censura*, от *censeo* – оцениваю, высказываю мнение), контроль официальных (светских или духовных) властей за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, содержанием (исполнением, показом) пьес и др. сценических произведений, кинофотопроизведений, произведений изобразительного искусства, радио- и телевизионных передач, а иногда и частной переписки, с тем чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными. По способам осуществления цензура делится на предварительную и последующую (карательную). Предварительная цензура предполагает необходимость получить разрешение на выпуск в свет книг, постановку пьес и т. д., последующая – заключается в оценке уже опубликованных, выпущенных изданий, поставленных пьес и т. д. и в принятии ограничительных или запретительных мер в отношении тех, которые нарушают требования цензуры.

² Подробнее см.: [46].

против начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями против сана и власти царской». Через месяц и 11 дней после вынесения приговора смертная казнь была заменена на 10-летнюю ссылку. А. Н. Радищев был освобожден в 1796-м и амнистирован в 1801 году.

Однако амнистирование Радищева не означало согласия власти с его идеями об отсутствии необходимости цензуры. Цензура спустя три года после его амнистирования получила подробное правовое регламентирование – 9 июля 1804 г. был принят Устав о Цензуре. Согласно данному Уставу цензура имеет обязанностью рассматривать всякого рода книги и сочинения, назначаемые к общественному употреблению. Главный предмет сего рассматривания есть доставить обществу книги и сочинения, способствующие к истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению.

Надо отметить, что данный цензурный Устав считается специалистами по российской цензуре самым либеральным. Так, если «если Цензор в доставленной ему рукописи найдет некоторые места, противные означенному в предыдущем 15 пункте предписанию, то не делает сам собой никаких в оных поправок; но означив таковые места, отсылает рукопись к издателю, дабы он сам переменял или исключил оные. По возвращении же исправленной таким образом рукописи, Цензор одобряет ее к напечатанию» (п. 16 Устава) [55; 19]³.

Не менее значимым был п. 21 Устава, в котором Цензор был связан необходимостью исходить из добросовестности автора при наличии различных толкований цензурируемого текста: «...цензура, в запрещении печатания, или пропуска книг и сочинений, руководствуется благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом⁴, нежели его преследовать»⁵.

Однако в последующем были приняты и второй (1826), и третий (1828) цензурные уставы, которые всё ужесточали и ужесточали цензуру, и практика последующих лет осталась в истории как практика эпохи цензурного террора [24].

При Александре II произошли некоторые улучшения в положении печати, в результате цензурных реформ [25; 58]. 6 апреля 1865 года был издан указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» [54]. Некоторые издания были освобождены от предварительной цензуры, но была введена, вместе с ответственностью по суду, и система административных взысканий: министру внутренних дел предоставлялось право делать газетам и журналам, освобожденным от цензуры, в случае замеченного в них вредного направления, предостережения, причем третье предостережение влекло за собой приостановку издания. Эта система, сравнительно с судебной ответственностью, на практике получила преобладающее значение [14]. Ответственность эта, по правилам 1865 г., согласна с общими началами карательной цензуры, т. е. за конфискацией книги, в случае усмотренного в ней злоупотребления, виновное лицо предается суду по правилам, выраженным в уставе о печати [2].

Реформа 1865 года не вводила послаблений для литературы духовного содержания. Литература духовного содержания по-прежнему подлежала рассмотрению комитетами внутренней духовной цензуры на основании особых и притом более

³ Устав о Цензуре 1804 года можно найти в книге [19].

⁴ На наш взгляд, такое толкование всё же больше является провозглашением и реализацией принципа добросовестности, нежели принципом толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого (который мы знаем в современном уголовном, административном и налоговом праве РФ).

⁵ Надо отметить, что данное положение было сохранено также и в третьем цензурном Уставе 1828 года.

строгих правил, чем постановления о светской цензуре: «Запрещению ее подлежат не только сочинения, прямо противные началам христианства, догматам его, основаниям государственного устройства и т. д., но она не одобряет к напечатанию “сочинения большие или малые, с большими недостатками в основательности мыслей, чистоте христианских чувств, доброте слога, ясности и правильности изложения”».

Рассмотрению духовной цензуры⁶ подлежали книги собственно духовного содержания и сочинения, относящиеся к нравственности, но заключающие в себе места совершенно духовного содержания [10]. Претензии духовной цензуры на осуществление цензуры даже не религиозного содержания были значительны – широко известен факт, как митрополит Филарет пожаловался Бенкендорфу на «оскорбляющие святыню» слова из «Евгения Онегина»: «...и стаи галок на крестах». Цензор, которого призвали по этому поводу к ответу, сказал, что галки, как ему известно, действительно садятся на кресты московских церквей и что, по его мнению, виноват здесь больше всего московский полицеймейстер, допускающий это, а не поэт и цензор.

Неудивительно, что духовной цензурой запрещались произведения Л. Н. Толстого, содержащие в себе критику православной церкви⁷. Возможность «дурного» толкования стала основанием для цензуры благодаря непубличным циркулярам цензурного ведомства. Конфиденциальные и неконфиденциальные циркулярные распоряжения оказывали большое влияние на цензурную практику [12].

Реформа 1865 года была непоследовательна и вскоре сведена на нет различными поправками [42]. В частности, введением административной практики, обходящей судебное разбирательство. В 1868 г. министр внутренних дел граф П. А. Валуев обосновывал введение административной практики тем, что «*круг действий судебной власти, при всем ее значении, ограничен или предопределен предметами ее ведомства. Круг действий прессы всеобъемлющ. Нет такого вопроса, которого она не могла бы коснуться юридически безнаказанно, при соблюдении известных форм, при помощи известных оговорок или недоговорок и при некотором доверии к догадливости читателей... Суд не имеет права догадываться*» [15]. Административная цензурная практика могла «догадываться» и, более того, обязана была догадываться о возможных толкованиях и пониманиях произведений.

Барон М. Н. Корф писал: «Как в крепостном праве по вековой к нему привычке, многие видели основание стойкости нашего государственного организма, и мысль об упразднении его вызывала безотчетно чувство страха, так и цензура глубоко вросла в наши обычаи, и немало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядок. <...> Административные взыскания – это новая язва, заключающая в себе такую массу вреда, произвола и несправедливости, что против них протестовали и протестуют самые благомыслящие люди. Система административных взысканий еще более заражена произволом и несправедливостью, нежели предупредительная цензура, ибо наказывает за вину, не предвиденную никаким положительным законом» (цит. по: [62]).

Большое количество книг о цензуре было написано, и эти книги доступны в настоящее время, в том числе посвященные цензуре, практиковавшейся в советское время [3; 44; 38; 32; 5; 6; 7; 28; 30; 1; 9 и мн. др.].

Причины обращений авторов к теме цензуры различны. Так, например, исследования в области цензуры Н. М. Лемке были порождены тем, что он сам был подвергнут цензурному преследованию⁸. В обращении от автора в книге «Духов-

⁶ См. подробнее о духовной цензуре более раннего периода уникальное исследование А. Н. Ковича «Духовная цензура в России (1799–1855)» [21; 20].

⁷ Подробнее см.: [16; 17].

⁸ Помимо уже процитированных (см.: [26]).

ная цензура в России (1799–1855)» Алексей Никанорович Котович писал «...посвящая эту книгу – книгу взвешенных воплей и обсужденных страданий – как первый дар любви заживо похороненным и их разбитым думам, **мы начинаем творить для них и их могильщиков суд беспристрастной истории**» [21, с. III].

Те уроки, которые нам дает история, должны быть поняты и осознаны, дабы не повторять ныне снова и снова тех ошибок, которые уже были осуждены судом истории.

О цензуре в царской России имеется богатая литература, выходившая как до, так и после 1917 года, публикаций же о советской цензуре в советское время практически не было – она строжайшим образом засекречивалась. Поколения советских людей (тех из них, кто по своей работе не сталкивались с данными секретными явлениями) были в полном неведении о существовании в СССР цензуры и разветвленного всесильного цензурного аппарата. Впервые установленная Лениным как временная мера, цензура просуществовала практически почти до распада СССР. Признание факта литературной цензуры находим впервые лишь в 1991 году [56].

Взыскательный читатель спросит: к чему всё это? Ведь цензура в России запрещена Конституцией РФ в 1993 году!

Недопустимость цензуры установлена даже еще раньше, в ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», в которой установлено, что «цензура массовой информации, т. е. требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, – не допускается».

К чему поминать давно пройденное?

Как писал Л. Н. Толстой в «Николае Палкине», «...мы не поминаем только оттого, что мы знаем, что мы больны все так же, и нам хочется обмануть себя» [52].

Действительно, цензура запрещена в России Конституцией, но она фактически введена Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»⁹. Данный закон позволяет под видом признания «информационных материалов» экстремистскими производить цензуру. Существует целый цензурный список, так называемый федеральный список экстремистских материалов, куда попадает всё, что признано экстремистским материалом, начиная с листовок и журналов и заканчивая религиозной литературой.

Как отмечали в 2011 году депутаты Государственной Думы РФ, «вся девятилетняя практика применения Федерального закона говорит о том, что исполнители силовых органов, применяющих этот закон, превратно понимая вопросы обеспечения безопасности Российской Федерации, нередко нарушают права и свободы человека и гражданина, запретили более 800 печатных изданий, признав их вредными, что нарушает права и свободы граждан, установленные Конституцией Российской Федерации. Подобной цензуры не было ни в царское время, ни в годы советской власти» [35].

Современная процедура цензуры значительно отличается от той, что проводилась ранее, и прежде всего тем, что практикуется при отрицании того, что проводится цензура. Годы советской власти, когда цензура подавалась как борьба с антисоветской пропагандой, а собственно наличие цензуры отрицалось, дают о себе знать.

⁹ В данной статье мы не касаемся цензуры, предусмотренной Федеральными конституционными законами от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

Сейчас она проводится под видом рассмотрения судом дела о признании материалов экстремистскими, где суду подвергается текст [48].

Для того чтобы цензурный процесс был возбужден, нужно лишь желание прокурора. Конечно, цензурный процесс ускоряется, если прокурор освобождает суд от необходимости самому читать цензурируемый текст, представив заключение экспертов о том, что текст является экстремистским. Суд, получивший от прокурора такое заключение, чувствует себя комфортно, понимая, что если решение будет обосновано экспертизой, то шансов на его отмену будет мало, поскольку и вышестоящий суд не захочет изучать данный текст.

Однако это означает, что суд, который должен быть справедливым, на самом деле лишь инструмент для прокурора, который при помощи заключения эксперта достигает цензурной цели.

Так, сегодня мы наблюдаем преследование Свидетелей Иеговы за религиозную деятельность, за распространение религиозной литературы. Их литература, как, впрочем, и литература других религиозных конфессий, признавалась экстремистской целыми списками при отсутствии насильственных действий или призывов к ним, лишь на основе «мнения» «экспертов», которому суд доверялся лишь потому, что на заключении было упомянуто о предупреждении «экспертов» об уголовной ответственности. Так, в известном судебном решении Ленинского районного суда г. Оренбурга от 21 марта 2012 года о запрещении 65 мусульманских книг [41], в качестве основания для того, чтобы не изучать самому оспариваемую литературу, вновь была использована уже ставшая шаблонной фраза «У суда не имеется оснований не доверять заключениям специалистов, предупрежденных об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ». Прикрывшись данной фразой, суд закончил цензурный процесс о запрете 65 книг за 20 минут.

Надо отметить, что 65 книг признать экстремистскими в одном судебном решении – это далеко не рекорд. В Казахстане еще 3 июля 2009 года суд Астаны признал экстремистскими аж 207 книг, брошюр, аудиозаписей [64]. В этом «знаменитом» решении суд также сам не исследовал материалов, признанных экстремистскими, и в результате признал экстремистскими даже суры Корана... В дальнейшем был распространен пресс-релиз о том, что «при размещении на сайте Министерства юстиции Перечня информационных материалов, признанных судом экстремистскими, была допущена техническая ошибка. На самом деле, решением суда Астаны от 3 июля этого года в числе других печатных и аудио-материалов были признаны экстремистскими с запретом к ввозу и распространению на территории республики аудиозаписи комментариев неизвестных лиц на озвученные шейхами Мишари Рашидом и Фарисом Уббадом суры Корана “Ахкаф” (Пески), “Мухаммад”, “Фатх” (Победа), “Хужрат” (Комнаты), “Каф”, “Табарак” (Власть), “Калам” (Письменная трость), “Хакка” (Неизбежное), “Маараж” (Ступени), “Нух” (Ной), “Джинны”, “Музаммил” (Завернувшийся), “Муддасир” (Закутавшийся), “Кияма” (Воскресенье), “Инсан” (Человек), “Мурсалат” (Посылаемые), “Аль-Бакара” (Корова), “Аль-Аъраф” (Преграды). Таким образом, суд признал экстремистскими и запретил аудиозаписи комментариев к сурам, а не сами суры Корана» [31].

По всей видимости, это не было технической ошибкой, поскольку в конце 2009 года был распространен уже новый пресс-релиз, о том, что по инициативе Генеральной прокуратуры Казахстана решением суда Астаны исключен из списка экстремистских материалов ряд произведений. «По результатам нового рассмотрения дела судом 2 декабря этого года вынесено новое решение, согласно которому из ранее признанных экстремистскими исключены 53 материала, в том числе аудиозаписи комментариев неизвестных лиц к сурам Корана. Запрет на распро-

странение указанных аудиозаписей был введен в Казахстане по решению столичного суда в конце сентября этого года по инициативе Генпрокуратуры. Речь идет о следующих аудиозаписях сур: “Пески”, “Мухаммад”, “Победа”, “Комнаты”, “Каф”, “Власть”, “Письменная трость”, “Неизбежное”, “Ступени”, “Нух”, “Джинны”, “Закутавшийся”, “Завернувшийся”, “Воскресение”, “Человек”, “Посылаемые”, “Корова”, “Преграды”» [63].

Современная карательная (последующая) цензура весьма сурова, и ее цензоры не отягощены бременем изучения цензурируемого материала.

В XIX веке в среде цензоров имел хождение сленговый термин «черная икра», который означал вымаранные из цензурных соображений черными чернилами слова и предложения. Современные цензоры не утруждают себя поисками «неудобных» слов и предложений, а цензурят списками.

Полагаем уместным сделать известным прием, используемый цензорами для того, чтобы, не утруждая себя, распространить свое субъективное мнение на целый список литературы. В нескольких заключениях «эксперты» проявили этот прием, заключающийся в ответе на вопрос, «могут ли предоставленные материалы использоваться в качестве единого комплекса средств пропагандистского воздействия». Таким нехитрым и абсолютно неправовым способом можно признать экстремистскими не только десятки книг одним списком, а целые библиотеки. Надо сказать, просто повезло, что в «библиотеке», представленной прокурором для признания экстремистскими книг в Ленинский районный суд г. Оренбурга, не оказалось Корана, – суд легко признал экстремистскими сборники хадисов (высказываний) Пророка Мухаммада, по всей видимости не подозревая, что хадисы – это составная часть Сунны, второго священного источника Откровения Аллаха в исламской религии после Корана. По всей видимости, суд, скорее всего, и не видел никакой библиотеки, а лишь видел список, представленный прокурором.

Современная цензура не озабочена установлением прямого смысла и необходимостью принципа добросовестности, наоборот, она занимается толкованием и поиском скрытых смыслов, находя даже то, чего не имели в виду авторы¹⁰.

В начале статьи мы приводили положение цензурного Устава, в котором было закреплено, что «когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать». Ныне получается наоборот: по крайней мере, преподаватель Московской Православной Духовной Академии, член Научно-консультативного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма Ю. В. Максимов обосновывает необходимость своей экспертизы следующим образом: «В соответствии с «Методическими рекомендациями “Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды”, утвержденными заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым 29.06.99 года (№ 27-19-99), **если идеи автора выражены прямо, а не завуалированно**, содержательный анализ текстов может быть проведен без специальных познаний (методов)» [18]. То есть там, где возможны различные толкования, нужен эксперт – при всей внешней разумности такого подхода, положения царского цензурного Устава были более справедливы и честны; современный подход предполагает пристрастное исследование.

Ознакомление с целым рядом «экспертных заключений» оставляет весьма тягостное впечатление ввиду их непрофессионализма и тенденциозности. Порой кажется, что для экспертов это был лишь заработок, основанный на воплощении

¹⁰ Как тут не вспомнить А. С. Пушкина и его «Послание к цензору» – «Подозревая все, во всем ты видишь яд» [36].

слов Ришелье: «Дайте мне всего шесть строк, написанных рукой самого честного человека, и я найду, за что его можно повесить».

Ради этого заработка «эксперты» легко выходят за пределы своей компетенции и с легкостью предрешают дело, отвечая на правовые вопросы. Пленум Верховного Суда РФ неоднократно запрещал ставить перед экспертами правовые вопросы¹¹, однако почему-то заключения, содержащие в себе ответы на правовые вопросы, принимаются судами. Порой встречаются даже случаи, когда «эксперты», по всей видимости с целью побольше заработать, единолично проводят комплексные экспертизы, которые должны, в соответствии с законом, проводиться несколькими экспертами (ч. 2 ст. 82 ГПК РФ). Нам даже известен случай, когда вместо проведения двумя специалистами – психологом и лингвистом – комплексной психолого-лингвистической экспертизы, заключение было «изготовлено» неким «психолингвистом»¹².

Даже в XIX веке цензорами не назначали психологов, поскольку компетенция психологов сводится к анализу проявлений психики человека. В ходе судебных процессов психологи привлекаются, когда необходимо установление индивидуально-психологических особенностей участников процесса, их способности правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства, наличие или отсутствие физиологического аффекта. При этом объектом исследования является сам человек.

Привлечение психологов в качестве экспертов по делам о признании информационных материалов экстремистскими возможно лишь для определения результатов воздействия анализируемых информационных материалов на аудиторию (читателей, зрителей, слушателей), определения реальной или потенциальной реакции аудитории на обнаруженные материалы.

Однако соответствующие результаты должны быть получены экспериментальным путем, а не являться субъективными выводами конкретного эксперта относительно прочитанного текста. Поэтому оценка потенциального (гипотетического) воздействия информационного материала, сделанная лишь посредством изучения его содержания, может рассматриваться как сугубо частное мнение специалиста, но не как результат экспертного исследования. При этом оценка потенциала воздействия текста на аудиторию не может быть категорической и безусловной, поскольку особенности осмысления и восприятия информации человеком зависят от большого числа факторов.

Министерство юстиции РФ в «Перечне родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ» [34] отнесло к компетенции психологической экспертизы исследование психологии и психофизиологии человека, а к компетенции лингвистической – исследование продуктов речевой деятельности.

Если психологи привлекаются для установления смыслового содержания информационных материалов, то очевидно, что исследование, проведенное ими, окажется за пределами их компетенции и будет несостоятельным с точки зрения доказательной базы. Тем не менее суды без колебаний принимают заключения психологов, в которых те охотно выступают в качестве экспертов, вынося суждения об экстремистском характере религиозной литературы, по всей видимости испытывая трудности с фактором проецирования (в психологии под фактором

¹¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».

¹² Решение Щелковского городского суда Московской области от 30.06.2011 г.

проецирования понимается ситуация, когда познающий может приписывать другому человеку собственные черты характера, мысли, настроения, чувства, которые у оцениваемой личности могут отсутствовать, что приводит к предубеждению, ошибочному пониманию людей, их намерений и поведения).

Психофизиологическое и психологическое обоснования фактора проекции даны в учении А. А. Ухтомского о доминанте: «...человек, предубежденный... что его окружают обжоры, эгоисты и подлецы, успешно найдет подтверждение этому своему убеждению и тогда, когда ему повстречается сам Сократ или Спиноза. Обманщик подозревает во всем обман, и вор везде усматривает воровство... Когда люди осуждают других, то тем только обнаруживают своего же, таящегося в себе Двойника: грязному в мыслях все кажется заранее грязным; завистнику и тайному стяжателю чудятся и в других стяжатели; эгоист, именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами. Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника, и осуждение есть вместе с тем и тайное, очень тонкое, тем более ядовитое самооправдание, – т. е. успокоение на себе и на своих точках зрения (доминанта на Двойника) застилает глаза на реальность, и тогда наступает трагедия: люди не узнают Сократа, объявляют его вредным чудачком, заставляют его поскорей умереть!» [57, с. 358–359].

Впрочем, данное «психологическое объяснение» есть лишь переложение евангельской мудрости: «Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы» (Евангелие от Иоанна, гл. 3, 19–20).

Быть может, поэтому одни и те же фамилии экспертов часто мелькают в делах о признании информационных материалов экстремистскими.

Если уж речь зашла об экспертах, то, на наш взгляд, даже компетентные и беспристрастные эксперты все же не могут быть цензорами и давать цензурное заключение. То или иное толкование религиозных текстов не может быть основанием для ограничения свободы мысли, совести и убеждений. На наш взгляд, только действия могут быть наказуемы, а не мысли и идеи. Не книги, а люди, которые совершили преступления насильственного характера либо призывали к насилью.

В Постановлении по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» (Жалоба № 302/02) от 10 июня 2010 года ЕСПЧ специально напомнил о своей уже сформировавшейся судебной практике о том, что в соответствии со ст. 9 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» по смыслу Европейской конвенции. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. На нем основывается плюрализм, неотделимый от демократического общества и завоеванный дорогой ценой на протяжении веков (см. п. 114 Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Церковь Бессарабской Митрополии и другие против Молдовы» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others vs. Moldova) по жалобе № 45701/99, ECHR 2001-XII). Религиозная свобода, будучи прежде всего делом совести каждого отдельного человека, предусматривает, *inter alia*, свободу «исповедовать [свою] религию» индивидуально, частным порядком или сообща с другими, публичным порядком или в кругу совершающих. Поскольку религиозные общины традиционно существуют в виде организованных структур, необходимо толковать ст. 9 Европейской конвенции в свете ст. 11 Европейской конвенции, которая предусматривает гарантии против необоснованного вмеша-

тельства государства в деятельность объединений. С учетом этого право верующих на свободу религии, включающее в себя право исповедовать свою религию сообща с другими, дает основания ожидать, что верующим будет разрешено свободно вступать в объединения без произвольного вмешательства государства. Действительно, независимое существование религиозных сообществ – неотъемлемое условие плюрализма в демократическом обществе и, соответственно, ключевой объект защиты, гарантированной ст. 9 Европейской конвенции. **В соответствии с судебной практикой Европейского суда, обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности несовместима с любыми из его полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений** (см. пп. 118 и 123 вышеуказанного Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии [и другие против Молдовы]» (Metropolitan Church of Bessarabia [and Others v. Moldova]); и п. 62 Постановления Большой палаты Европейского суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria [GC]) по жалобе № 30985/96, ECHR 2000-XI).

С момента данного напоминания ЕСПЧ прошло восемь лет и... уроков никаких не было извлечено. Скорее наоборот, изменение правоприменительной практики осуществлялось в сторону еще большей произвольности, примером чему может быть дело о признании перевода Библии экстремистским [4; 61].

Уже первые жалобы по «экстремистским» обвинениям рассмотрены Европейским судом по правам человека. ЕСПЧ в деле «Дмитриевский против России» (Dmitriyevskiy v. Russia, Постановление от 03 октября 2017 г.) практически «воспроизвел» наши замечания [50] к практике применения закона об экстремизме.

ЕСПЧ в данном деле, в отличие от российских судов, сам изучил статьи, за публикацию которых привлекли к ответственности, и обнаружил, что в них нет призыва к насилию и они не подстрекают к ненависти или нетерпимости. Учитывая обстоятельства дела, в том числе малый тираж газеты, суд решил, что публикация этих статей не могла нанести вреда интересам общества.

ЕСПЧ также счел необходимым проанализировать ошибки российских судов, приведшие к нарушению прав и свобод человека, и указать на них, с тем чтобы они более не повторялись.

Во-первых, кладя в основу обвинительного приговора заключения экспертов, российский суд не дал им надлежащей оценки и лишь воспроизвел выводы эксперта-лингвиста, которые, по мнению судьи, заслуживали доверия ввиду компетентности, профессиональных навыков и опыта данного эксперта. Решающий правовой вывод о наличии в спорных высказываниях элементов ненависти и вражды был фактически сделан экспертом-лингвистом, составившим указанные заключения. По мнению ЕСПЧ, совершенно очевидно, что эти экспертные исследования вышли далеко за рамки лингвистики (т. е. установления смысла слов и выражений) и содержали, по сути, правовую квалификацию действий заявителя. Суд нашел такую ситуацию недопустимой и подчеркнул, что все правовые вопросы должны решаться только судом.

Во-вторых, суды не проанализировали статей, о которых шла речь. Как видно из решений, суды ограничились воспроизведением выводов из экспертных заключений. Они не указали, какие выражения и в каком отношении имели негативную коннотацию.

ЕСПЧ заключил, что такой подход к рассмотрению уголовного дела противоречит Конвенции, а обвинительный приговор не может считаться основанным на относимых и достаточных доказательствах, и установил нарушение ст. 10 Конвенции.

В настоящее время уже более двух десятков жалоб, связанных с применением закона об экстремизме, направлены Европейским судом для дачи российскими властями объяснений. По всей видимости, нас ожидают еще новые дела в ЕСПЧ.

Тем более что существующая судебная практика дает для этого много оснований. Наиболее распространенным нарушением является рассмотрение дела в особом производстве – процедуре, созданной для рассмотрения бесспорных дел [47].

Другим распространенным нарушением является рассмотрение дел о признании религиозных книг экстремистскими без привлечения всех заинтересованных лиц, без привлечения религиозных объединений, без привлечения издателей, авторов и владельцев авторских прав [49].

Хотя, конечно же, самым большим нарушением является само рассмотрение дел о признании религиозных книг экстремистскими – цензура религий недопустима [45], наказуемы лишь преступные деяния [22]. В настоящее время мы наблюдаем, что правонарушения рождаются в результате деятельности правоохранительных органов: вначале признается экстремистской религиозная литература, а затем уже распространение религиозной литературы становится правонарушением... Но искусственная криминализация вероисповеданий не улучшает ситуации, а, скорее, мешает противодействию реальным насильственным экстремистским преступлениям.

К сожалению, несовершенство закона позволяет широко толковать понятие «экстремизм», что допускает узаконенную цензуру и борьбу с инакомыслием в нашей стране [13]. Даже сторонники цензуры указывают, что законодательное определение экстремистских материалов, зафиксированное в ст. 1. Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», «не дает полной ясности при их выявлении, поэтому такая формулировка может рассматриваться только как рамочная, нуждающаяся в уточнениях и комментариях» [29, с. 22].

Существующая судебная практика подтверждает несовершенство закона, в результате которого одни и те же книги, брошюры, лозунги в одних судах не признаются экстремистскими, а в других судах таковыми признаются.

6 апреля 2005 года Кировский районный суд г. Омска оправдал Д. Исабаева, более того, судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда вынесла не только оправдательный приговор, но и частное определение по делу Исабаева, в котором по поводу действий правоохранительных органов говорится следующее: «Вся обвинительная деятельность по очевидно надуманным обвинениям вызвала возмущение значительной части мусульманского населения, исповедующего ислам, и позволила наиболее радикальным ее лидерам утверждать, что мусульман преследуют исключительно за религиозные убеждения. И у них для этого, судя по итогам судебного разбирательства, были веские аргументы» [40, с. 896–897]. Однако в дальнейшем те же книги, изданные Исабаевым, всё же были признаны экстремистскими, что явилось причиной очередного обращения в ЕСПЧ¹³. Причем в отличие от суда, признавшего книги экстремистскими лишь на основании экспертиз, ЕСПЧ, коммуницируя жалобу, истребовал для ознакомления сами книги.

ЕСПЧ в Постановлении отметил, что *«суд лишь принял выводы экспертов, не дав им какой-либо содержательной оценки, просто заявив, что у него нет оснований сомневаться в них. Суд процитировал не столько соответствующие части экспертных заключений, сколько их общие выводы. Кроме того, соответствующие экспертизы выходят далеко за рамки решения только языковых или психологических вопросов. Вместо того чтобы ограничиваться определением значения*

¹³ Жалоба по делу «Ибрагимов и культурно-образовательный фонд “Нуру Бади” против России» (Ibragimov and Cultural Educational Fund “Nuru Badi” v. Russia) № 1413/08, данная жалоба была объединена с жалобой 28621/11 и по объединенному делу было вынесено Постановление ЕСПЧ от 28.08.2018 г., которым было установлено нарушение ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

конкретных слов и выражений или объяснением их потенциального психологического воздействия, они по существу обеспечивают правовую квалификацию текстов. Действительно, из решения суда видно, что важнейшие юридические выводы относительно экстремистского характера книг были сделаны не судом, а экспертами в области лингвистики и психологии».

ЕСПЧ подчеркнул, что все правовые вопросы должны решаться исключительно судами, отметив, что Коптевский районный суд не предпринимал попыток провести собственный правовой анализ рассматриваемых текстов, при необходимости, с привлечением экспертных технических знаний. В частности, в нем не уточнялось, какие отрывки книг он считает проблематичными и каким образом они разжигают религиозную рознь или провозглашают превосходство на основании его отношения к религии.

ЕСПЧ специально отметил, что суд, признавая книги экстремистскими, даже не упомянул, не говоря уже о том, чтобы подробно обсуждать, влияние запрета на права заявителей в соответствии со ст. 9 и 10 Конвенции или его эквивалента во внутреннем праве.

ЕСПЧ обратил внимание на замечание апелляционного суда о том, что запрет касался конкретных изданий сборника Рисале-и Нур, а не учений Нурси как таковых, однако тот факт, что национальные суды не указали, какие отрывки они считают «экстремистскими», делает невозможным для заявителей переиздание книг после редактирования проблемных отрывков.

С учетом вышеизложенных соображений ЕСПЧ счел, что национальные суды не применяли стандартов, которые соответствовали бы принципам, закрепленным в ст. 10, и поэтому не приводили «соответствующих и достаточных» оснований для такого вмешательства.

Искусственная криминализация религиозных меньшинств не улучшает общество, а лишь отвлекает ресурсы для решения его актуальных проблем: «Общество получает то, к чему приковано его внимание. Если внимание общества будет приковано к духовным ценностям, а не к преступности, то для человечества еще наступит новый день» [59].

Мне запомнились слова Президента России В. В. Путина, сказанные в 2002 г. в Казани на III Всемирном конгрессе татар: *«Есть один момент, который является чрезвычайно важным, – это взаимодействие между государством и конфессиями. Об отношении государства к церквям, вообще к религии. У нас сейчас нет ничего другого, кроме религии, что может до каждого из нас донести общие человеческие ценности. Ничего другого нет. Поэтому если кто-то людей отталкивает от церквей, от мечетей, от синагог, я думаю, что это ошибка. Это мое частное мнение, а государство и я, как глава государства, не можем вмешиваться в деятельность конфессий».*

К сожалению, эти замечательные слова были забыты, и ситуация с необоснованным ограничением свободы совести и вероисповедания под видом борьбы с экстремизмом продолжает быть горячей. В Общественной палате РФ 13 июня 2012 года провели слушания на тему «Об особенностях применения антиэкстремистского законодательства к священным писаниям религиозных организаций». На данном слушании было единодушно высказано мнение, что Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» не должен распространяться на вероучительные тексты религиозных организаций, официально зарегистрированных в России. «Религиозным организациям, в отношении которых вынесены подобные решения, необходимо будет обратиться в Конституционный Суд», – считает директор Института мониторинга эффективности правоприменения Общественной палаты и член Общественной палаты Елена Лукьянова [60].

В Заключении о Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», принятом Венецианской комиссией на своем 91-м Пленарном Заседании (Венеция, 15–16 июня 2012 г.), было указано, что произвольное применение закона о противодействии экстремизму открывает возможность для введения жестких ограничений фундаментальных прав и свобод, закрепленных в Европейской конвенции по правам человека (в частности, ст. 6, 9–11), и нарушает принципы законности, необходимости и пропорциональности. В связи с этим Комиссия рекомендует законодательства в соответствие с Европейской конвенцией по правам человека и предлагает свои помощь и содействие в этой работе [65; 8].

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 17 октября 2017 года провел специальное заседание на тему «Общественное участие в противодействии экстремизму и терроризму» [33], где среди прочего обсуждалось уточнение терминов «экстремистская деятельность» и «социальная группа», расширенное толкование которых допускает произвольное правоприменение.

Президент Российской Федерации 26 июня 2018 г. дал поручение № Пр-1076 Общероссийскому общественному движению «Народный фронт “За Россию”» совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации в срок до 15 сентября 2018 г. провести анализ использования в правоприменительной практике понятий «экстремистское сообщество» и «преступление экстремистской направленности».

22 августа 2018 Совет при президенте по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) выпустил рекомендации по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения [39].

СПЧ обратил внимание на то, что «признавая реальность современных угроз экстремистского характера, следует отметить, что во многих из указанных уголовных дел имело место избыточно широкое, а иногда и ошибочное толкование норм права. В свою очередь, чем более широкое толкование дается понятию “экстремизм”, тем большее число людей оказывается экстремистами».

СПЧ предлагает сузить в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определение экстремистской деятельности, вернув в качестве обязательного квалифицирующего признака насилие (применение насилия, угроза его применения, призывы к насилию или иная явная поддержка насилия). В таком случае будет исключена возможность уголовного наказания за высказывания, не представляющие реальной угрозы.

Совет полагает целесообразным декриминализировать только неотягощенный состав, предусмотренный ч. 1 ст. 282 УК РФ, дополнив КоАП соответствующим административным правонарушением; декриминализировать ч. 1 ст. 148 УК (публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих); установить срок давности для привлечения к ответственности за публикации в Интернете; изменить экстерриториальный принцип подачи заявлений о запрете материалов, полностью централизовав процесс работы с такими заявлениями в Генеральной прокуратуре; исключить рассмотрение дел без вызова ответчика; упразднить список экстремистских материалов; и др.

СПЧ выразил обеспокоенность практикой повсеместного использования судебных экспертиз гуманитарного характера (лингвистических, психологических, политологических, социологических и т. п.) в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел об экстремистских высказываниях. Нарекания к этой практике многообразны и существенны. Совет полагает неоправданным привлечение профессиональных лингвистов для анализа простейших фраз, поскольку потенциально противоправные высказывания адресованы не специалистам, а широкому кру-

гу лиц, а следовательно, следствие и суд в большинстве случаев не нуждаются в помощи эксперта для уяснения смысла высказывания. По мнению СПЧ, снижение числа необоснованных судебных экспертиз гуманитарного характера, помимо прочего, приведет и к значительной экономии бюджетных расходов.

Полагаем, что инициативы СПЧ в полной мере отвечают европейским правовым стандартам и направлены на защиту прав и свобод граждан, страдающих от перекосов в терминологии и порочной правоприменительной практики.

Как гражданам России, нам бы хотелось, чтобы права и свободы человека в России соблюдались, а не были мечтой идеалистов. Граждане России заслужили уважения их прав и свобод и того, чтобы государство их воспринимало за разумных существ, которые могут сами отделять зерна от плевел и не нуждаются в цензурной опеке, в ее замаскированных под борьбу с экстремизмом проявлениях.

Тоталитаризм всегда начинается с попыток уничтожения права свободно получать и распространять идеи, но, как справедливо заметил Генрих Гейне, – где начинают с уничтожения книг – неизбежно заканчивают убиением людей.

Причем неважно, какими благими намерениями оправдывается уничтожение книг. Инквизиция тоже была основана на благих намерениях, а продолжилась кострами.

«...Но сейчас не об этом.

Я так хочу, чтобы жил

Тот, кто бросит лучик света в этот

Брошенный, брошенный, брошенный Богом мир»¹⁴.

P.S. Уже после того, как статья была практически закончена, было опубликовано Постановление Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г., в котором заложены правовые основы для того, чтобы суды более не подменяли собственную оценку использованием экспертиз: «При оценке заключения эксперта по делам о преступлениях экстремистской направленности судам следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. При этом вопрос о том, являются ли те или иные действия публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, а также возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, относится к компетенции суда».

Так, шаг за шагом, движение к справедливому рассмотрению дел укрепляет правовые стандарты.

Литература

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. – М., 1990. – URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1314780425.pdf> (дата обращения: 20.06.2012).
2. Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). – Киев, 1889 // Справочно-правовая система «Гарант-Максимум».
3. Арсеньев К. К. Законодательство о печати. Великие реформы 60-х годов в их прошлом и настоящем / под ред. И. В. Гессена и А. И. Каминка. – СПб., 1903. – 264 с.
4. Библия в переводе Свидетелей Иеговы признана экстремистской // Сова : информационно-аналитический центр. – 18.08.2017. – URL: <https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2017/08/d37666> (дата обращения: 21.08.2018).
5. Блюм А. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры (1917–1929). – СПб., 1994.

¹⁴ Макаревич А. Брошенный Богом мир.

6. Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора: 1929–1953. – СПб., 2000.
7. Богданов А. П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. – М., 1990.
8. Венецианская комиссия проанализировала ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» РФ // Сова : информационно-аналитический центр. – 2012. – 22 июня. – URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/counteraction/2012/06/d24724/> (дата обращения: 24.06.2011).
9. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. – М., 2009. – URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/062011/23062011-08a.html> (дата обращения: 20.06.2012).
10. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. – Т. I. – СПб., 1875.
11. Дело пятерых. – URL: <http://delo5.ru/#jail> (дата обращения: 21.08.2018).
12. Егоров А. Е. Страницы прожитого // Цензура в России в конце XIX – начале XX века : сб. воспоминаний. – СПб., 2003. – С. 141.
13. Едлин В. А. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Справочно-правовая система «Гарант». – 2010.
14. Елистратов А. И. Административное право. – М., 1911 // Справочно-правовая система «Гарант-Максимум».
15. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. – М., 2001. – URL: http://evartist.narod.ru/text9/37.htm#з_16 (дата обращения: 22.06.2012).
16. Жирков Г. В. Л. Н. Толстой и цензура. – СПб., 2009.
17. Жирков Г. В. Предсмертная цензурная неделя Л. Н. Толстого. Астаповская драма. – СПб., 2011.
18. Заключение православного миссионера Ю. Максимова по исламской литературе // ANSAR : информационно-аналитический канал. – 2012. – 18 июня. – URL: <http://www.ansar.ru/analytics/2012/06/18/31073> (дата обращения: 24.06.2012).
19. Законодательство императора Александра I. 1801–1811 годы / сост. и авт. вступ. ст. В. А. Томсинов. – М., 2011.
20. Кизеветтер А. Духовная цензура в России (Ал. Котович: «Духовная цензура в России 1799–1855 гг.». СПб., 1909). – URL: <http://relig-library.pstu.ru/catalog/706/book-706.pdf> (дата обращения: 22.06.2012).
21. Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855). – СПб., 1909. – URL: <http://nasledie.enip.gas.ru/ras/view/publication/browser.html?clear=true&perspective=popup&id=43107941> (дата обращения: 22.06.2012).
22. Лазарев В. В., Султанов А. Р. Экстремизм (интервью Ю. С. Пилипенко и Я. Розовой – программа «Правовой аспект» радиостанции «Эхо Москвы» 27.09.2013 г.) // Вестник федеральной палаты адвокатов. – 2014. – № 1. – С. 121–131.
23. Лебедев В. К. «Ошибка» цензуры // Русская литература. – 1974. – № 3.
24. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1828–1855 г. – СПб., 1909. – URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/fde/zhandarmy.djvu> (дата обращения: 20.06.2012).
25. Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. 1859–1865. – СПб., 1904. – URL: http://histans.com/LiberUA/Lemke_EpTsenzRef_1904/Lemke_EpTsenzRef_1904.pdf (дата обращения: 20.06.2012).
26. Лемке Н. М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – СПб., 1909. – URL: http://imwerden.de/pdf/lemke_ocherki_po_istorii_cenzury_1904.pdf (дата обращения: 20.06.2012).
27. Лункин Р. Подставные неверующие. Как и чем спровоцировать на проповедь // Религия и право : сетевое издание. – 2017. – 1 июня. – URL: http://www.sclj.ru/analytics/glavred/detail.php?ELEMENT_ID=7607 (дата обращения: 21.08.2018).
28. Макушин Л. М. Цензурный режим и журналистика. От «Чугунного» устава 1826 г. до Закона о печати 1865 г. : в 2 кн. – Екатеринбург, 2009.
29. Марцоха И. Е. Институт цензуры в информационной правовой политике России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2007.
30. Мезьер А. В. Словарь русских цензоров : материалы к библиографии по истории русской цензуры. – М., 2000.
31. Минюст Казахстана назвал запрет Корана «технической ошибкой» // Automan.kz : [сайт]. – 2009. – 3 октября. – URL: <http://www.automan.kz/334899-minjust-kazakhstan-nazval-zapret-korana.html> (дата обращения: 24.06.2012).

32. Никитенко А. В. Записки, дневник : в 3 т. – М., 2005. – 640 с. – (Серия «Биографии и мемуары»). – URL: <http://reformshistory.ru/fajlovjy-arkhiv/viewcategory/125-av-nikitenko> (дата обращения: 20.06.2012).
33. Общественное участие в противодействии экстремизму и терроризму : специальное заседание // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – 2017. – 17 октября. – URL: <http://president-sovet.ru/events/special/read/41> (дата обращения: 23.08.2018).
34. Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ : утвержден Приказом Минюста РФ от 14.05.2003 № 114 (ред. от 12.03.2007) «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2003. – 16 июня (№ 24).
35. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 565952-5 «О признании утратившими силу Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” и отдельных законодательных актов Российской Федерации в области противодействия экстремистской деятельности» // Справочно-правовая система «Гарант-Максимум».
36. Пушкин А. С. Послание цензору // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 1. – URL: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0217_22/1822/0131.htm (дата обращения: 24.06.2012).
37. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Интернет-библиотека Алексея Комарова. – URL: <http://ilibrary.ru/text/1850/p.18/index.html> (дата обращения: 20.06.2012).
38. Рейфман П. С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. – URL: <http://lepo.it.da.ut.ee/~pavel/index1.htm> (дата обращения: 20.06.2012).
39. Рекомендации СПЧ по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – 2018. – 22 августа. – URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/4875/> (дата обращения: 23.08.2018).
40. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза / сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский, С. В. Чугунов. – М. 2009.
41. Решение Ленинского районного суда г. Оренбурга от 21 марта 2012 г. – URL: <http://www.lawfulstate.ru/index.php/zashitaprav/2010-03-28-13-27-47/affected-all-islamicpublishers/the-court-s-decision-to-ban-books.html> (дата обращения: 23.06.2012).
42. Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. – М., 1905.
43. Россия: волна арестов Свидетелей Иеговы // Human Rights Watch. – 2018. – 28 июня. – URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2018/06/28/319735> (дата обращения: 21.08.2018).
44. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. – 1892. – URL: <http://bookfi.org/dl/735886/043672>; <http://gen.lib.rus.ec/get?nametype=orig&md5=F137619F8B0004A8952C5418A416130E> (дата обращения: 20.06.2012).
45. Султанов А. Р. Борьба за свободу мысли, или Что такое европейские правовые стандарты. – М., 2017. – 464 с.
46. Султанов А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. – М., 2012.
47. Султанов А. Р. Защита свободы совести, распространения убеждений через призывы постановлений Европейского Суда по правам человека. – М., 2013. – 544 с.
48. Султанов А. Р. Правовая определенность – часть должной правовой процедуры, или как в закон об экстремизме правовую определенность вводили // Адвокат. – 2015. – № 1. – С. 5–17.
49. Султанов А. Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // Адвокат. – 2013. – № 11. – С. 5–13.
50. Султанов А. Р. Процессы об ограничении свободы выражения мнений и свободы совести, уроки истории и европейские стандарты // Адвокат. – 2010. – № 10. – С. 56–70.

51. Султанов А. Р. Цензурное прошлое и современная карательная цензура религиозных учений // Адвокат. – 2012. – № 7. – С. 58–68.
52. Толстой Л. Н. Николай Палкин // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. – Т. 17. – URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_17_18/vol_17/02edit/0357.htm (дата обращения: 22.08.2018)
53. Толстой Л. Н. Суратская кофейная // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. – Т. 12. – URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_12/01text/0283.htm (дата обращения: 20.06.2012).
54. Указ Александра II от 6 апреля 1865 г. «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати». – URL: <http://site.mediascope.ru/?q=node/64> (дата обращения: 20.06.2012).
55. Устав о Цензуре 1804 г. // Русская журналистика в документах: История надзора / сост. О. Д. Минаева ; под ред. Б. И. Есина и Я. Н. Засурского. – М., 2003. – URL: <http://site.mediascope.ru/?q=node/61> (дата обращения: 20.06.2012).
56. Уткин Б. Т. Библиография и цензура (заметки Челябинского библиографа о делах недавно минувших дней) // Библиограф: личность, мастерство, этика : сборник. – Челябинск, 1995.
57. Ухтомский А. А. Доминанта. – СПб. : Питер, 2002.
58. Фукс В. Я. Записка о цензуре коллежского асессора Фукса. – СПб., 1862.
59. Хаббард Л. Р. Влияние религии в обществе. – URL: <http://www.iasrus.ru/religiya.html> (дата обращения: 16.06.2012).
60. Черных А. Священным книгам готовят амнистию. ОП защитит их от обвинений в экстремизме // Коммерсантъ. – 2012. – 14 июня (№ 106 (4891)). – URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1957952> (дата обращения: 16.06.2012).
61. Чивчалов А. Россия может стать первой страной в мире, запретившей перевод Библии // Эхо Москвы. – 2017. – 28 июля. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/an-torix/2026778-echo/> (дата обращения: 22.08.2018).
62. Энгельгард Н. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). – СПб., 1904. – URL: http://rapidshare.com/files/223140911/Engeljgardt_N_Ocherk_istorii_russkoj_cenzury_1703_1903_1904.pdf (дата обращения: 22.06.2012).
63. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1260867540> (дата обращения: 24.06.2012).
64. URL: http://www.mdvd.kz/index2.php?page=content/rights_extmat.php&lang=ru (дата обращения: 24.06.2012).
65. URL: http://www.venice.coe.int/site/dynamics/N_Opinion_ef.asp?L=E&OID=660 (дата обращения: 24.06.2011)

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Division of Nizhnekamskneftehim OJSC,

member of Association for Better Living and Education (ABLE) (Nizhnekamsk)

Freedom of Conscience, Censorship, their Past and Present

This paper presents a comparative study of the censorship rules and practices along with the current procedure to recognize information materials as extremist ones, and the practice of the law application. This study shows the depravity of the existing practice of recognizing religious literature as extremist one.

Key words: censorship; extremism; freedom of conscience; freedom of opinion; restriction of freedoms.

|| ФИЛОСОФИЯ

МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

*75-летию доктора философских наук, профессора
Даниила Валентиновича Пивоварова
посвящается*

Продолжая уже заявленную ранее рубрику, посвящаем философский раздел очередного выпуска журнала одному из ярчайших представителей уральской философской школы – Даниилу Валентиновичу Пивоварову (1943–2016).

В разделе представлены разные по жанру и объему материалы: как статья самого Д. В. Пивоварова, так и статьи его учеников, в которых отмечается значение творчества Д. В. Пивоварова для становления его последователей, для развития философии религии, а также размышления на темы, близкие профессору Пивоварову.

О Данииле Валентиновиче Пивоварове

Нашему коллеге и товарищу, доктору философских наук, профессору Даниилу Валентиновичу Пивоварову 29 октября исполнилось бы 75 лет. И мы считаем необходимым засвидетельствовать нашу благодарную память и непреходящее уважение к личности и делам Даниила Валентиновича. Не только потому, что он был почетным профессором Гуманитарного университета, учился и работал вместе со многими из нас, был нашим другом и часто единомышленником. Главное для нас – это признание профессора Пивоварова как, несомненно, наиболее талантливого и яркого выпускника философского факультета Уральского госуниверситета, виднейшего уральского философа последних советских и первых постсоветских десятилетий, чьи работы принесли ему заслуженную известность и влияние в российской философии. Я не сомневаюсь, что сочинениям Пивоварова суждена долгая жизнь, что его идейное влияние будет продолжаться.

Даниил Валентинович (мы его дружески называли просто Даном) был ученым не только большого таланта, но и огромной трудоспособности и разносторонних научных интересов (его постоянные интересы на деле выходили за пределы философии, охватывая историю, искусство, политику; он был воистину «уральским умельцем» – мастером художественной работы с деревом и металлом, знатоком живописи и других видов искусства, но здесь нет возможности говорить об этом подробнее). Все это и позволило Пивоварову достичь значительных результатов в самых разных сферах философии: онтологии, теории познания, социальной философии, а позже в философии культуры, религиоведении, эстетике. Важнейшие его научные результаты: разработка современной системы философских категорий, анализ механизмов получения научного знания, создание уникальной теории о самом сложном объекте философии – «идеальном» (так называемая «синтетическая теория идеального») и формулирование глубокой концепции «синтетической парадигмы в философии» (что, кстати, было возможно на основе не только креативных способностей, но и огромной историко- и теоретико-философской, естественно-научной и социогуманитарной эрудиции Пивоварова-мыслителя); он создал системную философскую теорию религии, охватившую все без исключения аспекты этого сложнейшего феномена культуры: онтологию, эпистемологию, аксиологию, морфологию и праксиологию религии, ее отношения с другими духовными и практическими сферами культуры; наконец, Пивоваров создал свою теорию культуры, связав это сложнейшее основополагающее явление социальной жизни людей с идеалами, идеалообразующей стороной человеческой деятельности. Список работ Д. В. огромен. Но он, кроме того, был блестящим лектором, читавшим основные философские курсы, был успешным и авторитетным руководителем кафедры религиоведения, научным руководителем десятков кандидатских и докторских диссертаций по философии. Его ученики и последователи работают во всех крупнейших регионах России.

И, наконец, мы с любовью воздаем должное замечательным качествам Д. В. как ученого и человека (что, увы, ведь далеко не всегда совпадает). Всем, кто работал с профессором Пивоваровым, он был известен как честный и принципиальный человек, хранитель традиций русской интеллигенции, что означает кристальную чистоту помыслов, бескорыстие, нравственную безупречность в профессии и

человеческих отношениях, абсолютную порядочность. Он мог заблуждаться, но находил мужество признавать свои заблуждения. Он был гражданином и патриотом, близко к сердцу принимавшим все, что происходит в стране, нашем регионе и городе, в системе российского образования и родном УрГУ. Он щедро делился с учениками и коллегами своими незаурядными идеями. Был ярким и острым полемистом, мастером философских и социальных дискуссий. Но никогда его несогласие с иными точками зрения не выливалось в создание практических препятствий оппонентам, предвзятое отношение к ним и прочие формы нетолерантности и примитивного самоутверждения. Безвременная кончина Даниила Валентиновича потрясла всех, кто знал его, ценил и любил. Его отсутствие до сих пор негативно сказывается на атмосфере и продуктивности работы философского факультета УрФУ и всего философского сообщества Екатеринбурга и Урала. Но труды нашего коллеги и друга, светлый, благородный образ Даниила Валентиновича Пивоварова продолжают оказывать доброе, одухотворяющее влияние на нашу работу и жизнь. Светлая ему память!

*Ректор Гуманитарного университета
профессор Лев Закс*

Биографическая справка

Даниил Валентинович Пивоваров родился 29 октября 1943 г. в Шанхае (Китай) в семье русских эмигрантов. В 1947 г. с родителями приехал в Россию (Свердловск). Окончил специальную английскую школу № 13 (1961). Отслужил в армии (1962–1965). С отличием окончил философский факультет УрГУ (1970). С 1970 г. преподавал в Уральском государственном университете им. А. М. Горького. Там же досрочно окончил заочную аспирантуру. Тема кандидатской диссертации: «Некоторые аспекты практической проверки истинности научной теории»; канд. филос. наук (1972). Тема докторской диссертации: «Операционный аспект идеального отражения»; д-р филос. наук (1987). Доцент (1978), профессор (1988). Заслуженный деятель науки РФ (1998). Почетный профессор Гуманитарного университета Екатеринбурга (2001). Лауреат премии им. В. Н. Татищева и Г. В. де Геннина (Екатеринбург, 1999), ветеран труда (1999), ветеран УрГУ (2005). Почетный профессор Уральского университета (2004). Стажировался по программе «Британского Совета» (Англия, университет г. Кембриджа, философский факультет, 1977–1978). В 1989 г. в качестве визитинг-профессора читал спецкурс по теории познания в Северо-Западном университете (Чикаго, США).

Работал на кафедре диалектического материализма: ассистент (1970–1975), старший преподаватель (1975–1978), доцент (1978–1986). С 1986 г. заведовал созданной им кафедрой истории и теории научного атеизма (ныне кафедра религиоведения). Руководимая им кафедра выпустила, начиная с 1989 г., серию сборников по философии религии, исследовала тему «Религия в культуре», вела подготовку студентов по специальности «религиоведение»; здесь же были сосредоточены исследования по уральской иконописи, осуществлялась экспертиза икон; кафедра являлась областным центром религиоведческих исследований.

С 1986 г. – член диссертационного совета Д 212.286.02 (философия), а также, с 2003 г., – член совета ДМ 212.286.07 (психология) при УрГУ. В 1990–1993 гг. – член Проблемного совета по философии науки при Ленинградском университете, в 1996–1999 гг. – член экспертно-консультативного совета по вопросам свободы совести и вероисповедований при администрации Губернатора Свердловской области; был членом экспертно-консультативного совета при Екатеринбургской епархии. Член областного Совета по толерантности, председатель экспертного совета по проведению религиозной экспертизы при Главном управлении Минюста РФ по Свердловской области (2009–2016).

Профессор Пивоваров был видным ученым в области онтологии, теории познания, истории и философии религии. На протяжении почти 40 лет его научная деятельность была направлена на решение проблем, относящихся к числу фундаментальных в области философии. Научные труды Пивоварова хорошо известны философской общественности, широко цитируются; часть из них издана в престижных изданиях («Вопросы философии», «Философские науки», «Религиоведение» и др.). Опубликовал более 470 научных работ. Создал свою научную школу: подготовил 17 докторов и 31 кандидата наук; ряд из них стали известными учеными.

Проблематика его научной деятельности включала следующие темы: идеальное и идеал, операциональный аспект знания, метод экстраполяции, неравновесные системы, элементарный объект и элементаристский подход, диалектика субъекта и объекта, иррациональное в бытии и познании, вера и знание, наука и религия; религия в основании культур, религия Бахаи, визуальное мышление в науке и изобразительном искусстве.

– Творчески используя учение Гегеля о рефлексии, Д. В. Пивоваров вычленил и описал иррациональный эффект человеческой практики, обосновал необходимость разработки иррациологии.

– Разработал синтетическую концепцию идеального, предпринял в ряде монографий попытку обобщить альтернативные подходы Д. И. Дубровского, Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица. Идеальное трактовалось им как такая репрезентативная рефлексия, в структуру которой включены: эталонный объект, схема действия с эталоном и экстраполяция знания об эталоне на сверхчувственную реальность.

– Интересной и эвристической была его концепция, касающаяся сложнейшей проблемы взаимодействия культуры и религии. Он построил интегральную концепцию религии как сакральной связи человека с абсолютным; ввел представление о космоцентрических, эгоцентрических и социцентрических религиях; различил объективную и субъективную религиозность человека; развил «хозяйственно-религиозную» модель роли религии в культуре. Культура трактовалась в этой концепции как идеалообразующая сторона человеческой жизни, представляющая собой диалектическое единство сакрального фундамента и светской надстройки.

– Предложил диалектическую концепцию соотношения веры и знания, ввел полярные понятия faith-веры и belief-веры; вычленил типы веры и знания в религии, философии и науке.

– Его религиозноведческое исследование мировоззренческих основ новой мировой религии Бахаи в начале 90-х гг. было пионерным, опубликовано в России (институтом истории СССР АН СССР), в Германии и США.

– Разработал концепцию соотношения визуального и вербально-логического мышления. Углубленное изучение искусствоведческой науки способствовало выработке им оригинальной теории шедевра изобразительного искусства и нового метода содержательного анализа произведений живописи.

О высоком качестве философских исследований Д. В. Пивоварова свидетельствуют присужденные ему научные премии. Лауреат Всесоюзного конкурса молодых ученых по проблемам диалектического материализма, проведенного Философским обществом СССР совместно с журналом «Вопросы философии», – его текст «О соотношении предметного и операционального компонентов научного знания» был признан лучшим (1977). За монографию «Диалектика субъекта и объекта» (в соавт.) награжден первой премией (1994), за серию статей в «Современном философском словаре» – второй премией (1997) Ученого совета УрГУ; за второе издание этого словаря в Лондоне стал лауреатом премии им. В. Н. Татищева и Г. В. де Геннина (1999). Его учебное пособие «История и философия религии», написанное в соавторстве с А. В. Медведевым, было отмечено первой премией среди методических публикаций по общественным наукам в Уральском университете (2002).

Д. В. Пивоваров преподавал на философском, психологическом, экономическом факультетах, на факультете искусствоведения и культурологии УрГУ (УрФУ). Читал авторские курсы общей философии, философии религии, спецкурсы: «Проблема идеального», «Теория рефлексии Гегеля», «Основные категории онтологии», «Операциональный аспект научного знания», «Визуальное мышление в изобразительном искусстве», «Религия как социальная связь», «Религия Бахаи», «Знание и вера в науке и религии», «Язык религии».

Профессор Пивоваров был талантливым педагогом. Его лекции отличались содержательностью, яркостью изложения, полемичностью, пользовались признанием у студентов, аспирантов.

Даниил Валентинович Пивоваров скончался 7 января 2016 г. в г. Екатеринбурге.

*О. В. Кузнецова, В. А. Шумкова**

* Текст приводится по изданию: Кузнецова О. В., Шумкова В. А. Биография и полный список публикаций Пивоварова Даниила Валентиновича (1943–2016) // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета : сборник научных статей / отв. ред. О. В. Кузнецова. – Екатеринбург : Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2017. – С. 10–53.

Религиозно-философские представления о духовности, душевности и плотяности человека¹

В религиозной философии взаимосвязь понятий человеческого духа, души, плоти и тела подчинена общей метафизической логике взаимосвязи категорий духа, материи, формы и содержания. В человеке дух «вообще» конкретизирован *человеческим духом*, понятие материи представлено *плотью*, понятие формы – *душой*, а понятие содержания (как единства материи и формы, по Аристотелю) – *телом*. Понятия плоти и тела существенно различны, равно как нетождественны понятия души и духа. Христиане трактуют «душевную телесность» как детский период еще не определившейся души, в «плотяной телесности» усматривают болезненное и преходящее состояние тела, а «духовную телесность» оценивают как онтологическую норму тела.

В Библии термин *плоть* наделяется тремя значениями: 1) мягкая часть тела, отличная от крови и костей; 2) все тело; 3) все совокупное человечество («всякая плоть»). Иногда этот термин используется (особенно в Новом Завете) также в смысле властвования материи тела над душой. Смерть человеческого духа – прекращение его связи со Святым Духом, а смерть души – разрыв ее связи с духом и плотью. Духовная смерть – от греха и преступлений; грех отделяет душу от Духа, и тогда душевная жизнь превращается в эгоистичную и самовольную плотяность.

В привычном смысле тело «вообще» есть отдельный материальный предмет, находящийся в пространстве-времени, а тело человека есть человеческий организм, взятый в его внешней физической форме. Однако для последователей апостола Павла тело – это не просто материя индивида (биологический скафандр), а интегративная целостность плоти, души и духа; отсюда фундаментальные категории *тело плоти* и *духовное тело*.

Типология телесности выстраивается на основе представлений о разных пропорциях плотяного и духовного в индивидах – начиная с тела физического и плотного и завершая предельно тонкими нефизическими телами (духовное, астральное, ментальное, эфирное и т. п.). Так, по С. Н. Булгакову, каждая стоящая идея имеет собственную духовную красоту, особое духовное тело, и к духовной телесности не применимы представления о пространстве и времени. В христианском богословии выделяют три типа человеческой целостности: 1) душевный; 2) плотяный; 3) духовный. Эти типы ассоциированы с понятиями *душевность*, *плотяность*, *духовность*. В «человеке душевном» душа пока не решила, служить ли ей плоти либо духу; в «человеке плотяном» плоть властвует над душой; в «духовном человеке» душа уверенно ориентируется на духовные ценности.

В раннем христианстве между собою конкурировали две онтологии человеческой телесности – платоновско-гностическая и библейская. Платоники и гностики считали плоть источником зла и несчастий, мешающим познавать Бога; заключение бестелесной души в плоть есть наказание за грех. Напротив, в Новом Завете плоть и душа трактуются как взаимодополняющие аспекты тела человека, никогда не существующие друг без друга; тело – храм духа; без тела невозможно наказать или наградить человека за его поступки. Эта вторая точка зрения на тело ясно выражена, например, в антропологии апостола Павла. Вечными остаются онтологические вопросы, насколько тесно душа слита с плотью и способна ли она по

¹ Текст приводится по изданию: Пивоваров Д. В. Религиозно-философские модели человека // Философская антропология: теоретический анализ. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2006. – Ч. 1, гл. 6. – С. 112–125.

собственной воле отлучаться из тела, становиться свободным духом, насыщать себя содержанием внеположенного ей объективного духовного мира.

Согласно основным религиозным учениям, абсолютный Дух всегда как бы снаружи, объективен, но непротяжен. Он несотворим, вечен, совершенен, неограничен, свободен от конкретных воплощений, деятелен, вездесущ, мало где задерживается и неустанно творит новые определения, в том числе – «служебных духов» (ангелов) и человеческий субъективный дух. Нет вещи, которая не могла бы быть пронизанной каким-либо духом. Всякий дух обладает гораздо большей степенью реальности, нежели душа. Во всех национальных языках слово *дух* – существительное мужского рода, а *душа* – женского рода. Об объективном и субъективном духе обычно говорят не как о разновидности существования, а как о *бытии* – бездне бытия, бытии без границ, открытом бытии. Святой Дух творит человеческую душу несовершенной, ограниченной, страдающей. Связанное существование души в теле («стояние в просвете бытия», по Хайдеггеру) философы именуют словом *экзистенция*.

Многие богословы верят, что душа непременно сопряжена с какой-нибудь телесностью, будь то целостность отдельной твари или соматика универсума, оживляемая мировой психеей. Слившись с плотью, душа как бы всегда внутри определенного тела (но не метрична); она не бывает одновременно в двух топосах, постоянно помнит о своем теле. Душа – загадочный посредник между духом и плотью. Сочленя духовное с материальным, она зависит и от духа, и от плоти. Душа сохраняет проект и внутреннюю форму того тела, которое оживляет, лишь иногда (согласно некоторым учениям) на короткое время отлучаясь из своей обители. Душа есть поток переживаний, непосредственное единство «я», целостность субъективности, длительность личности, энергия самосохранения, принцип жизни, центр телесного и рефлексивного опыта.

Материя тела подчинена фатуму причинности, своим духом же человек причастен умопостижаемому миру свободы. Если душа – пожизненный узник плоти, то она способна духовно совершенствоваться только благодаря привхождению в нее (извне или из неких глубин «я») свободного духа; в таком случае дух и душа суть разные компоненты личности. Если же, наоборот, душа сама вольна решать, замыкаться ли ей в теле или в любое время выходить из него наружу и затем возвращаться, то именно психея сама определяет, быть ли ей преимущественно плотной или духовной. Или, быть может, есть два рода людей: одни рождены с душой как свободным духом, а другие – с плотской душой, нуждающейся в помощи внешних духов? Среди религиозных философов на сей счет нет единогласия.

По Тертуллиану, душа без тела – ничто, она соединяется с Богом через тело, которое есть «якорь спасения» человека. Спиноза писал о душе как об идее тела, а о личности – как сплаве тела и души; душа не только воспринимает состояние тела, но и имеет идеи этих состояний. Один только Бог, считал Лейбниц, есть субстанция, поистине отделенная от материи, все же сотворенные души имеют тела и слиты с ними. Кондильяк кратко определял душу как субстанцию, которая чувствует. Ламетри считал, что невозможно представить себе душу вне тела или хотя бы на мгновение покидающую его, ибо все свойства души познаются через телесные проявления и внутренние чувства.

Другие философы склоняются к мнению об относительной самостоятельности души в исполнении своих плотских функций. Душа подчас пресыщается весельем, печалью, сердитостью, нежностью, лицемерием, сладострастием. Тогда она уходит в себя, изолируется от мира и собственного тела. Открываться или закрываться миру и своему телу душа может лишь постольку, поскольку она автономна в диалоге с плотью. Пифагор и Платон считали душу слабо прикрепленной к телу, а ее выходы из тела оценивали как очищение души и восстановление ее подлин-

ного существования. Декарт воображал себе душу маленьким внутренним человечком, живущим своей особой жизнью. Душа постепенно налаживает взаимоотношения с телом, учится пользоваться органами чувств, различать в звуке слово, а в слове идею. А. Н. Радищев писал о душе человека как «существе самом по себе», нераздельном в своих чувствованиях и мыслях; благодаря простоте, непротяженности и нераздельности своей души человек ощущает себестождественность и целостность вчера и сегодня. Дидро отмечал, что душа устает и отдыхает, как и тело; она может потерять свою власть над телом, подобно тому как тело утрачивает свою власть над душой.

Стало быть, в религиозной философии сложился неразрешимый парадокс: 1) тело живо в силу действия души; в неподвижном теле души нет; душа никогда не молчит, говорит, постоянно охраняет тело, а болезнь души вызывает разрушение и смерть тела (скончаться можно даже из-за мимолетного угасания души); 2) жизнь тела продолжается даже тогда, когда душа вступает с ним в разлад, замыкается в себе, становится бесчувственной, разучивается пользоваться телом либо еще не обучилась им владеть. Выходит, душа находится отнюдь не в простых отношениях со своим телом. Иногда она властвует над телом, а порой, наоборот, тело владеет душой как своим орудием. Душа свободна в теле, если обладающее ею существо поступает в соответствии с природой своего организма. В противном случае отношения между телом и душой осложняются, гармония между ними исчезает.

В философской антропологии извечно конкурируют три онтологических модели человека – одномерная, двумерная и трехмерная.

Одномерная модель: человек состоит либо из духа (спиритуализм), и тогда все остальное в нем – чистая кажимость, либо из материи (материализм), и тогда его психика – одна из функций материального мозга.

Двумерная модель: в человеке как целом совмещены два начала, не выводимые логически друг из друга, а именно душа и плоть. Душа – принцип тела, а плоть – материя тела. Совместно действуя, душа и плоть образуют тело. Сторонники этой модели чаще предпочитают вместо трихотомии «душа + плоть = тело» оперировать упрощенной дихотомией «душа – тело». Дух они определяют не как нечто отдельное и отличное от души, но как высшую форму души (например, по Декарту, дух – это «разумная душа»). Душевность понимается ими очень широко – как гармония переживаний, эмоций, чувств, воли, разума (хотя в народном словоупотреблении прилагательное *душевный* имеет гораздо более узкое значение: «душа-человек», т. е. сердечный, чувствительный, порядочный, добрый).

Отмечается, что телесная (плотская) и духовная (интеллектуальная) стороны души далеко не всегда бывают развиты одинаково и гармонично; в этом случае индивид лишен полноценной «душевности». Подчас адепты указанной модели утверждают, что для лучшего проявления трансцендентальных способностей рациональной души (духа) требуется ослабевание и даже угасание обычного сознания; в этом случае высшую часть души именуют *сверхсознанием*.

Итак, в двумерной модели духовная функция души – только один из моментов душевности, а духовность «вообще» есть мера развития интеллектуальных способностей людей (по формуле «чем больше у человека ума, тем он более духовен»). Критики двумерной модели возражают против сближения интеллекта и духа. Они справедливо полагают, что развитие интеллекта вовсе не обязательно влечет рост духовности, но может даже вредить этому росту; ни многознание уму не научает, ни интеллект сам по себе не наделяет человека духовностью,

В трехмерной модели человека между собой разведены три начала – душа, дух и плоть – и противопоставлены упомянутые выше понятия душевного, духовного и плотного человека. Как известно, апостол Павел уподобил человека хра-

му, три части которого – двор, святилище и святая святых – символизируют нашу плоть, душу и дух: «Разве не знаете, что вы Храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (I Кор. 3, 16). Отличая от себя дух, душа пребывает в нем и отражает его, как зеркало. Душа преломляет в себе свет невоплощенного духа. Дух Божий освечивает в душе человека, и душа человека – образ Божий, подобие его Духа. Как Солнце льет свои лучи вне зависимости от того, воспринимаем ли мы их или уклоняемся от них, так и духовный свет не зависит от того, цело ли зеркало души, криво ли или вообще разбито. Субъективный дух человека направлен не столько на рациональное познание мира, сколько на творение новых миров.

Сегодня сторонники трехмерной модели считают, что в осуществлении плотской функции души преимущественно участвуют чувства, воля и разум, а в реализации духовной функции – интуиция, вера и совесть. Вне дара духа душа не способна к интуиции, мистическому соприсутствию, угрызениям совести; она не имеет веры, ибо сосредоточена на плотных отправлениях. Не ощущая долгое время живительных импульсов объективного и/или субъективного духа, душа увядает, выпадает из общей бездны сущего. Благодаря вхождению в душу духа она становится духовной. Далеко не все духовное в нас мы способны осознавать, но дух знает всего человека в целом.

В трехмерной модели взаимосвязь бытия духа и экзистенции души обозначается понятием духовности человека. Духовность есть пребывание души в духе, оплодотворение души духом, постоянная тяга к духу, «пневматическая искра души» (Флоренский). Святой Дух или иной внешний дух даруется душе, посещает ее, вселяется в нее, но может также уйти, развоплотиться. Благодать – Божий дар, вселение в человека Святого Духа. Вселение же злого духа – одержимость бесовскими силами. Напротив, бездуховность – это отрыв души от духа «вообще», замыкание способностей души на деятельности по обслуживанию ее телесной оболочки (плоти) и сохранению достигнутой жизненной формы.

В христианстве синонимом *бездуховности* является *плотность*: бездуховный человек есть «тело плоти», плотская целостность, человек плотяный. Бездуховность может быть сопряжена либо с неразвитостью тяги души к бытию духа, либо с усталостью преодолевать инерцию экзистенции и эгоизм. Сама по себе душа без духа – это «психика» (В. Ф. Войно-Ясенецкий), «пуерилизм» (М. Шеллер). Бездуховность вызывает в человеке ощущение пустоты.

Дух бывает положен в душе как основании и высвечивается в ней ярко или тускло, прямо или искаженно в зависимости от свойств самой души. Не зеркало производит свет (и не душа – дух). Свет может быть дан или не дан. Так же и духовный дар: он либо у человека есть, либо отсутствует. Тем не менее от качества зеркала зависит степень адекватности отражения и искажения привходящего света. Равным образом совесть, интуиция и все то, что открывается верой, обусловлены чистотой или замутненностью души, ее отражательными свойствами.

Отсюда следует, что не всегда верность духовным принципам гарантирует истину духа. Если душа – зеркало искажающее, то совесть способна обманываться, интуиция – подводить и давать фантастическое видение сущностей, а мистическое общение – вести к дезинформации и лжепророчеству. Истинная или ложная вера – это не только продукт вселения (дара) духа, более или менее близкого к сферам Абсолюта, но также умения души становиться зеркалом духа.

В Новом Завете словом *духовность*, как правило, обозначается «причастность Святому Духу». В этом положительном смысле духовность есть процесс полного, адекватного, правильного и гармоничного развития таких духовных способностей человека, как вера, интуиция и совесть. Через Дух добра душа вступает в общение с Богом, наделяется духовной благодатью и внезапно, по наитию, без сознательных усилий получает внутренние видения и импульсы истинного твор-

чества. Оплодотворяясь Духом добра, душа расцветает и совершенствуется. Многие современные философы-атеисты (например, проф. Р. Л. Лившиц) тоже понимают духовность как нечто исключительно положительное, не признают негативной духовности и противопоставляют «положительной» духовности «отрицательную» бездуховность.

Изучение сакральных текстов приводит нас к выводу, что неправомерно всякий раз восторгаться «духовностью» и вкладывать в это понятие только положительный смысл. Всякий ли дух выражает подлинное бытие, заслуживая доверия, и всякая ли наполненность души духом истинна? «Есть духовное благо, есть духовное зло. Есть святые, есть и падшие ангелы. Худшие наши грехи – духовные» (К. С. Льюис). Коль скоро душа одухотворена духом (внешним или внутренним), то она духовна. Но дух духу рознь и, следовательно, одухотворенность человека бывает либо доброй, либо злой – в зависимости от того, каким духом человек наполнен или одержим.

Один «служебный дух» ближе к Абсолюту, точнее выражает истинную полноту бытия, тайну жизни и гармонию творчества. Иной же, отклоняющийся от полноты бытия, разрушителен, и ему не следует умиляться. Стремясь к самодостаточности, такой дух обособляется, перестает исполнять свою служебную (в отношении Святого Духа) роль, нарушает гармонию и целостность пирамиды духов, творит зло. Сатана – дух, но не душевен. Если истину понимать не только в узкогносеологическом смысле, но как калокагатию, то следует различать истинную и ложную духовность. Ложная духовность – не бездуховность, но духовность безобразная, злая и подменяющая любовь к Абсолюту притяжением к фальшивому идеалу субстанции.

Как сказано выше, христианское понятие *душевность* по преимуществу обозначает состояние неопределенности души, когда душа еще твердо не решила, избрать ли ей путь плоти или ориентироваться на аттрактор духа. «Сеется тело душевное, восстает тело духовное, – читаем у Павла. – Есть тело душевное, есть тело и духовное. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное» (I Кор. 15, 44–46). Бог создал человека «душею живою», но благодаря общению со Святым Духом и внутренней работе своего духа душевный человек может превратиться в духовного человека. Когда в человеке дух пока дремлет, у него слабо выражены способности к интуитивному и мистическому постижению предельных целостностей универсума, а также умение жить по совести. В то же время человек со слабо развитым духом может быть вполне душевным – сочувствующим, очень умным, волевым.

Если душа – зеркало духа, то плоть – зеркало души. Человеческий дух требует сосредоточиться на Духе и пожертвования плотским ради высших неутилитарных ценностей. Напротив, плоть диктует душе сосредоточиться на собственном «я», искать способы удовлетворения своих материальных потребностей, начиная с прямых физиологических отпавлений и кончая властью над природой и другими людьми. Пребывание в плену у плоти мешает духовному росту человека, а после духовного возрождения в индивиде наступает разделение его души и духа. Из-за противоречия между духом и плотью душа индивида превращается в арену борьбы «ангела и зверя» (А. Жид), альтруизма и эгоизма. Быть может, между духовным и плотским в человеке должна существовать «золотая пропорция», но чаще эти ипостаси раздирают душу на соперничающие части. Дела плоти могут быть праведными и неправедными в зависимости от того, какая тенденция – духовная или плотская – берет верх в человеческой душе.

«Ибо не понимаю, что делаю, – говорит Павел, – потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. <...> Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим. <...> Но в членах моих вижу иной закон...» (Рим. 7,

15, 22–23). Новорожденные младенцы еще не духовны в вере, а взрослые, которые не стали духовными, подобны младенцам и отдаются усладам плоти. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божьего, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (I Кор. 2, 14).

Нередко сторонники трехмерной модели человека отвлекаются от различий между *душевностью* и *плотностью*, отождествляют между собой эти два христианских понятия и предпочитают сопоставлять только людей духовных и плотных. Они говорят, что духовный человек в первую очередь доверяет свету внутреннего зрения, прислушивается к голосу совести, гармонии высших духовных сфер, освобождается от уз плоти силою веры. Он мрачноват, недолюбливает шутки, юмор, веселье, многознание, мудрствование. Для него более реально мистическое, сверхчувственное и менее реальны обычные материальные вещи.

Напротив, плотский (душевный) человек прежде всего доверяет своему внешнему чувственному опыту и разуму, хвастлив, любознателен, любит порассуждать, пошутить, поспорить, доходить до всего своим умом, искать недостатки в других, критиковать. Он тянется к физической красоте, жаждет похвалы, легко впадает в ликование или печаль, медлен в прощении, разговорчив, чувствителен, высокопарен, самодоволен. В одном из плотных людей более развит разум, в другом – воля, в третьем – чувственное начало. Но все эти способности могут идти вразрез с духовностью человека, ибо нацелены на прославление «я».

Материальная потребность может рано или поздно удовлетворяться, духовными же исканиями человек не пресыщается никогда, в тенденции становясь существом универсальным. Рождаясь в мир, ребенок еще не осознает, что у него есть душа, и относится к своей душе бессознательно. По мере своего взросления индивид духовно пробуждается, испытывает влечение к идеалам культуры. Наконец, человек может обрести веру в абсолютный Дух, и ему открывается бездна духовного бытия.

Современный ученый-созидатель: философия религии Даниила Валентиновича Пивоварова

Статья посвящена осмыслению деятельности и научного подхода Д. В. Пивоварова как представителя современной философии религии. Авторский подход ученого рассматривается как самобытный и оригинальный. Качественное своеобразие подхода, понятийного аппарата философской системы ученого-созидателя обогатило современную науку новыми терминами и способами организации познавательной деятельности.

Ключевые слова: философия религии Д. В. Пивоварова; религиозное отчуждение; интегральные смыслы.

Проводить занятия по философии Даниил Валентинович мне доверил раньше, чем собственно я осознала всю глобальность «этого замысла». Ирония в моей жизни появилась изначально как некая провокация на тему исследования ее особенностей в концепции Л. Витгенштейна, чем я доставила немало поводов для практического применения иронии со стороны Даниила Валентиновича, но, при всей несурзности заявленной темы, мне был дан шанс. Только позднее, в несколько измененном виде, она же стала темой моей кандидатской диссертации. Вспоминается еще один примечательный факт: возникшее N-ное количество лет назад настроение на одной из лекций по философии в Т-вузе на тему «Философские концепции смысла жизни человека», когда при подготовке к лекции я обратилась к концепции Даниила Валентиновича. Более простого и понятного объяснения этой темы я не нашла. Само внимание студентов подсказало мне, что заимствованная у ученого интерпретация вызывает интерес, зачастую согласие и формирование в каждом какого-то нового уровня понимания. Тот, кто имеет представление о лекциях на вечные по своему характеру, философские темы, осознает, насколько важно обнаружить в ходе занятия понимание в аудитории того, о чем повествуешь. Развитие этой темы, так же как и ее толкование, может быть бесконечным, но есть в истории науки случаи, когда появляется конструктивно и содержательно совершенный вариант, без излишеств, в нашем случае – это то, как об этом написал Даниил Валентинович.

Создавая еще один нарратив об ученом, с которым работал, имел возможность общаться, осознаешь, что это не просто. Хотелось бы надеяться, что память со всеми ее психологическими закономерностями не будет им подчиняться: преувеличению, забыванию, эмоциональной обусловленности. При всем при этом речь пойдет о тех смыслах, которыми с нами поделился Даниил Валентинович.

Умение писать о современниках – редкое для академической науки качество. Традиционно придавать ценность тому, что сделано в период становления ученого, сразу как-то не принято, должно пройти время. Мол, временная дистанция сформирует «адекватное» поле видения и понимания. Вероятно, в этом находит свое выражение страх научного сообщества перед экономическим измерением деятельности – конкурентной борьбой. Только не в случае с Даниилом Валентиновичем. Он не боялся видеть и говорить о достижениях своих коллег, соответственно был конкурентоспособным. Позволю себе такое утверждение: заявленная им концепция отражения как творчества, «кристаллизованная в теории рефлексии

* **Ольга Михайловна Фархитдинова**, канд. филос. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург).

E-mail: ofarhetdin@mail.ru

Гегеля», была интегрирована самим Пивоваровым в его жизнь. Наделять жизнь других людей смыслом и провоцировать их самих на это – проявление последовательности в том, что он думал, говорил и делал. Такие качества встречаешь не часто, а редкий случай видеть то, как они реализованы конкретным человеком, – подарок судьбы.

Умение слышать и внимательность к тем мыслям, которые высказывают люди вокруг, нацеленность на взаимное развитие отличали подход Д. В. Пивоварова к ученикам, к тем, кто приходил за советом. В его работах почему-то всегда находили себе место идеи (с указанием авторства, где и когда они были высказаны), высказывания и порой просто догадки людей, которые его окружали, наравне с его собственным пониманием обсуждаемой проблемы. В его работах упомянуты (а следовательно, вписаны в историю науки) имена и фамилии тех, кто так и не стал защищать диссертацию.

Круг общения Пивоварова не ограничивался научным сообществом, но включал в себя всех, кто именовался людьми, какая бы духовность (по теоретическому определению Д. В., хорошая или плохая) этих людей ни отличала. Можно сказать, что написанное Д. В. Пивоваровым оказывалось в итоге академически и житейски поучительным во всех отношениях: с точки зрения учительства, ученичества, человечности и авторской самобытности.

Открывая монографии с инициалами «Д. В. Пивоваров», которые в большинстве своем, если не все, были изданы им из «собственных средств финансирования», читатель сталкивается с открытым и ясным стилем изложения. Заслуживает внимания то, как развивается мысль в этих работах. Это можно сравнить с особым методом гармонизации практики и познания. Сам Д. В. Пивоваров пишет об этом как об одном из законов прaksiологии: «Практика придает познанию операционное значение, а познание придает практике предметное значение, происходящее непосредственно из операционного инварианта. Носителем идеального образа служит операция с материальным или идеальным предметом, а предметный компонент идеального образа формируется как инвариант в системе интегрирующихся схем действия с одним и тем же предметом» [1, с. 83]. Не менее провокационно и интересно этот авторский метод проявлял себя на защитах диссертаций: кандидатских и докторских. В том, как формируется сюжет оппонирования, есть особое искусство, которым Даниил Валентинович владел мастерски. Выявляя противоречия в суждениях своих оппонентов, Даниил Валентинович не умалял их достижений, а предлагал вписать этот контекст в более широкий, значимый для развития науки в целом.

Озвученная на страницах его работ мысль об ученом-одиночке, организующем проговариванием идей пространство и замысел своей школы, интегрирована в современную научную мысль именами тех, кто творил и стимулировал к творчеству других. В то же время это самобытный религиозный опыт Д. В. Пивоварова. Сущность состояния одиночества в религиозном смысле порой становится поводом для его опустошения. Так появляются обособленно социологические и психологические версии значения одиночества для религиозного опыта. В концепции Пивоварова, наоборот, категориальная определенность многих изначально условно принятых понятий создает возможность для порождения новых значений. Так появились авторские понятия: объект-языка и субъект-языка (1960); сциент, асциент, асциентизм (1990) [6]; «симфоническая» терминология появилась при создании особого когнитивного процесса познания как согласия – симфоники и ее основного термина «оксиромы» (в соавторстве с Е. В. Рыльцевым) [4]; виртуальное (виртуал, актуал, потенциал) [6]. О таком опыте сам Даниил Валентинович писал: «Религиозный опыт происходит от духа, представляет собой духовное со-

стояние. Он у всех людей самобытен, своеобразен и сопряжен с уходом человеческой души в «одиночество» [5, с. 207].

Очень многие знакомые философские понятия были критически переосмыслены в синтетической концепции Пивоварова. Идеи, развитые Пивоваровым, могут составлять базовую основу целого направления как в способах организации научного знания и когнитивных процессов, так и в том, как соотносятся в предлагаемых дефинициях форма и содержание. Например, о границе написано как о парадоксальном месте прямого соприкосновения, начале и конце всякой определенности бытия.

Внимательность к смыслам, интегрированным в жизнь других людей, его идеям и совместные проекты о визуальном мышлении (В. И. Жуковский), экстраполяции в науке (В. А. Андрусенко) [2], симфонике и специальном термине «оксироме» (В. Е. Рыльцев) – то единое пространство пивоваровского стиля, где идеальное есть функция целостного деятельного отношения субъекта и объекта.

Философия религии в ее современной версии во многом обязана идеям, изложенным Пивоваровым. Среди множества достойных имен современных ученых редко встречаешь такие, которые вызывают всеобщее почтение по силе своей деятельности. В среде профессионалов, не побоюсь этого заявления, Пивоваров был почитаем. Идеи и предлагаемые понятия со стороны Пивоварова обогатили российское религиоведение, а способность ставить вопросы «категорически» маркирует его авторский и самобытный подход ученого-творца-одиночки.

Философское учение о религиозном спасении

Д. В. Пивоваров в одном из разделов философии религии – онтологии – предложил эстетически емкий образ: религиозное спасение «предполагает отчуждение-как-снятие человеческого в репрезентанте абсолютного» [3, с. 137]. Собственно, это в единственном роде состоявшееся философское учение о предельно религиозной теме: спасении.

Концептуализация термина «расстояние» в XXI веке затронула несколько смежных тем. Например, таких, как: степень удаленности объектов в пространстве координат; мера различия виртуальной и действительной способности человека видеть и познавать мир; вопрос о внеположенности объекта субъекту; измеримость социального как опредмечивание риска веры и надежд человеческого мира. Современное звучание в этом смысле получает выражение С. Н. Булгакова: пафос религии – пафос расстояния. От того, как решается вопрос о принципиальности значения «утраты и десакрализации человеком своей предельной сущности», зависит выбор аспектов при объяснении трансформаций всякого отдельного бытия: религиозного, духовного, экономического, технологического и т. п. [3, с. 125].

В философском смысле отчуждение – это категория, определенность которой основывается на принципиальном разграничении своего и иного, мнимого и явного, видимости и кажимости. «В самом широком смысле отчуждение может быть определено как превращение части, сущности либо всей полноты своего (самобытия А) в независимое от него иное, другое, чужое (инобытие В)» [3, с. 126]. Актуализация одного из важнейших значений понятия «отчуждение» в истории философской мысли относится к периоду возникновения теории общественного договора и одному из системных требований общества. А именно к юридическому контексту, в задачах которого договориться о том, каков спектр требований к человеку, предъявляемый обществом по отношению к тому, что может быть высказано, после того как это пережито. Однако, например, о чувствах, переживаемых человеком в случае соприкосновения с тем, что было подвергнуто отстранению, измеримому расстоянию в период создания учений Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локком, Т. Гоббсом, не было возможности проговорить в тех формах, которые привлекли внимание исследователей значительно позднее. Произошло это в силу того, что

обществу в тот исторический период были делегированы полномочия на определение вариативности допустимого в социуме бытия. Например, такому определению были подвергнуты: правда, ложь, заблуждение, в их категориальном значении. Религиозный опыт не составлял исключения. Юридический контекст, будучи определенным образом «выбросом» опредмеченного риска бытия в обществе, по сей день сохраняет в своем значении потенциал договорных отношений.

Благодаря этому развитие философского смысла «отчуждения» в XXI веке приобрело более чем парадоксальные формы. «Тема религиозного отчуждения и десакрализации тайны бытия является одной из центральных в современной философии религии... Религия – преодоление субстанциального отчуждения – восстановление утраченной связи с подлинным бытием» [3, с. 93–94]. Полагаю, что именно в таком контексте может быть продуктивно осмыслена проблема «опредмечивания риска религиозной веры».

В современной философии религии обнаружили себя две программные версии понимания ее задач, в то же время не исключающие разнообразия версий иных способов видения сущности религии: понимающая (апологетика или критика) и объяснительная (вариативность и инвариантность). В таком делении логика решения вопроса о том, чем должна заниматься философия религии, находится в пространстве определения своего практического значения.

Обратим внимание на то, каким принципом руководствовался Д. В. Пивоваров, отвечая на этот вопрос. Отдавая должное иным значениям, он говорил о приоритете «описания и анализа природы религии в контексте общего видения мира» [7, с. 9]. Изучение «величественных образцов и систем западноевропейской и русской философии» немыслимо вне контекста философии религии, основу которого составляет «синоптическое изложение разных взглядов, как одинаково сильных и возможных» [7, с. 10].

Сохраняется ли данная установка в современной философии религии и что происходит с этими образцами, когда современный человек вынужден постоянно меняться? Человек, не имея принципиальной возможности сохранить неизменным представление о себе в требующем постоянных изменений мире, инициирует развитие идей о способах сохранения целостности. Один из таких способов получил большое распространение в связи с проблемой подлинного и мнимого. Популярным он становится в связи с запросом на преодоление онтологического отчуждения в условиях современной эпохи. Часто это уникальное образование, на основе которого есть возможность конструктивно говорить о динамике сохранения целостности, именуется лаконично и инструментально: идентичность. Что интересно, она представлена проекцией как на индивидуальном уровне, так и на коллективном.

Обратим внимание на то, что представляет собой идентичность религиозная. Хотя имеет смысл различать идентичность этническую, национальную, индивидуальную (как выбор самовыражения), социальную. И в этом случае предполагается, что тем самым увеличивается значение индивидуальных стратегий, благодаря которым поддерживается ощущение цельности человека. Религиозная идентичность как специальное понятие, применяемое для описания одного из итогов «переживания высшими животными жизненных утрат (свободы перемещения, связи с партнером и т. п.)» онтического отчуждения, получила своеобразное осмысление в концепции философии религии Пивоварова [3, с. 128].

Современный город пытается компенсировать распад отношений, которые в онтологическом ключе определяли существование человека вне города, где система отношений мыслилась естественно, в соответствии с соположенностью таких отношений, как человек – природа – культура. Средой в городе стало именоваться то, что было создано самим человеком. В городе многое воспринимается

иначе, в том числе и то, как осмысливается способ организации отношения с сакральным.

Обнаруженное и философски осмысленное выражение «Мир наполнен смыслом» стало приобретать в конце первого десятилетия XXI века мифологическое звучание. Произнесение этой сакраментальной фразы ввергает человека в бесконечность его собственных переживаний. Редко встретишь сюжет на заданную тему, который бы не претендовал на то, чтобы не заканчиваться этой фразой. С этой точки зрения сценарный подход к изучению сознания человека с приставкой «пост-» преодолевает ставшую культовой максиму об ограниченности сюжетов смысла жизни.

Воспоминания – шанс приблизиться к тому, что значит быть Человеком. Благодаря Даниилу Валентиновичу у меня и многих из тех, кто его окружал, такой шанс появился.

Литература

1. Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа. Операционный аспект. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1986. – 130 с.
2. Пивоваров Д. В. Наука и религия : гносеологические очерки. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 344 с.
3. Пивоваров Д. В. Онтология религии. – СПб. : Владимир Даль, 2009. – 506 с.
4. Пивоваров Д. В. Рыльцев Е. В. Симфоника как методология толерантного спора. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 154 с.
5. Пивоваров Д. В. Философия религии : в 3 т. – Т. 2 : Гносеология религии. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 556 с.
6. Пивоваров Д. В. Синтетическая парадигма в философии : избранные статьи. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 536 с.
7. Пивоваров Д. В. Философия религии. – М. : Академический Проект, 2006. – 640 с.

Olga Mikhailovna Farkhitdinova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The Modern Scientist-Creator:

Philosophy of Religion by Daniil V. Pivovarov

The article regards the understanding of the activity and scientific approach of D. V. Pivovarov as a representative of the modern philosophy of religion. The author considers D. V. Pivovarov's approach to the scientist as original and unique. The qualitative originality of the approach, the conceptual apparatus of the philosophical system of the scientist-Creator enriched modern science with new terms and ways of organizing cognitive activity.

Key words: D. V. Pivovarov's religion philosophy; religious alienation; integral meanings.

Онтология религии Д. В. Пивоварова – метафизика нашего времени

В статье рассматриваются личностные, духовные начала метафизического мышления Д. В. Пивоварова, сумевшего увидеть в многообразии религиозного опыта онтологическую основательность связи верующего человека с Богом. И рассказавшего о метафизической очевидности религиозной онтологии современному человеку языком современной научной философии.

Ключевые слова: мышление метафизики; мышление науки; личностный синтез метафизики и науки; способы достижения этого синтеза: доказывающий разум теории; думающий разум практики; экстраполяция; диалог ученика и Учителя как эффективный способ рождения метафизики нашего времени.

Вопрос о мышлении – ключевой в жизни человека, так как существование человека до предела абсурдно и в нем не видно жизненного смысла. Огонь и свет человеческой мысли призваны осветить тьму таинственного мира и зажечь в его холодном безжизненном пространстве огонь все преображающей жизни.

Силу разума уподобляют свету разума, при котором все видно так, как оно есть, – это великое прозрение древних философов, это логосное мышление древних метафизиков. Но в любом человеке, природа которого предельно человечна, помимо доказывающего разума, все обосновывающего в свете умозрения, живет еще практический разум. Практический разум – это думающий волевой ум человека, в котором есть сила волевого намерения, чувственного предпочтения. Это разум из средоточия человеческой жизни, из сакрального срединного пространства «узкого» пути человека, аскетически выверенного чувствами его сердца, которое бьется в унисон с ритмами объемлющего нас бытия.

Если в человеке горит огонь мысли и он видит при свете этой мысли, то он становится по-умному сильным. Он может умело выстраивать отношения с миром объектов, превращая их в удобные и полезные для себя обстоятельства жизни. Поэтому значимость разума трудно переоценить для жизни человека – она абсолютна. Но намерения человека в отношении разума откровенно собственнические. Человек гордо заявляет о себе, что он «*homo sapiens*». И если он при этом верит в аксиологию такого утверждения и считает себя производным от атрибута разумности, то он полагает себя хозяином жизни, верховным хищником планеты Земля.

Это опрометчивое, слепое от страсти гордыни суждение. В нем не учитывается императивная норма диалектики цели и средства. Когда имеешь дело с универсальным, чудодейственным средством и пытаешься подчинить его своей воле, то невольно в ходе освоения и подчинения могучей силы своей прихоти становишься проводником этой силы. Это пример классического сюжета из сказки А. С. Пушкина о «золотой рыбке» – владычице морей, которую жадная старуха хотела превратить в свою служанку. Итог вождельных усилий ненасытной в своей страсти старухи – «разбитое корыто».

* Валентин Михайлович Князев, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и биоэтики ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (г. Екатеринбург).

E-mail: kn.va.m@yandex.ru

Уже давно известно, что когда мы мыслим, то через нас мыслит потенциальность языка культуры. Вот почему важно знать, в присутствии какого субъекта культуры мы пытаемся мыслить. Мышление – это всегда внутренний диалог доказывающего и думающего разума человека. Функционально – это всегда диалог с разного уровня бытия: с позиции субъектной онтологии отдельно взятого человека и с позиции субъекта культурно-исторической онтологии конкретно-исторического типа цивилизации. Исторически это персонифицированный диалог цивилизационно состоявшихся субъектов истории человечества. Через человека «говорит» дух исторически определенной культуры. В этом диалоге не рождается истина, а обозначается сила правды ведущего субъекта истории.

На уровне современной истории пока побеждает сила правды техногенной цивилизации, а сила правды традиционных цивилизаций, отступив самую малость от несущегося в никуда научно-технического прогресса, выжидает. Ждет, когда этот бесчеловечный прогресс техногенной цивилизации опустошит себя до конца, и тогда люди, переплавив металл машинного царства, возродят город-сад, биосферу и заживут в полноте и силе естества своей природы, под водительством духовно-нравственной истины традиционной цивилизации.

Цивилизация традиции может в силу своей исторической мудрости ждать своего возвращения в современность – долго. А реальный смертный человек по естеству своему не может ждать вечно. Он входит в состояние вечности и живет смело, не думая о смерти. Живет, сгорая в огне своего думающего разума, порождая интенциональной силой своих духовных чувств (веры, надежды, любви) пространство света интеллигибельного мира духовно-нравственной культуры исторически состоявшегося народа. Человек пассионарный не может не вступить в диалог с субъектом традиционной цивилизации и не может не заимствовать от метафизического знания проверенной веками культуры знания истины. И, опираясь на истину этого знания, выстраивать свой путь познания.

Даниил Валентинович Пивоваров – это как раз тот человек, который в духе своей воли был причастен к знанию традиционных цивилизаций и был по-научному современен. Он органично сочетал в себе знание физика и знание метафизика.

Знание науки нацелено на инновации, на открытие нового знания, мотивировано на постоянное движение к горизонту более фундаментального, глубинного знания. А знание метафизики, знание Логоса, рожденное при свете молнии интеллектуальной интуиции, высвечивает с высоты недостижимого для науки знания абсолютной истины меру возможного для познания науки в ее горделивых притязаниях постичь для нее невозможное. Знание метафизики – не узко-предметное знание, догматически-омертвелое знание, а полевое, смысловое состояние познания – некий свет интеллигибельного мира человеческой психики. В познании всегда есть единство и различие диахронического движения и синхронического покоя. Бегущий за черепахой Ахиллес не догонит ее, по мнению метафизика, и перегонит ее, по мнению физика. Соответственно стрела, летящая к цели, покоится в твердой уверенности, что цель будет достигнута, и она летит, чтобы в силе своей уверенности поразить цель.

Все парадоксы, апории, антиномии личностного разума решает, в конечном счете, мыслящий человек в контекстуальности априорного знания культуры, методом экстраполяции. Человек начинает свое интеллектуальное познание не с чистого листа – *tabula rasa* – своей психики, не с первого шага несмышленного ребенка, а с мудрого намерения родителей ребенка, желающих уверенно и сильно продлить свое биологическое бессмертие через успешную жизнь своего отпрыска. Все начинается с персонифицированного действия объективно существующей в обществе культуры. С места и роли человека в социальной иерархии общества, с

духовного ранга его инициации. И только исходя из духовно-нравственной ответственности такого состояния, человек может действительно познавать и знать. В силе такого знания человек может смотреть на «вещь в себе» с позиции «вещь для нас». И он знает, что мир подвластен ему и что он его хозяин. В этом состоянии он пребывает до тех пор, пока действительность мира не ударит его больно. И тогда человек узнает, что знание его ошибочно и есть, собственно, его заблуждение. И человек начинает догадываться, что причина его неудач в его собственной несостоятельности. Следовательно, чтобы сделать «вещь в себе» «вещью для нас», надо изменить себя, и прежде всего работу своего разума.

Успешность экстраполяции в деле личностного совершенствования, в деле решительной переоценки методологических теоретических основ своего знания идет успешно в присутствии не просто Собеседника из интеллектуальной культуры общества, а Учителя, или, как говорят на Востоке, Гуру. Сейчас, когда в процесс обучения внедряется онлайн-обучение, живое общение с учителем минимизируется. Когда из процесса обучения учащихся, студентов удалено действие воспитания, а отношения «учитель–ученик» формализованы алгоритмом балльной системы оценивания в пределе количества 100 единиц, тогда трудно осознать в многознании «стобалльной» оценки, что Учитель – Единица, а ум ученика всего лишь факел, который не загорится, пока не соприкоснется с горящим огнем жертвенной деятельности Учителя.

Мне повезло с Учителем. С первого курса обучения на философском факультете я познакомился с куратором нашей группы Д. В. Пивоваровым, и все последующие годы моей жизни я общался с ним как с Учителем. И после смерти Учителя, перечитывая его книги, я получаю от него ответы на свои сегодняшние вопросы. И здесь надо заметить, что Д. В. Пивоваров оставил своим ученикам хорошее наследие: множество статей, рецензий, памятных выступлений и ряд фундаментальных по своей качественности работ: «Онтология религии»¹; «Синтетическая парадигма в философии»²; «Идея Бога в философии религии»³; «Культура и религии: сакрализация базовых идеалов»⁴; «Наука и религия: гносеологические очерки»⁵; «Вера бахаи: история, вероучение и культ»⁶.

Вот некоторые диалоговые зарисовки из моих мыслительных бесед с Учителем. В этих зарисовках есть прямое обращение к печатному слову Учителя, но более к памяти о беседах с ним.

Вопрос нашего дня – о невероятном легковерии современного человека, уверенно отрицающего веру в Бога, не признающего закона совести, воздаяния за дела и поступки свои и при этом верующего в «бесплатный сыр в мышеловке», в рекламу, в прогресс, в свободу и царство благоденствия, которое для него обязательно кто-то создаст. Как возможно такое поразительное невежество веры?

Ответ. Не только возможно, но с неизбежностью будет действительно существовать, если только человек не осознает, что образцы веры действительно сильной, способной духовно преображать человека и весь строй его жизни, приобретается нами в тысячелетнем опыте мировой религии.

Вопрос. В чем сила религиозной веры?

Ответ. В практически действенной духовно-молитвенной связи человека с Богом.

¹ Пивоваров Д. В. Онтология религии. – СПб., 2008. – 506 с.

² Пивоваров Д. В. Синтетическая парадигма в философии : избранные статьи. – Екатеринбург, 2011. – 536 с.

³ Пивоваров Д. В. Идея Бога в философии религии. – Екатеринбург, 2012. – 180 с.

⁴ Пивоваров Д. В. Культура и религии: сакрализация базовых идеалов. – Екатеринбург, 2013. – 248 с.

⁵ Пивоваров Д. В. Наука и религия: гносеологические очерки. – Екатеринбург, 2013 – 344 с.

⁶ Пивоваров Д. В. Вера бахаи: история, вероучение и культ. – Екатеринбург, 2014. – 148 с.

Вопрос. Что убедит критически мыслящий разум человека, что эта свершаемая в силе духа молитва практически результативна?

Ответ. Тысячелетнее существование этой практики, несмотря на все гонения на социальный институт религии со стороны общества, государства, на все реформации культа и вероучения изнутри религиозно-общинной жизни человек постоянно обращался и обращается к Богу в ситуации своего бессилия и одиночества. И практический опыт трансовой психологической культуры религии убеждает людей, что они, пройдя школу аскезы, покаяния, в ходе которого до основания переоценивают губительные для жизни ценности, обретают трезвление и спокойствие духовной воли и ясновиденье религиозной веры, которая, по слову евангельского предания, есть ясновиденье – «обличение вещей невидимых как видимых», «гипостазирование надежд».

Вопрос. И все же, поясните, в чем специфика и духовная сила религии как связи человека и Бога?

Ответ. В феномене связи можно выделить три аспекта: материальный, энергетический и информационный. Когда же говорят о религии как об особой связи, то обычно имеют в виду союз внутренний, необходимый, существенный, закономерный, нематериальный, информационный и энергетический. При этом религиозная энергия понимается как жизненная активность, высвобождение духовных сил. Будучи по преимуществу незримой, духовной связью, религия в то же время сопровождается своими материальными воплощениями и объективациями – знаками, знаменами, предметами культа, социальными организациями. Поэтому самая обобщенная характеристика религии все-таки нуждается в генеральном термине, *связь вообще*, хотя ее сердцевиной является устойчивая духовная связь⁷.

Вопрос. При каком условии, и каким образом, мы можем видеть религиозную связь человека с Богом?

Ответ. При экзистенциальном погружении себя в ситуацию религиозного человека, переживающего предельное отчаянье, страшнее смерти, умереть и не встретиться с Богом, жить, не понимая высшего смысла жизни, – вот исходная ситуация для практического, думающего разума человека. Доказывающий, теоретический разум, как показал С. Кьеркегор, предлагает путь Дон Жуана или путь долга для человека социального служения, тогда как только путь монаха дает возможность выявить предметность связи человека с Богом. Поэтому многообразие религиозного опыта, взятое в его классическом выражении и в творческом пророческом развитии, к примеру, как опыт веры бахаи, должно быть предметом философского рассмотрения феномена религиозной веры. Причем не всякая философия способна видеть и понимать глубинные начала и жизненный смысл религиозной веры. Только метафизика, являясь первой формой ересеологии по отношению к теологическому сознанию религии, может предметно, с пониманием сути дела, мыслить о религиозной жизни человека.

Вопрос. Метафизику на протяжении веков много и основательно критиковали, так что возникает опасение, не совершаете ли Вы ошибку, ставя на метафизику?

Ответ. Несмотря на упорное стремление неокантианцев привить широкой публике недоверие и неприязнь к спекулятивным и непрактичным теориям бытия и перекроить на антиметафизический лад классическую онтологию, последняя в конечном итоге брала и всегда будет брать интеллектуальный верх по той простой причине, что практический разум ее критиков, приземленный и часто разрушительный, не способен конкурировать с нею на равных и создавать впечатляющие модели человеческого мироотношения⁸.

⁷ Пивоваров Д. В. Онтология религии. С. 13.

⁸ Там же. С. 9–10.

Вопрос. Известно, что «в ветхие меха не наливают новое вино». Как в архаику метафизики Вы «вольете» новое вино современной научно-философской мысли?

Ответ. Да, современная научно-философская мысль стала логически более строгой. Структура – главный инструмент логоса науки, с помощью которого мы интерпретируем многообразие эмпирического опыта и выявляем ментальные диады: феномен – ноумен, следствие – причина, форма – содержание, количество – качество... и такие категориальные пары, как бытие – небытие, человек – Бог. Всё это осталась в функциональном действии структуры неизменным. Структура религиозной метафизики – философия всеединства осталась неизменной по сути, а по форме она обрела, благодаря гению Д. Бома, его теории «голодвижения» новую форму научного гилозоизма – стала концепцией всеобщей одушевленности всей материи. Так что, имея в качестве метафизики вино самого превосходного качества, мы обрекаем любую форму на совершенство, любой модус времени – на единосушие с вечностью.

Valentin Mikhailovich Knyazev,

Doctor of philosophy, Associate Professor,

Professor at the Chair of Philosophy, Culturology and Bioethics,

Ural State Medical University (Ekaterinburg)

Ontology of Religion D. V. Pivovarov – Metaphysics of our Time

The article considers the personal spiritual principles of D. V. Pivovarov's metaphysical thinking that reveals the ontological solidity of the connection between a believer and God in the diversity of religious experience. This scholar also told the modern man about the metaphysical evidence of religious ontology in a modern scientific philosophy language.

Key words: thinking about metaphysics; mind science; personal synthesis of metaphysics and science; the ways of achieving this synthesis: proving the theory of mind, the thinking mind practices, extrapolation; dialogue between Teacher and student as a way to generate metaphysics of our time.

«Христианская теология» Д. В. Пивоварова

Статья посвящается памяти Даниила Валентиновича Пивоварова, замечательного ученого и исследователя. На примере неопубликованной рукописи «Христианская теология» и личных воспоминаний автора показывается умение Даниила Валентиновича входить в проблему, собирать обширный материал, анализировать его, выстраивая в целостную систему. Публикация дает возможность заглянуть в лабораторию творческой мысли философа, желающего понять историю человеческих поисков знания о Боге.

Ключевые слова: христианская теология; ортодоксия; гетеродоксия; догмат; ересь; Д. В. Пивоваров.

В начале 2000-х годов Даниилу Валентиновичу Пивоварову пришлось серьезно заняться своим здоровьем. Инфаркт, уже второй, потребовал срочной операции. Мы, члены его кафедры философии и истории религии, переживали за его здоровье и всерьез обдумывали, как бы создать ему щадящие условия для работы, готовились заменить его на сложных курсах и хотя бы на время максимально облегчить ему вхождение в учебный процесс. Ничуть не бывало. Даниил Валентинович появился, как всегда, бодрый, активный, не потерявший своей летящей походки фехтовальщика, полный планов и идей. Не только не снял с себя ни одного лекционного курса (а читал он всегда много и разных предметов и по философии, и по религиоведению), но и объявил, что планирует со следующего учебного года читать курс по христианской теологии. Действительно, с сентября начались его лекции по предмету – новому и для него, и для студентов-религиоведов.

Так получилось, что Даниил Валентинович читал этот курс лишь один раз, учебный план требовал освоения новых дисциплин, и он брался читать все новые и новые курсы сам: «Наука и религия», «Онтология религии», «Гносеология религии», «Праксиология религии» – курсы настолько нетрадиционные, что кроме него, пожалуй, никто и не мог их читать. Освоив курс, составив планы и методические материалы, он передавал их другим преподавателям кафедры, при этом всегда добавляя: «Этот предмет смотрит на Вас». Так христианская теология и посмотрела на меня.

Естественно, мы с Даниилом Валентиновичем обсудили общую концепцию: курс должен выстраиваться по историческому принципу с целью рассмотрения этапов формирования основных доктринальных идей христианства, от апостольского века (Даниил Валентинович особенно настаивал на важности идей ап. Павла – о соотношении тела, души и духа. Это сверхобязательно! – говорил он) и до сегодняшних дней, включая все конфессиональные варианты учений: православие, католицизм и основные протестантские версии. На мои слабые возражения, что на это никаких часов не хватит, Даниил Валентинович как-то небрежно ответил: «Я отправил по почте на кафедральный адрес свои материалы по христианской теологии, может быть Вам они помогут, скачайте или распечатайте».

Мои ожидания рисовали, что это будет 100, максимум 200 печатных страниц, но как только мы начали печатать, оказалось, что это – объемная рукопись около 1 000 страниц – мегабайты и мегабайты! К тому же текст набран 12-м шрифтом

* **Галина Семеновна Рыжкова**, канд. филос. наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, кафедра онтологии и теории познания (г. Екатеринбург).

E-mail: ryzhckovag@ya.ru

через полтора интервала, в общей сложности он составляет более 50 печатных листов.

На титульном листе сверху надписано: «Уральский государственный университет им. А. Г. Горького. Философский факультет. Кафедра истории и философии религии», внизу: «Екатеринбург, 2004». Общее название всей работы «Христианская теология» разделено на 4 части:

Часть 1. Христианская теология в I–IV вв.

Часть 2. Христианская теология IV–VIII вв.

Часть 3. Христианская теология. Православие, католицизм в IX–XVI вв.

Часть 4. Православие, католицизм, протестантизм в XVII–XX вв.

Авторство на титульном листе указано предельно скромно: «Составитель – проф. Д. В. Пивоваров». После Содержания 1-й части указано: «Текст составлен проф. Д. В. Пивоваровым путем сканирования и сочетания следующих источников: Киприан (Керн), архим. Патрология; Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие; Поснов М. Э. История христианской Церкви; Святоотеческая хрестоматия; Хегглунд Б. История теологии; Христианство. Энциклопедический словарь : в 3 т».

По всей видимости, были указаны источники лишь для первой части, в остальных частях они не указаны, но можно не сомневаться, что их было пересмотрено и отобрано куда больше. Сам Даниил Валентинович не раз говорил впоследствии, что для работы по христианской теологии читал иностранные источники, ведь он свободно владел несколькими европейскими языками и имел доступ в библиотеки Оксфорда и Кембриджа.

Первое, что обращает на себя внимание в рукописи «Христианской теологии», – подробно выписанная вводная тема, своеобразная теологическая пропедевтика. Тексту предшествует глоссарий, от адамитов – «секты, проповедовавших возвращение к состоянию невинности Адама в момент его сотворения», до экзегетики – «богословской дисциплины, занимающейся истолкованием религиозных текстов» [11, ч. 1. Глоссарий, с. 3]. Далее обсуждается понятие теологии, ее предмет – рациональное познание Бога, с учетом отличия понятия христианской теологии от античного, которое заключается в том, древние учителя Церкви «уравнивали теологию со словом Божиим, Библией» [Там же, ч. 1. с. 2]. По существу это верно: в христианстве, как и в других авраамических религиях, имеющих богооткровенное Писание, богословие – не только слово о Боге (это может ставить себе задачей и религиозная философия, и религиозное искусство), но и слово, идущее от Бога. В момент, когда складывается канон библейских книг, появляется устойчивая основа богословствования. Об этом и пишет Даниил Валентинович, указывая на разные смыслы понятия теологии в истории христианства, вплоть до современной либеральной теологии, допускающей свободную интерпретацию без соотнесения с текстами Писания. Рассуждения по вопросам о специфике христианской теологии и ее ценности для европейской культуры затем вошли в его печатные работы (см.: [4–6]). Оригинальны также и разделы вводной части о предпосылках христианской теологии – от ветхозаветной книги Иова как первой постановки монотеистической теодицеи до учения о Логосе Филона Александрийского.

Второе, чего тоже нельзя не отметить, – это привлечение множества персоналий из богословов различных школ и направлений. Иногда чрезвычайно редки упоминания ряда персоналий даже в самых подробных исследованиях. Даниил Валентинович, например, включает в свой обзор апологетов Аристона Пелльского, а у других очень уважаемых исследователей истории богословской мысли его нет [7; 8]. И таких примеров можно было бы привести немало.

После вводных определений в 1-й части излагается собственно история теологии, которая начинается с рассмотрения апостольского Символа веры, речи ап. Стефана (Деян. 7), богословского значения 1-го апостольского собора (Деян. 15).

Особо стоит указать на совершенно авторское личное прочтение посланий ап. Павла (1 Кор., Эф.), и среди них – размышления о Павловых антропологических взглядах. В «Христианской теологии» содержится набросок решения темы, которая занимала Даниила Валентиновича до последних дней – о соотношении тела, души и духа; плоти и духа в природе человека (см.: [3, с. 312–500]).

В других частях, возможно, авторская компонента убывает и материал излагается иногда вынужденно или нарочито компилятивно, более всего используются фрагменты из работ И. Мейендорфа [1] и Б. Хегглунда [10]. Но даже в таком формате выбор персоналий и идей подбирается в соответствии с общей концепцией Даниила Валентиновича. Он подробно излагает не только ортодоксию – принятые Церковью идеи богословов, но и соборно осужденные, как еретические, учения – гетеродоксию. Так, например, Даниил Валентинович подробно излагает взгляды гностиков, примерно в том же объеме, как у св. Иринейя Лионского, Ария, не в меньшем объеме, чем у свт. Афанасия Великого, Нестория, чуть менее подробно, чем у свт. Кирилла Александрийского.

Очевидно прослеживается особая логика всей «Христианской теологии»: отрицательная ценность – тоже ценность, ибо она пробуждает интеллектуальные силы Церкви для положительного решения проблемы. Результат соборного решения – догмат, который есть не точная формула, а интервал допустимых мнений, за пределами которых происходит расхождение с церковным единством и вхождение в раскол (схизму). Кстати, в «Христианской теологии» практически нет четких формулировок догматов. По всей видимости, для Даниила Валентиновича более интересны были различия в деталях, чем единство в главном.

Во 2-й части, пожалуй, более выпукло выписаны два самых философски и богословски утонченных автора. Первый – св. Дионисий Ареопагит (Псевдо-Дионисий). В обсуждение авторства корпуса Ареопагитик Даниил Валентинович не вступает, но излагает содержание идей его явно с интересом и удовлетворением. То же можно сказать и о разделе, посвященном прп. Максиму Исповеднику. В этом ряду нельзя не отметить прекрасную подборку материалов о блаж. Августине и, более всего, историю пелагианских споров о свободе и благодати.

В 3-й части «Христианской теологии» подробнее всего представлен вопрос о доказательствах бытия Бога. У каждого из средневековых схоластов Даниил Валентинович выделяет особым блоком проблему веры (постижения) и знания (рациональной доказуемости) религиозной истины. С обращением к дохристианской философской традиции показывается модель доказательств свв. Ансельма и Фомы Аквинского. В рассуждении о доказательствах св. Фомы Даниил Валентинович особо останавливается на небогословских философских доказательствах – предшественников и последователей св. Фомы. Этот материал нашел свое развитие и концептуальное оформление в специальной его работе «Идея Бога в философии и религии» [2, с. 69–126].

4-я часть рукописи посвящена периоду богословской мысли после начала эпохи Просвещения. Даниил Валентинович справедливо видит не только сладкие плоды Просвещения, но и горькую оскомину от их вкушения. Меняется отношение к авторитетам, в том числе к авторитету Библии, в богословие входит принцип либерализации – свободы от следования Писанию. Начало этому положила Реформация и протестантское богословие, но затронутым модернизмом оказалось и католическое, и православное богословие.

Особый интерес в этом разделе представляет обзор русского богословия – от «Краткого катехизиса» Петра Могилы до деятелей русского зарубежья С. Н. Бул-

гакова, Г. В. Флоровского, В. В. Зеньковского, В. Н. Лосского, архим. Киприана (Керна), иеромонаха Серафима (Роуза), прот. А. Шмемана, и заканчивается раздел по русскому богословию мыслью прот. Иоанна Мейендорфа о том, что «в секуляризованном мире христиане, а особенно богословы и пастыри, должны стремиться к единомыслию и поддерживать друг друга» [11, ч. 4, с. 87].

Начало современной протестантской теологии Даниил Валентинович вполне обоснованно видит в богословии Ф. Шлейермахера, показывая, как изменился дух протестантской мысли, как входит в нее философское знание, иногда заменяющее теологию. И. Кант, Г.Ф.В. Гегель – их, вслед за Б. Хегглюндом, он вводит в богословскую традицию, их религиозные идеи рассматривает как реакцию на модернизм Шлейермахера, от себя еще добавляет Ф. Ницше. Далее – К. Барт, Р. Бульман, Д. Бонхёффер, М. Бубер и другие крупные представители европейского и американского протестантского богословия. Из текста «Христианской теологии» трудно понять, кого особенно выделяет автор рукописи, но в устных высказываниях большего внимания Даниил Валентинович всегда удостоивал «Систематическую теологию» Пауля Тиллиха. Не раз он говорил: «Тиллих – это Гегель двадцатого века».

Католическое богословие XX века Даниил Валентинович рассматривает с позиции различения двух направлений. Он различает неосхоластику (идеи кардинала Джона Ньюмана, кардинала Мерсье, Ж. Маритена) и неотомизм, относя к нему большинство известных католических богословов Запада – М. Блонделя, Э. Жильсона, Р. Гвардини, Э. Мунье, Ю. Бохеньского, Г. Кюнга. К. Ранера. Элементы модерна, отмечается в рукописи, включение новаций, несомненно, есть практически у всех богословов XX века. Они хотели быть понятыми новым поколением христиан и пытались дать учение Христа в новой, доступной для современного человека форме. Это, пожалуй, основной итог всей рукописи «Христианской теологии»: нет вечной теологии. О Боге следует говорить на языке эпохи.

Нужно сказать, что Даниил Валентинович и в дальнейшем не оставлял проблематики христианской теологии. Мог, например, прийти на кафедру и, не раздеваясь, радостно сообщить: «А Вы знаете, что правнук философа Николая Онуфриевича Лосского, внук известного богослова Владимира Николаевича, сын его сына, ныне здравствующего богослова Николая Владимировича Лосского (он умер позже Даниила Валентиновича, в 2017 году. – Г. Р.) Андрей Николаевич Лосский (род. в 1953 г.) – тоже богослов. Вот это династия! Четыре поколения богословов, и каких!»

Или он мог долго и со вкусом обсуждать богословие Исаака Ньютона и доказывать, что его антитринитарное богословие (отрицание Троицы), во-первых, не является социанством, продолжением взглядов Фауста Социана, так как исходит из других посылок; во-вторых, это типичное англиканство, привитое Ньютону еще в детском возрасте в набожной семье, англиканство широкой церкви, требующее до буквы соблюдать написанное в Библии, а там слова «Троица» нет; и, в-третьих, это согласовывалось с его естественно-научной картиной мира, которую, как говорил Даниил Валентинович, возвели почти в религиозный культ в науке, и это не на пользу самой науке.

Как облагораживали нас всех подобные просветительские беседы и возникающие обсуждения, давая ощущение причастности к пиру его ума, как будили нашу мысль и желание подражать ему! И не важно – в богословии ли, в философии ли, или в обсуждении музыки, живописи и театра.

Для меня главный урок, который можно извлечь из истории с рукописью «Христианской теологии», – поразительная тщательность авторской проработки и отбора материала, способность, не жалея времени и сил, собирать из множества источников эмпирические данные, выстраивая общую картину развертывания

главной идеи – показать, что христианская мысль развивалась и творчески совершенствовалась, и это развитие имело непростой, а порой и драматический характер.

Почти сразу, начав работать с рукописью, я спросила у Даниила Валентиновича: «Почему бы Вам не напечатать эту работу? Ведь и студентам, и преподавателям эти материалы бы были очень полезны». Он ответил с улыбкой: «Я не теолог, я сканёр», – и этим закрыл обсуждение вопроса. До сих пор у меня остались сомнения, можно ли это опубликовать – «Христианскую теологию» Д. В. Пивоварова, ведь наверняка нашлись бы спонсоры, и текст по-своему хорош, но воля автора... А может быть, все-таки стоит?

Литература

1. Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие (Конспекты лекций). – М. : Лучи Софии, 2007. – 384 с.
2. Пивоваров Д. В. Идея Бога в философии и религии : монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та., 2012. – 180 с.
3. Пивоваров Д. В. Категории онтологии : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та., 2016. – 552 с.
4. Пивоваров Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов : монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та., 2013. – 248 с.
5. Пивоваров Д. В. Онтология религии : монография. – СПб. : Владимир Даль, 2009. – 505 с.
6. Пивоваров Д. В. Философия религии : учеб. пособие. – М. : Академический Прокт ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006. – 640 с.
7. Сагарда Н. И., Сагарда А. И. Патрология : Полный курс лекций по патрологии. – СПб. : Воскресение, 2004. – 1215 с.
8. Филарет (Гумилевский), архиеп. Историческое учение об отцах Церкви : в 3 т. – М. : Паломник, 1996. – Т. 1. – 205 с.
9. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 848 с.
10. Хегглунд Б. История теологии. – СПб. : Светоч, 2001. – 370 с.
11. Христианская теология : в 4 ч. / сост. Д. В. Пивоваров. – Екатеринбург, 2004. (Рукопись).

Galina Semenovna Ryzhkova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Ontology and Theory of Knowledge Chair,
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

"Christian theology" of D. V. Pivovarov

The article is dedicated to the memory of Daniil V. Pivovarov, a great scientist and researcher. On the example of the unpublished manuscript "Christian theology" and personal memories of the author, it shows the ability of Daniil Valentinovich to enter into the problem, to collect extensive material, analyze it, building an integrated system. The publication provides an opportunity to have a look into the laboratory of creative thought of a philosopher who wants to understand the history of human search for knowledge about God.

Key words: Christian theology; Orthodoxy; heterodoxia; dogma; heresy; D. V. Pivovarov.

Дух и духовное развитие человека с позиций теософии

Статья посвящена исследованию концепции духа и духовного развития человека в теософии. Рассматриваются градации трактовок духа. Показана внутренняя детерминация духовного развития человека, разработанная теософией. Сопоставлены позиции теософии и христианства. Выявлено влияние на теософию доктрин Древнего Востока. Раскрывается взгляд теософии на мораль и моральное поведение человека.

Ключевые слова: религия; теософия; дух; разум; мораль; идеал; реальность; иллюзия.

Вопросы духовного развития человека – это вопрос высших форм его бытия. Обычно степень развития личностных качеств человека, его совершенство мы связываем как раз с состоянием его духовности, и с нею же мы связываем и самовыражение личности, и поиски смысла жизни. Поэтому духовность человека можно считать интегративным показателем его бытия, а понятие «дух» – высшим началом, принципом его жизни.

Несмотря на важность духовной составляющей, данная сторона бытия человека до сих пор недостаточно разработана в литературе. Об этом свидетельствует и отсутствие четких формулировок самих понятий «дух», «духовность», а также сведение духовного мира человека к его духовной культуре.

Проблема духовности и духовного развития человека может решаться с разных позиций и в рамках разного исследовательского поля. Больше всего внимания ей уделяет религия, но она рассматривается и ее противником – атеизмом. Этой проблемой занимаются философия, этика, психология.

Сложность изучения данной проблемы связана, прежде всего, с недостаточной определенностью понятий «дух», «духовность». Эти понятия во многом остаются интуитивными, опирающимися на совокупность тех свойств духа, которые человеку хорошо известны.

Этимологически слово «дух» означает дуновение, движение воздуха. В переносном смысле – это то невидимое движение внутри живого, которое определяет сущность его жизни. Уже в древних мифах дух рассматривали как таинственную внутреннюю сущность жизни, которая определяет бытие любого предмета. Отсюда в философию пришло представление о духе как о том нематериальном начале, которое соотносимо с природой. Дух стал рассматриваться и по отношению к природе в целом, и по отношению к природе человека в качестве источника, определяющего сущность их жизни, защищающего и совершенствующего их.

По мере развития философии дух стал рассматриваться как сущность душевной жизни человека, как часть его внутреннего мира. При этом за ним всегда сохранялись определенные характеристики. Укажем наиболее важные из них.

Дух несводим к психическому. Он существует по своим законам и является более высокой формой внутренней жизни, чем психическое. В сфере духа человек поднимается над повседневностью, обыденностью своей жизни. Здесь его сознание и мышление имеют предметом осмысления высшие ценности жизни, универсальные стороны бытия, поиск предназначения человека в мире, смысла его бытия. Именно в этом контексте говорят о духовных исканиях человека.

Но этот процесс требует выработки, создания эталонов, образцов. Поэтому в сфере духа человек создает общие идеи, идеалы, которыми и живет. Благодаря им

* **Ольга Владимировна Коркунова**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии и истории, Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

и в стремлении к ним он развивается и совершенствуется, преодолевая ограниченность и несовершенство своего бытия.

В силу этого сложились такие понятия, как «духовная культура», «духовная жизнь», «духовное развитие человека» и их формы. Все они, каждое в своем аспекте, охватывают и раскрывают роль в бытии человека науки, морали, философии, искусства и религии. Именно они рассматриваются как универсальные формы духовного, в которых мышление человека получает возможность творить, руководствуясь идеалами истины, добра, красоты и совершенства. Все они – разные грани деятельности разума человека, реализации его творческих возможностей.

Особо нужно выделить религию, поскольку она создает свое понимание духа и духовного, связывая их с представлением о Боге. В ней эти понятия характеризуют ту часть сознания человека и ту сторону его бытия, которые непосредственно обращены к Богу. С одной стороны, дух рассматривается как часть божественного в человеке, с другой стороны, духовность выражает ту сторону внутреннего мира человека, которая устремлена к Богу, живет единением с ним.

Все эти представления о духовном сложились в рамках социокультурного поля исследования, когда духовная жизнь человека или общества рассматривается как производная от уровня развития общества и его культуры. В результате мы наблюдаем влияние на формирование и развитие человека общих идей, идеалов, высших ценностей, связанных с реальными социальными процессами. Фиксируем и обратный процесс: влияние результатов духовной жизни, выражающихся предметно или понятийно, на развитие культуры и общества. В том и другом случаях мы рассматриваем феномен духовного через призму взаимодействия социума и внутреннего мира человека, т. е. извне.

Это «извне» предполагает внешнюю детерминацию внутреннего мира человека, которая требует признания того, что внутренний мир человека содержит только то, что он почерпнул из своего чувственного опыта и того багажа культуры, которым овладел. И вся его духовная жизнь связана с переработкой, осмыслением этого содержания.

Мы имеем здесь четко выраженный подход к изучению духовного по образцам ньютоновско-картезианской картины мира с присущим ей стилем мышления. Ее продуктивность уже достигла своих пределов в рамках естественных наук и психологии. Видимо, стоит задаться этим вопросом и применительно к гуманитарному знанию, в частности к изучению феномена духовного.

Самыми трудными, неразрешимыми для такого подхода остаются вопросы: откуда и как возникают на базе такого содержания идеи революционного характера, меняющие облик человека и общества? откуда и как возникают духовные феномены, намного опережающие свое время? Единственный ответ на эти вопросы при данном подходе – это ссылка на гений или талант человека. Но тогда мы сводим духовное к психологии и попадаем в замкнутый круг противоречия, ибо в характеристиках духовного подчеркиваем, что его нельзя понять исходя из психологии.

Мы предваряем этими рассуждениями рассмотрение проблемы духовного в теософии, потому что ее подход слишком отличается от традиционного. Пожалуй, именно в решении этой проблемы теософия предлагает больше всего мистического, того, что шокирует традиционный менталитет европейца.

Наша задача – рассмотреть предложенный ею подход и оценить содержащиеся в нем положения.

Начнем с объяснения, в чем понимание духовного в теософии совпадает с общепринятым. Теософия также относит к сфере духовного развития человека деятельность его разума, направленную на достижение нравственности, красоты, общих идей и идеалов, которые приводят человека к мудрости, совершенству,

дают обретение свободы и смысла жизни. Рассматривая этот традиционный набор характеристик духовного, теософия по-своему акцентирует их, особо выделяя нравственность и значимость божественного в духовном развитии человека.

Специфика ее подхода обусловлена рядом основных положений, которыми она руководствуется в решении данной проблемы.

1. Рассматривать духовное (как и внутренний мир) человека в целом следует не извне, а изнутри.

Основанием для этого служит представление о мире и человеке как макрокосме и микрокосме. Макрокосм и микрокосм подобны друг другу по структуре и строению. Это позволяет теософам утверждать, что «те же законы, по которым строилась Солнечная система, управляют и построением человеческого организма» [3, с. 10]. При таком подходе знание о внешнем мире в его универсальных характеристиках можно использовать для исследования внутреннего мира человека, в том числе и духовного.

2. Проблема духовного развития человека рассматривается и решается в контексте общего процесса эволюции, который предстает в виде больших и малых циклов развития макрокосма и микрокосма.

3. Духовное рассматривается как механизм внутренней детерминации бытия человека, сущностный фактор его самореализации и самосовершенствования. Здесь духовное выполняет функцию управления внутренним миром человека и его бытием в целом. Прежде всего, функция управления рассматривается по отношению к сознанию, мышлению человека, в силу чего духовное предстает как способ расширения сознания или, пользуясь языком философии, выход его в сферу трансцендентального.

Традиционно проблему духовного рассматривают в трех аспектах: как личный дух, т. е. духовный мир, духовное развитие отдельного человека; как объективный дух, понимая под ним дух, духовную жизнь, духовную культуру той или иной общности людей: народа, страны, эпохи и т. д.; и как объективированный дух – совокупность завершенных творений духа, выраженных в тех или иных результатах его деятельности. Как правило, это новые знания, идеи, идеалы, образцы культуры, искусства, которые становятся достоянием всех.

Эти три аспекта диалектически взаимосвязаны. Личный дух не может существовать в отрыве от общего и объективированного, соединяясь с ними, питаясь их достижениями и, в свою очередь, питая их. То же самое справедливо и по отношению к двум другим аспектам.

Теософия меняет эту триаду. Вместо нее вводится другая: дух – духовная сфера, в которой пребывает духовная душа, – проявление духа в человеческой душе. Эти три ипостаси тоже взаимосвязаны. Человеческая душа в своем духовном развитии сливается с духовной душой; та, по мере своей эволюции, соединяется с духом.

Благодаря этой триаде теософия детально прослеживает эволюцию духовности отдельного человека, акцентируя внимание именно на ней.

Чтобы лучше понять эту концепцию, мы все время должны представлять себе эволюцию человека как микрокосма в виде круга. По одной стороне его из высшей верхней точки, символа вечного единого, происходит эманация последнего, его проявление в макрокосме и микрокосме. По другой – из низшей точки, символизирующей физический мир и бытие в нем человека, происходит духовная эволюция человека как устремление его души, сознания вверх, к своему первоисточнику.

Это очень важный образ в концепции теософии, изображающий весь цикл его жизни и дающий иерархическую структуру человека как микрокосма. Благодаря ему человек в своем физическом бытии предстает обладателем внутри себя в

скрытом виде своего высшего Я как частицы вечного единого. И это высшее Я в скрытом, непроявленном виде содержит в себе все три аспекта проявления вечного единого: волю, мудрость, разум. Поэтому задача человека – дать возможность проявиться этим своим внутренним силам и способностям. На это направлены его эволюция и его духовное развитие.

Мы уже отмечали, что вечное единое рассматривается теософией в единстве трех основных аспектов. В философском плане – как субстанция, первооснова всего в мире. В религиозном плане – как непроявленное обезличенное божественное. В естественно-научном плане – как совокупность природных сил и энергий, концентрация которых в пространстве дает начало существованию макрокосма и микрокосма. Говоря об этом аспекте, необходимо отметить, что картина перехода непроявленного состояния в проявленное, даваемая теософией в символической форме, аналогична картине происхождения Вселенной, рисуемой современной наукой.

Соединение этих трех аспектов давало теософии возможность уравнивать их. Это относится как к макрокосму, так и к микрокосму. По отношению к человеку как микрокосму это означает, что его внутренний мир включает в себя его Я, тождественное по своей природе вечному единому. И это можно назвать частицей, лучом, искрой (эти понятия выступают в данном случае как синонимы) божественного духа в человеке. Его можно назвать трансцендентальной сущностью человека, высшим Я, самостью – так они определяются в философии и психологии. А можно рассматривать как совокупность скрытых сил, энергий внутри человека – на этом акцентирует внимание теософия. В любом из этих вариантов задача человека – раскрыть, проявить содержание своего внутреннего мира в жизни.

Что такой подход дает для решения проблемы духовного?

Во-первых, задает предельно широкое поле для исследования духовного. А именно: связь внутреннего мира человека с основополагающими природными процессами в ее статике и становлении, когда формы этой связи существуют еще в их скрытом, непроявленном виде. Это позволяет рассматривать духовные процессы как процессы спускающегося в материю духа и поднимающейся, возвышающейся материи. В результате за любой материальной формой, любым физическим действием можно увидеть скрытую деятельность духа, внешним проявлением которой они являются. «Материя – это энергия, или дух, в своей самой плотной форме. Дух – это материя в своем наиболее возвышенном аспекте» [6, с. 113]. Так выражает А. Бейли эту мысль теософии.

Во-вторых, позволяет шаг за шагом поэтапно проследить эволюцию, развитие духовного начала в человеке.

В-третьих, выводит источник духовного за пределы социокультурного контекста. Социокультурный процесс выступает как видимая сторона этого источника. Это накопленный опыт человечества по освоению природы. Но поскольку природа бесконечна и безгранична, то ее скрытые, непроявленные силы и энергии и связанные с ними информационные процессы также выступают источником духовного развития человека.

Теософия предлагает и другой подход к исследованию этого. Как микрокосм, человек имеет внутри себя все то, что есть и в макрокосме, Вселенной. Поэтому его духовное развитие может идти не только через познание внешнего мира, но и через познание своего внутреннего мира. Более того, все воздействия извне служат лишь толчком для внутреннего развития, активизации скрытых внутренних сил и процессов.

Рассматривая функционирование души человека, мы установили, что теософия связывает ее развитие с ростом внутренней детерминации в бытии человека. Достигается это благодаря тому, что разум перестает идти на поводу у желаний и

начинает подчинять их себе. С этого и начинается проявление духовного в жизни человека.

Мысль, привязанная к желанию и действиям, связанным с ним, анализирует внешний мир, постигает сущность предметов и явлений, сохраняет в памяти полученный опыт. Все это в теософии рассматривается как сфера деятельности низшего разума человека. По мере накопления опыта и знаний о мире этот разум использует творческую активность мысли для придания желанию определенной формы и направляет его энергию в нужное русло. Так мысль начинает руководить желаниями, подчинять их воле разума, и теперь управление поведением, жизненными энергиями человека переходит к нему. Он становится внутренним руководителем жизни человека. Ближайшим следствием этого становится перерастание желаний в эмоции, а эмоций – в высокие чувства человека.

Желая чего-либо, мы притягиваем это к себе, стремимся сделать его частью своего Я. Мысль, освобождая человека от объекта желания, преодолевает Я-желание, привязанность человека к материальной форме и поворачивает его жизнь внутрь и вверх. «Эмоция – это не простое или первичное состояние сознания, а сложное, образуемое взаимодействием двух аспектов «Я» – Желания и Интеллекта. Воздействие Интеллекта на Желание порождает Эмоцию, она является их совместным детищем и проявляет некоторые характеристики как своего отца-Интеллекта, так и своей матери-Желания» [5, с. 199].

Если желания выражаются через притяжение и отталкивание объекта, то формами выражения эмоций становятся влечение и отвращение. На основе этих переживаний у человека, с одной стороны, формируются представления о хорошем и плохом, т. е. зачатки морали. С другой стороны, идет процесс развития эмоций, их перерастание в высокие чувства. Влечение перерастает в любовь, а отвращение – в ненависть. Оба этих процесса – развитие нравственности и развитие чувств – идут в тесной взаимосвязи. Определяющую роль в них играет разум. «Эмоция, имеющая характер Влечения, привлекающая объекты друг к другу посредством удовольствия, объединяющая энергии вселенной, называется Любовью. Эмоция, имеющая характер Отвращения, отталкивающая объекты друг от друга посредством боли, разрушающая энергии вселенной, называется Ненавистью» [5, с. 202].

Связь эмоций и морали видится теософии следующим образом. «Эмоции представляют собой не просто джунгли, а все они берут начало от одного корня и подразделяются на два основных ствола, которые опять-таки подразделяются на ряд ветвей с растущими на них листьями пороков и добродетелей. Такое образное представление, позволяющее превратить изучение эмоций в науку, а из нее вывести понятную и рациональную систему моральных принципов... сводит хаос эмоций к космосу и формирует в нем упорядоченную мораль» [5, с. 201]. Здесь ясно выражена идея, что мораль как форма духовности человека возникает в результате контроля мыслей и разума человека над его эмоциями. Сохраняя в памяти опыт прошлого и предвидя будущее, разум контролирует проявление эмоций человека.

Исследование различных форм любви и ненависти приводит к выделению их общих характеристик и сущности. «Любовь во всех своих проявлениях характеризуется симпатией, самопожертвованием, желанием давать... Поэтому Любовь Духовна, так как симпатия – это чувство к другому как к самому себе; самопожертвование – это признание требований другого, как своих собственных; отдача – это условие духовной жизни. Следовательно, мы видим, что Любовь относится к Душе, к одухотворенной стороне вселенной.

Ненависть, с другой стороны, во всех своих проявлениях характеризуется антипатией, самовозвеличиванием, желанием брать... Поэтому Ненависть Материальна, подчеркивает множественность и различие, является по своему существу

обособленностью и относится к той стороне вселенной, которая характеризуется формой» [5, с. 205–206].

Именно проявления любви и ненависти определяют природу добродетели и порока как основных форм морального поведения. «Постоянное проявление эмоции любви по отношению к живому существу является Добродетелью, постоянное проявление ненависти к живому существу является Пороком. Такое превращение осуществляется посредством интеллекта, который наделяет эмоцию постоянством характера, стремясь к гармонии во всех взаимоотношениях, результатом которой может быть счастье» [5, с. 206]. Но интеллект не ограничивается установлением добродетели и порока. Он стремится определить их роль в эволюции. Рассматривая мир сквозь призму бесчисленных взаимоотношений, он устанавливает, что «... гармоничные взаимоотношения приводят к счастью, а дисгармоничные – к страданию» [5, с. 207].

Разум совершенствует нравственность человека посредством поиска путей к всеобщей гармонии в мире. Он исследует законы эволюции и выявляет, что к счастью человек приходит через мир и гармонию, которые достигаются только выполнением закона целого. Согласно этому закону любая часть, единица должны подчиняться целому. По сути дела, мы имеем здесь упрощенную формулировку закона связи целого и части, научно скорректированную позднее в результате системного анализа.

Но этот закон, сформулированный в теософии в таком виде и распространяемый ею на эволюцию и микрокосма и макрокосма, служит основой понимания добра и зла в этой концепции. «Добро – это то, что, будучи в гармонии с великим законом, приносит счастье, а Зло – это то, что, будучи в противоречии с великим законом, приносит страдание» [5, с. 208].

Разум, поднявшийся до понимания сути добра и зла, берет под полный контроль низшую природу человека и в полной мере определяет его эмоции и поступки. Важнейшую роль при этом играет идеал и конструктивное использование энергий, заключенных в эмоциях.

Теософия рассматривает идеал как средство, с помощью которого разум побеждает неправильные желания, приводящие человека к злу. Она считает, что человек создает абстрактный или личностный идеал, обдумывая смысл своей жизни, цель, к которой он стремится, отбирая качества, необходимые для их достижения, и объединяя эти качества в единую концепцию Я. Роль идеала видится в облагораживании мыслей, ума человека, что очищает, возвышает его эмоции и направляет поступки человека по пути добра. «И когда возникает искушение, а низшие желания будут требовать своего удовлетворения, тогда притягательная сила идеала заявит о себе, возвышенное вступит в схватку с низменным, а мыслящее “Я” найдет себе поддержку для утверждения правильного желания в отрицающей силе памяти, которая говорит: “Воздержись от низменного”, и в положительной силе идеала, который зовет: “Достигни героического”» [5, с. 195].

Конструктивное использование энергий, заключенных в эмоциях, выражается в том, чтобы сохранять добродетельное поведение, несмотря на неблагоприятные обстоятельства и страдания, порождаемые плохим окружением человека. В этом случае разум опирается на понимание того, что эмоции любви сближают, объединяют людей, создавая семью, племя, нацию. На этой основе формируются представления об обязательствах и долге. Обязательства позволяют поддерживать гармоничные отношения и с теми, кого человек любит, и с теми, кого он не любит, посредством выполнения принятых на себя обязанностей по отношению к другим. Выполнение обязательств формирует чувство долга. «Обязательства, которых необходимо придерживаться для установления счастья... называются долгом; это то, что один воздает другому» [5, с. 210].

В том, как этот процесс представлен теософией, можно заметить несколько особенностей. Во-первых, моральные представления и моральные качества человека выводятся не столько из социокультурных факторов, сколько из его природы. Во-вторых, при таком подходе социокультурные формы регулирования взаимоотношений личности и общества, человека с человеком выступают лишь внешним проявлением скрытых, внутренних сторон морали. Они выражают ее сущность как подчинение низшей природы человека его высшим духовным началам. Определяющую роль в этом играет подчинение поступков, желаний и эмоций человека его разуму. В-третьих, в ходе этого процесса разум постепенно все более переключает внимание с внешних сторон бытия человека на его внутренний мир, его Я. Но это Я не замыкается на себе самом. Оно все время рассматривается как часть целого – микрокосма, соединенного с макрокосмом и существующего по законам целого. В-четвертых, согласно этой логике эволюция морали и эмоциональной стороны характера человека, приводя к усилению роли Я в его бытии, выражается не в выделении и обособлении Я по отношению к другим, а во все большем его единении с другими.

По мере того как низший разум человека развивает свои функции контроля, он также продельывает работу и по своему собственному развитию и совершенствованию. В силу этого он перерастает в высший, или чистый, разум. Различие между ними определяется следующим образом. Низший разум действует в мире материи. Этим он ограничивает проявления Я, привязывая мысли к материальному миру и ограничивая их деятельность переработкой чувственного опыта. Поэтому низший разум оперирует конкретными мыслями и пользуется в качестве метода логикой, постигая истину с ее помощью.

Чистый разум оперирует абстрактными мыслеобразами, идеями и их первообразами, т. е. он имеет дело с формами и на более высоких ступенях развития с чистым содержанием. Здесь разум работает в своей собственной сфере, поэтому в качестве метода он использует интуицию, постигая истину сразу. Именно на этом уровне развития сознание человека оперирует научными и философскими понятиями, постигает красоту в искусстве. Поскольку интуиция берет начало от духовного Я и она есть энергия, направляемая духовным Я, то чистый разум управляется духовным началом человека. «Интуиция же берет начало от духовного “Я” и является энергией, льющейся наружу чтобы удовлетворить требования извне, энергией, направляемой духовным “Я”, сильной, спокойной, целенаправленной. До тех пор пока природа не будет полностью уравновешена, для различения порыва и интуиции требуется спокойное обдумывание, и при этом непременно является некоторое промедление, при таком обдумывании порыв утихает; интуиция в таких случаях становится отчетливее и сильнее; спокойствие позволяет низшему уму услышать ее и почувствовать ее невозмутимую настоятельность» [5, с. 226].

Деятельность чистого разума, согласно теософии, снимает ограничения с Я (и, значит, выходит за пределы его чувственного опыта) благодаря тому, что протекает в ментальной сфере, которая в силу единства микрокосма и макрокосма связывает Я человека с Я Вселенной, с разумом всего космоса. Поэтому она характеризует эти мысли как мыслеволны, мысле-образы без слов. Она описывает эти образы как молнии или потоки света, которые переходят в цветовые потоки и гармоничные мелодии, не передаваемые адекватно словами человеческой речи. Из этих образов человек черпает первообразы идей, которые затем обретают форму и воплощаются в словесные образы и действия человека.

Характеризуя эти мысле-образы как невыразимые словом, теософия этим указывает, что они выходят за границы социокультурного поля. Ведь культура всегда связана с языком, который является универсальным способом ее существования. Поэтому мысле-образы без слов выводят человека либо в сферу непознанной, не-

очеловеченной природы, либо к тем первоначальным слоям культуры, когда существовали иные формы языка, чем человеческая речь.

По сути, в этом случае работа сознания человека рассматривается по аналогии с тем, как действует свет в природе. А. Безант в одной из своих поздних работ прямо апеллирует к научным данным: «...в мире физическом вы можете, в буквальном смысле, получить звук из цвета, который и есть свет» [2, с. 83]. Для нас это сегодня понятно и доступно благодаря технологиям цветомузыки и т. п. Но она обращает внимание на то, что процессы, происходящие в природе, имеют аналоги во внутреннем мире человека. «Слово физического плана передается на плане астральном как известная световая окраска» [2, с. 54]. В подтверждение этого она приводит факты существования в Древнем Египте особых книг, написанных разноцветными красками, а не буквами. При этом отмечается, что «... сознание, имеющее дело с такими образами, действительно не может опираться на логику и должно обладать какими-то иными способами их постижения» [2, с. 55]. Здесь напрашивается аналогия между деятельностью нервной системы человека и его сознания и принципом работы цветного телевизора, где электромагнитный световой сигнал трансформируется в звуковой и цветовой образ в синхронной картинке на экране.

Чистое мышление наиболее ярко проявляется в высшей математике. Разум математика, ученого имеет здесь дело только с формами, и его не заботит содержание этих форм. Но оперирование этими формами вскрывает фундаментальные законы природы. Близка к этому деятельность философа, который стремится наполнить такие формы содержанием, ведя поиск их значения и ценности, постигая сущность мира и бытия в нем человека концептуально.

Таким образом, представления теософии о чистом разуме приводят нас к выводу, что духовное развитие человека связано не только с развитием познания посредством накопления все более полных и глубоких знаний о мире, но и с развитием его мышления, сознания. Оно требует не только чисто технологического, инструментального расширения его познавательных возможностей. Развитие духовности – это непрерывная работа по развитию самого мышления, сознания. Это раскрытие их возможностей, скрытых способностей, позволяющих двигаться от познания многообразия мира к постижению его единства. Не случайно теософия выделяет ту мысль, что «...изучающий должен твердо помнить тот факт, что поднятие по ступеням эволюции означает не перемещение с места на место, а все более утончающуюся способность воспринимать впечатления» [2, с. 83–84]. Можно трактовать это как необходимость все более утонченного восприятия того, что происходит в мире и внутри себя.

Вершины, до которых может подняться в своем духовном развитии человеческая душа, описываются в характеристике духовно развитого человека. Его ментальное тело делается отзывчивым на высшие интеллектуальные проявления, на тонкие вибрации, идущие от воплощенной в искусстве красоты, на чистые колебания высших эмоций. Такое ментальное тело дает возможность Мыслителю, облаченному в него, проявляться гораздо полнее во всех трех мирах... поле доступных ему вибраций сильно расширяется и достигающие до него воздействия из более высокой мировой области формируют его в более благородную и тонкую организацию» [2, с. 90].

Достигнув вершин духовного развития, человеческая душа сливается с духовной душой, вступая в мир духа, духовную сферу. На этот уровень духовного развития человек выходит двумя путями: посредством перевоплощений или целенаправленным ускорением эволюции своего сознания с помощью специальных техник.

Идея перевоплощений, привнесенная теософией из восточных доктрин, используется ею для объяснения нескольких моментов духовного развития человека. На ее основе развивается тезис о непрерывности жизни, ее продолжении после смерти. Смерть лишает человека его физического тела, освобождая человеческую душу от его ограничений. В результате она возносится в верхний слой ментальной сферы – Девакан (небо, страна богов).

В описании Девакана мы находим соединение христианских идей о загробном мире и идей восточных учений о реинкарнации, перевоплощении души. Но в отличие от религиозных учений, представления которых о небесной жизни носят императивно-оценочный характер, теософские представления являются частью той картины цикла человеческого бытия, который она создает.

Девакан существенно отличается от небесного мира христианства с его разделением на чистилище, ад и рай, хотя он тоже организован иерархично. Попадая на небо, человеческая душа переживает не суд за свою земную жизнь, а осуществляет переработку накопленного ею опыта земной жизни.

Девакан так же обитаем, как и небесный мир христиан. Но если последний населен, наряду с человеческими душами, ангелами, архангелами и другими бестелесными существами, то Девакан теософов – человеческими существами, лишенными своих физических и астральных тел. К числу этих человеческих существ относятся не только те, кто пребывает здесь после смерти до нового рождения, но и дэвы (разумные духовные сущности) и Учителя человечества, и Великие Посвященные и их ученики, к числу которых относятся ангелы и архангелы христиан. Их назначение – помогать эволюции человечества. Вот, например, как характеризуются дэвы. «Это – умы, достигшие высокой степени духовного развития; они менее связаны, нежели люди, которые появятся впоследствии... они являются в качестве живых агентов силы творящей и способны построить Космос, подчиняясь этой направляющей и координирующей силе... На самом же деле Дэвы поистине стоят за каждым кажущимся явлением и управляют им. Мы же называем их действия естественными Законами природы» [2, с. 45].

Сравним это с описанием того, что делают Учителя, Посвященные и их ученики, пребывая в высших областях Девакана. «Именно из этого мира высочайших ментальных сил Учителя распространяют свою благотворительную деятельность на пользу человечества, проливая потоки благородных идей, вдохновляющих мыслей, молитвенных стремлений, потоки духовной и интеллектуальной помощи людям» [4, с. 84]. Все эти духовные существа не допускают в Девакан горе и зло и помогают человеческой душе переработать накопленный материал земной жизни.

В чем заключается эта переработка? Прежде всего человеческая душа получает возможность взглянуть на свою земную жизнь со стороны, извне. В результате меняется оценка реальности. Становится понятным, что реальность, с которой человек имел дело в земной жизни, была сформирована его ограниченными возможностями, в первую очередь его взаимодействием с миром и тем чувственным опытом, который он получал в процессе этого взаимодействия. Разум, интеллект, призванные обрабатывать чувственный опыт и поставленные на службу взаимодействия с эмпирическим миром, также ограничивались решением этих задач. Всё, что человек осваивал практически и познавателью в пределах этих ограничений, рассматривалось им как реальность, присущая миру в целом.

Изменение состояния (освобождение от физического тела) и своей позиции как наблюдателя (не изнутри, а извне) приводит к пониманию иллюзорности земной реальности.

В данном случае теософия привносит в западный менталитет восточную трактовку иллюзорности земного мира и земной жизни. Адаптация к ней нелегка для западного менталитета, поскольку натывается на различие в понимании смысла

термина «иллюзия». Для европейца иллюзия – это оторванность от реальности, игра воображения, фантазии, обман. Жить иллюзиями – это значит жить в воображаемом мире. Фактически иллюзия – это одна из форм заблуждений человека, то, что присуще ему как субъекту. Реальность же есть характеристика самого мира, то, что в качестве объекта дано субъекту.

В восточных учениях иллюзия (майя) понимается иначе. Она рассматривается как характеристика самого физического мира, в котором живет человек. Иллюзия есть следствие наложения человеком на бесконечный и безграничный мир своих собственных ограничений. Ограничивая его своими практическими и познавательными возможностями в физическом мире, человек создает иллюзии, которые скрывают от него эту реальность. Иначе говоря, иллюзия – это форма, в которой реальность познается человеком в физическом мире. Именно в этом значении теософия употребляет понятия «реальность» и «иллюзия». «Мы живем посреди всевозможных иллюзий, испытывая при этом ощущение реальности, и это дает нам удовлетворение. В Девакане мы будем также окружены иллюзиями, – хотя... эти иллюзии будут на две ступени ближе к действительности» [2, с. 99]. Поэтому теософия проводит тезис о том, что, освобождаясь последовательно от своих тел, человек приближается к реальности, чистому бытию.

В Девакан человек приходит освобожденным от своего физического тела, а в нем он освобождается сначала от своего астрального, а затем и ментального тела. Вместе с этим человек отбрасывает все преходящее в его жизни, что было связано с животным и эгоистическим началом. А все бескорыстное, возвышенное, чистое, что было в его земной жизни, перерабатывается в те качества и способности, с которыми душа придет к новому рождению. «Жатва, пригодная для питания и претворения в Девакане, состоит из всех чистых мыслей и эмоций, зарождаемых в течение земной жизни, всех умственных и нравственных усилий и стремлений, всех воспоминаний о бескорыстном труде на пользу ближних, всего, что может быть введено в душевный строй и, следовательно, может служить развитию души» [4, с. 97].

Благодаря этому развиваются ум и сердце человека, в них происходит рост добра и красоты. «Жизнь в Девакане вовсе не блаженный сон в стране цветов и не бесцельная праздность; это – страна, в которой ум и сердце развиваются, свободные от грубой материи и от мелочных забот, где выковывается оружие для беспощадных земных битв и где обеспечивается прогресс будущего» [4, с. 102].

Весь опыт, почерпнутый из прожитой жизни, остается в памяти, которая хранится в «пребывающем теле», неразрушимой части души. Те качества и способности, которыми обогатится душа при переработке накопленного опыта, будут определять ее жизнь в новом рождении. Например, «...люди, сердца которых обращались к Богу на земле, вернутся с сильно выраженной способностью бескорыстной любви» [4, с. 105]. А людей, которые «...отдавали всю свою энергию высшей умственной и нравственной жизни, ждет в новом рождении великая судьба, ибо они приобретут способность укреплять добро и побеждать зло» [4, с. 108–109].

Люди попадают в Девакан с разным опытом земной жизни и разным багажом. Но иерархическая структура Девакана приспособлена к этому. В зависимости от степени духовного развития человеческие души располагаются на семи сферах, подпланах Девакана.

Наименее духовно развитые души пребывают на низших сферах и воспринимают все происходящее на уровне бессознательного. Души, наиболее духовно развитые, быстро освобождаются от своих астрального и ментального тел и пребывают в высших подразделах Девакана в той мере самосознания, которого суме-

ли достичь. Они имеют возможность непосредственно взаимодействовать с великими душами Посвященных и Учителей.

На этих высших сферах Девакана, где душа освобождается от ментального тела, существование лишено форм (агира). Благодаря этому она не только погружается в океан божественной мудрости, соединяя свою волю с волей, руководящей миром, но и постигает, осознает единство всего живого. Все живое едино, потому что его сущность, монада, – божественный луч из первого логоса. И только погружение каждой монады в оболочки, тела приводит к их дифференциации и разнообразию. Когда же монады освобождаются от своих оболочек, то они, как божественные лучи, вновь соединяются со своим первоисточником и друг с другом. И тогда духовная душа сливается с духом.

Сфера духа только начинается Деваканом. Далее она охватывает четвертую и пятую сферы Вселенной – Буддхи и Нирвану. В сфере Буддхи монада приводит в действие свое духовное тело, тело буддхи, которое еще характеризуют как тело блаженства. Это «тело неизреченной радости и красоты, в котором Мыслитель восстает, сбрасывая с себя все ограничения, чтобы найти себя как бессмертную индивидуальность и в то же время как единое со всем, что живет и дышит» [4, с. 116].

Благодаря существованию в этом теле душа постигает совершенное единение Я со всем. Это единение характеризуется двумя существенными моментами. Во-первых, человек видит во всех существах как бы самого себя. Во-вторых, чувство единства ведет к тому, что он изливает свою силу в пользу каждого, кто нуждается в помощи. Результатом такого единения является Братство всего живого.

Представления о Братстве в теософии включают следующие положения.

1. Признание единого Я, пребывающего во всем. «Сознание этого внутренне-го единства, признание единого Я, пребывающего во всем, есть единственное неизблемое основание братства; все остальное изменчиво» [4, с. 119].

2. Братство есть единство, совершенное согласие Я и других, что характерно прежде всего для сферы духа. Иначе говоря, в сущности – это духовное братство. «Нам нечего создавать братство, оно уже существует. Нам нужно только привести наши жизни в согласие с ним, если мы хотим, чтобы дела наши не погибли. <...> Этот мир есть выражение духовных сил, и они-то и являются теми руководящими и формирующими энергиями, которые все проникают и медленно, но верно подчиняют себе все сущее. Поэтому-то братство как духовное явление несравненно более реальная вещь, чем всякая внешняя организация» [4, с. 121].

3. Признавая единство, общность живого, Братство признает и его различие по уровню развития. «Слово “братство” заключает идею одинаковой крови и неодинакового развития; поэтому-то оно и представляет истинное звено между всеми созданиями вселенной – единство сущности жизни и различие в ступенях, достигнутых проявлениями этой жизни» [4, с. 120].

4. Братство играет важную роль в духовной эволюции человека. Оно обеспечивает право слабого на помощь и любовное покровительство. Оно перераспределяет силы, энергию для поддержки наиболее быстро эволюционирующих индивидов. Братство избавляет человека от одиночества, давая ему поддержку и чувство взаимопонимания.

5. Братство как единение Я с другими позволяет человеку более полно осознать свою сущность и свою индивидуальность, себя как личность.

Его сущность – это монада, высшее, бессмертное Я. А монада есть божественный луч первого логоса, тождественный по природе ему и другим монадам, истекающим из него, как лучи. Следовательно, сущность всего живого, всех людей тождественна. Разъединяющим началом в человеке выступает его интеллект, который, позволяя человеку осознавать самого себя, различая Я и не-Я, создает его индивидуальность. Таким образом разум индивидуализирует божественное Я.

В свою очередь индивидуальность, как актер, исполняющий разные роли, проявляет себя в низших сферах как личность. Постигая единство, человек познает истинную любовь и достигает мудрости.

Освоив сферу буддхи, человек освобождается от колеса перевоплощений: рождения и смертей. Он переходит в состояние нирваны и сферу Нирваны – сферу чистого бытия. Здесь он обретает свободу и достигает цели жизни. Здесь человек сливается с логосом, проявившемся во Вселенной. Жизнь логоса – это дух, и, сливаясь с ним, человек начинает служить инструментом, проводником его воли, способствуя эволюции человечества и Вселенной. Монада как высшее Я человека возвращается к своему источнику, пройдя весь путь своего проявления, воплощения во всех сферах Вселенной.

Но человеческая эволюция идет очень медленно. И до этих границ человеческого поднимаются лишь немногие. Большинство человеческих душ проходит многократные циклы воплощения в ментальное, астральное и физическое тела, пока не достигнет того уровня духовного развития, который позволит им осознанно существовать в сфере духа. Поэтому, заканчивая свое пребывание в Девакане, душа готовится к новому рождению посредством формирования своего нового ментального и астрального тел, обладающих сформировавшимися качествами и способностями. Подбирается семья, условия жизни. И в пренатальный период, когда формируется тело ребенка, душа с ним соединяется. Из Девакана душа возвращается на Землю с более зрелым сознанием, более действенной силой и уяснением цели жизни и путей ее достижения.

Кроме рассмотренного пути духовного развития теософия выделяет и другой путь. Идя им, человек может ускорить свою духовную эволюцию и выйти в сферы Буддхи и Нирвану в условиях земной жизни. Для этого используются восточные техники медитации, и особенно йоги, которые позволяют человеку настолько развить свое тело и сознание, чтобы посредством их осуществлять выход в эти высшие сферы.

Задачи, которые выполняет йога по отношению к телу, многозначны. Во-первых, полностью подчинить тело, его потребности и желания воле и разуму человека. Во-вторых, развивая тело, сделать его способным воспринимать все более тонкие вибрации, быть более чувствительным к внешним воздействиям. В-третьих, тело должно помогать ускорению развития сознания человека. Это достигается способностью тела ограждать сознание от контактов с внешним миром и погружать его внутрь Я.

Решая эти задачи, йог учится управлять как силами тела, так и психическими энергиями и своими мыслями. В результате он добивается того, что его мысли, чувства и эмоции ориентируются на взаимодействие с его высшим Я, а не с внешним миром. Благодаря этому его сознание быстро эволюционирует. Оно расширяется, выходя в своем функционировании за пределы бодрствующего сознания, обслуживающего освоение человеком внешнего мира на основе чувственного опыта.

В чем заключается расширение сознания? Теософия обосновывает это так. Эволюция везде протекает принципиально одинаково. Те же законы, по которым строилась Солнечная система, управляют и построением человеческого организма. В нем заключено то же Я, что и во Вселенной. Поэтому «...любые возможности, которые проявляются где бы то ни было в мире, в зародышевой форме и латентном состоянии имеются и в человеке» [4, с. 12].

Следовательно, сознание, обращенное внутрь к своему высшему Я, оказывается способным постигать то, что происходит во Вселенной. Сознание расширяется по мере того, как его проводниками становятся не только физическое, но и ментальное и астральное тела. А как только его проводником становится пребы-

вающее тело, человек осознает свое прошлое и будущее. Когда же сознание достигает буддхи-сферы, человек осознает свое единство со всем, он превращается в богочеловека и вступает на путь ученичества.

Путь ученичества – это путь человека к воссоединению с первоначалом, в сферу чистого бытия, Нирваны, где он будет бескорыстно служить человечеству, руководствуясь основными законами существования Вселенной. На этом пути его сознание развивается до уровня турайя, когда оно объемлет весь мир, достигая единства с логосом.

Таким образом, мы видим, что теософия представляет духовный мир как «...мир духовных сил, которые есть руководящие, формирующие энергии, которые все проникают и подчиняют себе все сущее» [2, с. 120]. Рассматривая духовное как силы и энергии, она одновременно характеризует его и как проявление божественного.

Духовное развитие человека предстает составной частью человеческой эволюции. Дух рассматривается как источник высшего Я человека, монады. Исходя из него, монада облекается в различные тела, воплощаясь во Вселенной. Задача духовного развития человека – вернуться к своему источнику, проявляя скрытые внутри себя силы и энергии и овладевая своими телами. При этом духовное развитие рассматривается как формирование высокой нравственности человека, развитие чувства красоты, развитие интеллектуальных сил человека до их перерастания в мудрость и достижение совершенства.

Но своеобразие концепции духовного в бытии человека, предложенной теософией, заключается все-таки в другом. Она предлагает рассматривать феномен духовного в рамках предельно широкой системы «человек – Вселенная, космос», находя в этой системе основания для различных форм духовного.

Сегодня, когда человек по-новому осознает и выстраивает свои взаимоотношения с природой, когда взаимодействие общества и природы породило глобальные проблемы современности, ставящие под угрозу жизнь человечества, этот подход приобретает смысл для поиска дальнейших путей развития человечества.

Представляет интерес рассмотрение теософией становления духовных форм жизни человека исходя из его собственной природы, а не потребностей общества. Это не отменяет их социокультурную детерминацию, но раскрывает другие – внутренние детерминанты, действующие наряду с ней.

Теософия дает возможность более конкретно и детально представить себе внутренний мир и внутреннюю жизнь человека. Раскрывая их механизмы, она описывает формы контроля и управления как состояниями внутреннего мира, так и его развитием. Духовное развитие человека предстает не просто как достижение им личного совершенства. Совершенство, к которому приходит человек, согласно теософии заключается в его единении со всеми, когда он сам живет, поддерживая гармонию внутри и вокруг себя, и помогает это делать другим.

Теософия, несомненно, внесла свою лепту в стимулирование научного исследования духовного развития человека тем, что связала воедино духовное развитие и расширение сознания. Психология, начиная с исследований бессознательного З. Фрейдом и К. Юнгом, заглянула за пределы бодрствующего сознания и открыла возможность осознания человеком своего прошлого. Трансперсональная психология еще более расширила сферу изучения сознания, выявив память человека о своей пренатальной жизни и возможность «путешествия» сознания в те части Вселенной, которые не похожи и необычны по сравнению с нашим привычным миром.

Если воспользоваться излюбленным методом теософии – аналогией между тем, как человек осваивал внешний мир, и тем, как он изучает самого себя, – то мы придем к любопытным выводам.

Основные этапы развития человеческой цивилизации связаны с последовательным переходом от освоения вещества природы к освоению природных энергий, а сегодня – информации. По сути, такую же последовательность выстраивает теософия для изучения человека. Управление его физическими силами позволяет перейти к контролю над психическими энергиями, а вслед за ними – над ментальными процессами, т. е. работой сознания с информацией. В главном это совпадает с логикой развития наук о человеке, особенно психологии.

Рассмотрение духовности человека в контексте «человек – Вселенная» более однозначно и четко вырисовывает назначение человека и его место в этой эволюции как основной самосознающей и организующей силы, обеспечивающей сохранение жизни и существование Вселенной. К подобным выводам на основе научных исследований пришли и В. И. Вернадский, и Н. Моисеев, и представители философской антропологии, философии русского космизма.

Это позволяет сделать вывод, что теософия по-своему выразила реальные процессы и стимулировала развитие познания в данном направлении.

Литература

1. Андрюхина Л. М. Стиль науки: культурно-историческая природа. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992.
2. Безант А. Алхимия духа. – М. : Сфера, 2000.
3. Безант А. Введение в йогу. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2000.
4. Безант А. Древняя мудрость. – М. : СП «Интеграф Сервис», 1992.
5. Безант А. Исследование сознания. – М. : Веклер, 1997.
6. Безант А. Йога сутры Патанджали. Йога. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2000.
7. Двадцать лекций по философии. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001.

Olga Vladimirovna Korkunova,

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of Philosophy and History Department,
Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg)

Spirit and the Spiritual Development of Man from the Standpoint of Theosophy

The article examines the concept of spirit and spiritual development of man in theosophy as esoteric teaching. Attention is paid to the interpretations of the spirit gradations. The internal determination of human spiritual development is shown as it is in theosophy. The article reveals the influence of the ancient East doctrines on theosophy and shows the theosophy views on morality and moral behavior of a person. The way that theosophists use to manage the desires and emotions of a person is demonstrated as well as their interpretation of the man's achievement of both pleasures and sufferings.

Keywords: religion; theosophy; spirit; reason; morality; ideal; reality; illusion.

Понимание магии: интегративный подход в творчестве Д. В. Пивоварова

Актуальность темы настоящего исследования связана с необходимостью интеграции множества подходов и методов объяснения магии в некий творческий синтез. Статья посвящена специфике интегративного подхода к пониманию магии, который имплицитно содержится в творчестве Д. В. Пивоварова. Данный подход, на наш взгляд, является логическим следствием синтетической концепции культуры, который он разрабатывал. Методы исследования: аналитический, синтетический, герменевтический и феноменологический; их комплексное применение на основе интегративного подхода позволяет всесторонне рассмотреть роль магии в истории культуры.

Ключевые слова: Д. В. Пивоваров; «естественная магия» и развитие новоевропейской науки; интегративный подход к пониманию магии; синтетическая концепция культуры.

Тема данной статьи связана, прежде всего, с дальнейшим развитием синтетической концепции Д. В. Пивоварова посредством применения ее положений к анализу первой формы культуры, а именно магии. Подход к пониманию магии, который он развивал в своих работах, может быть назван *интегративным*.

Д. В. Пивоваров утверждал: «Тайна культуры – в порождающей ее религии» [3]. Рассматривая три модели роли религии в культуре, он отмечал, что *религиозно-хозяйственная* модель в культуре обладает наибольшей объяснительной ценностью. «Согласно этой “религиозно-хозяйственной модели”, генотипом культуры является единство религиозных идеалов и экономических архетипов, признанное определенным сообществом людей. Это единство не является простой суммой религиозных или экономических идеалов, но представляет собой новое качество, не сводимое ни к духовному бытию, ни к материальному существованию» [5, с. 264–265]. Магия, особенно первобытная магия, является своеобразным сочетанием грубой утилитарности, практичности и стремления человека вырваться за пределы наличного существования. Можно сказать, что магия изначально представляла собой интегративный феномен культуры.

Говоря об *интегральности* в понимании магии, следует отметить, что в науке нет какой-то единой классификации различных подходов. Различие точек зрения зависит от позиции исследователя. Так, Е. А. Попов выделял три основных подхода к интерпретации феномена магии в западной философии: функционализм, социологизм и структурализм. Первое из этих направлений представлено именами Э. Тайлора, Дж. Дж. Фрэзера и Б. Малиновского; социологический подход к пониманию магии представлен, прежде всего, в творчестве Э. Дюркгейма и М. Мосса; основным представителем структурализма является К. Леви-Строс (см.: [8]). Все вышесказанное выглядит вполне логично, за исключением двух моментов: во-первых, этих исследователей трудно отнести к философам (только если не понимать философию в самом широком смысле этого слова); во-вторых, триадная

* **Екатерина Анатольевна Батюта**, канд. филос. наук, директор Центра практической психологии и психоанализа Института по переподготовке и повышению квалификации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: yekaterina-anat@mail.ru

** **Елена Валентиновна Белоусова**, канд. культурологии, доцент кафедры философии, биоэтики и культурологии, Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург)

E-mail: elena-valentinovna@mail.ru

схема, на наш взгляд, не учитывает всего разнообразия теоретических концепций магии.

Например, Б. Малиновский утверждал, что миф призван не объяснять, а подтверждать, укреплять любой вид власти; соответственно, главной функцией магии он назвал *культуротворческую* (традиционную) *функцию*. Подчеркивая грубо-утилитарный характер первобытной магии, Б. Малиновский показывает ее связь с реальной жизнедеятельностью людей. Однако основную функцию магии определяли в своих концепциях исследователи, не относящиеся к школе функционализма. К. Леви-Строс считал главной функцией мифа, прежде всего, *объяснительную функцию*, а главной функцией магии – «*сенаторскую*» *функцию* высшего посредника между человеческим интеллектом и миром. Системный анализ магии позволил раскрыть социально-психологический механизм воздействия магии на отдельного индивида и группу людей. Но, подчеркивая значение магии в изобретении великих искусств цивилизации, К. Леви-Строс не видел ее дальнейших перспектив в развитии культуры.

Ю. В. Старунова выделила сразу несколько подходов к магии: «Анализ научных, философских и исторических источников позволяет выделить в исследовании сущности магии несколько подходов: религиозный, оккультный, философский, психологический, антропологический и социологический» [9]. С одной стороны, столь широкая классификация позволяет дополнить научное изучение магии другими мировоззренческими интерпретациями, что может способствовать всестороннему пониманию феномена магии. С другой стороны, в таком случае трудно определить какой-то основной критерий классификации, кроме «ведомственного».

Наиболее серьезное аналитическое исследование данного вопроса, на наш взгляд, было проведено в статье О. Б. Христофоровой, которая, рассматривая антропологические подходы к магии, заключает: «Феномен колдовства служит своего рода лакмусовой бумажкой – на его примере хорошо видно, как одни теоретические и методологические подходы сменялись другими. На протяжении XX века колдовство рассматривалась и как мыслительная система, при помощи которой объясняют несчастливые события, и как психологический канал проекции негативных эмоций, и как показатель социальной напряженности и одновременно средство его ослабления, и как инструмент в политической борьбе. Мне хотелось бы подчеркнуть, что эти научные модели не исключают, а дополняют друг друга. И хотя разные исследовательские подходы педалировали то социальную сторону феномена колдовства (функционализм и неомарксизм), то символическую (структурализм, символическая, интерпретативная и «постмодернистская» антропология), очевидно, что при изучении этого феномена детерминизм невозможен, социальное и символическое в нем сосуществуют как реверс и аверс, две стороны одной медали» [10]. Таким образом, можно констатировать, что необходимость объединения исследовательских подходов к магии осознается в современной антропологии.

Сами маги называют четыре парадигмы объяснения магии:

- ✓ *спиритическую* (магия осуществляется посредством нефизических сущностей, в частности богов, духов или демонов);
- ✓ *энергетическую* (магия осуществляется посредством магической «энергии»);
- ✓ *психологическую* (человек предпринимает ритуальные действия просто для того, чтобы контролировать свои мысли и таким образом повышать уверенность в себе);

✓ *информационную* (рассматривает мир как своего рода компьютерную программу, информационную среду, которую маги перепрограммируют с помощью своего сознания).

Патрик Данн, из чьей книги взята данная классификация, замечает: «В конечном счете, все эти парадигмы – не более чем игры разума. *Магия – это игра: игра с символами, игра с представлениями о личности; игра с самой реальностью – как игра ребенка с глиной*» [1, с. 33–39].

В целом можно говорить о преобладании *эkleктического* подхода к пониманию магии в современной околонучной мысли. Возможно, это своего рода «копия копии» ситуации в науке, когда мы наблюдаем причудливое сочетание психоанализа, трансперсональной психологии, медитативных техник религиозно-философских учений Древнего Востока, шаманизма и квантовой механики и т. д. Пример такого подхода – статья А. И. Пигалева о гедонистической магии. Заявка делается не просто на некую психотехнику поиска ощущений и «духовных удовольствий», а на новую идеологию, альтернативную идеологии потребительского общества [7].

Пример научного *интегрализма* в понимании конкретно-исторической формы магии мы видим в творчестве Д. В. Пивоварова. Размышляя о революции в естествознании 1543–1687 гг., он утверждал, что мировоззренческое содержание новой науки с огромными трудностями рождалось в горниле противоречивого взаимоотражения принципов христианской философии, разнообразных неоязыческих учений и идей систематического эксперимента. Замечая, что искусство врачевания всегда было прямо или косвенно связано с магией и колдовством, он обращает наше внимание на учение Парацельса. Теофраст Бомбаст фон Гогнгейм (1493–1541), вошедший в историю под именем Парацельса, может быть рассмотрен как яркий пример подтверждения интегративного понимания магии. Д. В. Пивоваров писал: «Синтезируя элементы теологии, философии, астрологии и алхимии, Парацельс создал ятрохимию, т. е. лечебную химию, которая в дальнейшем доказала свою широкую практическую применимость. Например, опираясь на ассоциации железа с красной планетой и с Марсом (бог войны весь в крови и железе), ятрохимики успешно исцеляли больных анемией солями железа. Правильность подобного лечения сегодня подтверждена и обоснована научной медициной» [6].

Говоря о сциентистском культе «избранного ученого», Д. В. Пивоваров писал: «Принято считать, что наука рождается из магии, преодолевая ступени астрологии, нумерологии, алхимии и иных оккультных занятий. Отсюда логично предположить, что наука наследует ангельски-демоническую сущность магического колдовства. Маг стремится обрести власть над вещами и людьми, опираясь на хитрость своего разума и интуитивно визнавая тайные законы природы и общества. Суть мага – шаманизм, и творчество мага осуществляется средствами, неведомыми обычным людям. Маг не поклоняется духам, а приказывает им.

В отличие от прочих гениев, в научном гении, как в шамане, чудесным образом дополняют друг друга доброе и злое, высокое и низкое, душевно-здоровое и психопатическое. В культе “избранного ученого” парадоксально сочетаются ангельская и демоническая сакральность» [4]. Яркое тому подтверждение – это созданный Гете образ Фауста, сумрачного германского гения, а также реальная фигура сэра Исаака Ньютона.

Можно говорить о *синкретическом* характере и современной магии. Применительно к магии Интернета исследователи говорят даже о *холистическом* ее характере. Исследуя современный техногнозис, Э. Дэвис замечает: «Могущественная аура, которую продвинутые технологии излучают сегодня, проявляется не только из-за их новизны или мистифицирующей сложности. Она, кроме того, яв-

ляется следствием буквального воплощения виртуальных проектов, которого желали волшебники и алхимики старого времени.

Магия – это подсознательное технологии, ее собственное иррациональное заклинание. Наш современный технологический мир – это не природа, а вторичная природа, сверхприрода, и чем интенсивнее мы исследуем границы сознания и материи, тем больше плоды нашего разочарованного производства сталкиваются с риторикой «сверхъестественного» [2, с. 453].

Э. Дэвис полагает, что современные СМИ разжигают древний огонь магического и анимистического восприятия. Он пишет о подлинной магии сети Интернет, которая проявляется в растворении привычных нам тенденций разделения мира на отдельные и автономные зоны: внутри и снаружи, «я» и другой, онлайн и офлайн, машины и природа. Наш *феноменологический* опыт компьютера и глобальной Сети не может быть до конца сведен к механически-рациональному объяснению. Архетип Сети – это сеть Индры с мириадами мерцающих жемчужин, где в каждой отражаются все остальные. Сеть – это матрица, лоно, мать-материя, которая порождает всех нас, и эта матрица существовала всегда. Мистический материализм магии Интернета напоминает нам о матрице в «естественной магии» Парацельса.

Восприятие достижений техники на уровне обыденного массового сознания отражает феномен секулярной магии. Секулярная магия – магия, которая не предъявляет требований к сверхъестественному миру. Скорее, она связана с раскрытием сущностных сил самого человека. В частности, способности к изобретательству и творчеству.

Секулярная магия – это формы магии, существующие в современном обществе, являющиеся продуктом синтеза технологической рациональности и массового сознания. В качестве примеров современной секулярной магии можно назвать «магию НЛП», «магию кино», машинерию шоу-бизнеса, «магию рекламы» и др.

Литература

1. Данн П. Магия эпохи постмодерна. Искусство магии в информационном пространстве современной эпохи. – СПб. : ИГ «Весь», 2008.
2. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачининой, В. Харитоновой. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008.
3. Пивоваров Д. В. Культура и религия: три модели базиса культуры // Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 137–148.
4. Пивоваров Д. В. О сциентистском культе «Избранного ученого» // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – № 3 (16). – С. 88. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stsientistskom-kulte-izbrannogo-uchenogo>
5. Пивоваров Д. В. Философия религии : учебное пособие. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006.
6. Пивоваров Д. В. Языческие источники революции в науке 1543–1687 гг. // Общие проблемы философии науки : словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник ; отв. ред. О. Н. Дьячкова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 307–310.
7. Пигалев А. И. Гедонистическая магия против психологии аддиктивного поведения // Мир психологии. – № 4 (56). – 2008. – С. 23.
8. Попов Е. А. Философия магии: основные подходы // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 49. – С. 189–193.
9. Старунова Ю. В. Анализ теоретических подходов к исследованию сущности магии // Аналитика культурологии. – 2008. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-teoreticheskikh-podhodov-k-issledovaniyu-suschnosti-magii> (дата обращения: 02.11.2018).

10. Пространство колдовства : сборник статей / сост. О. Б. Христофорова ; отв. ред. С. Ю. Неклюдов. – М. : РГГУ, 2010. – (Серия «Традиция-текст-фольклор: типология и семиотика»). – С. 6–7, 25–26.

Ekaterina Anatol'evna Batyuta,

Candidate of Philosophy, Director of the Center for Practical Psychology and Psychoanalysis, Institute for Retraining and Advanced Training, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Elena Valentinovna Belousova,

Candidate of Culturology, Associate Professor at the Chair of Philosophy, Bioethics and Culturology, Ural State Medical University (Ekaterinburg)

Understanding Magic:

Integrative Approach through D. V. Pivovarov's Works

The topicality of this study is determined by the need to integrate a variety of approaches and methods explaining magic in a creative synthesis. The article examines the specifics of the integrative approach to understanding magic, which is implicitly contained in the works of D. V. Pivovarov. This approach, in our opinion, is a logical consequence of the synthetic concept of culture, which he had developed. The research methods are analytical, synthetic, hermeneutic and phenomenological ones, and their complex application based on integrative approach allows considering the role of magic in the history of culture more comprehensively.

Key words: D. V. Pivovarov; "natural magic" and development of new European science; integrative approach to magic; synthetic concept of culture.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Права человека в условиях вызовов, угроз, рисков XXI века (обзор материалов конференции)

1 октября 2018 года в конференц-зале Правительства Свердловской области (г. Екатеринбург) состоялась Международная научно-практическая конференция «Права человека в условиях вызовов, угроз, рисков XXI века». Организаторами конференции выступили Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, Свердловское региональное отделение Ассоциации юристов России, Совет Уральской школы прав человека, Свердловское региональное отделение Российской ассоциации политической науки, юридический факультет Гуманитарного университета. Конференция была включена в программу традиционного ежегодного Международного форума «Юридическая неделя на Урале».

В конференции приняли участие более 300 представителей образовательных организаций и общественных объединений, органов государственной власти Свердловской области. Среди участников можно отметить обучающихся (бакалавров, магистров, аспирантов) и преподавателей Гуманитарного университета (далее – ГУ), Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (далее – УрФУ), Уральского государственного педагогического университета (далее – УрГПУ), Уральского государственного экономического университета (далее – УрГЭУ), УрИУ РАНХ и ГС, Уральского государственного юридического университета (далее – УрГЮУ), руководителей студенческих правовых консультаций – юридических клиник ряда свердловских вузов, др.

По поручению оргкомитета с приветствием к участникам конференции обратился доктор юридических наук, профессор, завкафедрой публичного права, декан юридического факультета Гуманитарного университета, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция) **А. П. Семитко**.

После открытия конференции профессор А. П. Семитко совместно с ведущей кафедрой прав человека, директором Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, доктором политических наук, профессором, председателем Свердловского РО РАПН **С. И. Глушковой** выступили в качестве модераторов пленарного заседания.

Конференция была посвящена двум юбилейным датам, которые отмечаются, прежде всего, юридическим сообществом и правозащитниками: в декабре 2018 года исполняется 25 лет Конституции Российской Федерации и 70 лет Всеобщей декларации прав человека. Это во многом определило состав приглашенных спикеров конференции и тематику докладов, а также содержание дискуссий в процессе обсуждения докладов на конференции.

С первым пленарным докладом выступил председатель Уставного Суда Свердловской области (далее – Уставный Суд), канд. юрид. наук, доцент **В. Ю. Пантелеев**, который представил подробный, обстоятельный анализ современного состояния защиты прав и свобод человека в России (научная статья по итогам доклада размещена в данном номере «Вестника Гуманитарного университета» и может быть отдельно изучена читателями). Выступление председателя Уставного Суда

* **Ирина Николаевна Литвинова**, канд. юрид. наук, доцент, советник Уполномоченного по правам человека в Свердловской области (г. Екатеринбург).

** **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, профессор, завкафедрой прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

В. Ю. Пантелеева вызвало много вопросов и активную дискуссию участников конференции по вопросам соблюдения, обеспечения и защиты прав и свобод человека в России в целом и в Свердловской области в частности.

Генеральный секретарь Урало-Сибирской Федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО **Д. Н. Васьков** обратил внимание в своем докладе «Цели в области устойчивого развития: время действий» на основные направления деятельности ООН и такого специализированного учреждения ООН, как ЮНЕСКО. Так, он отметил, что 1 января 2016 года официально вступили в силу 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития, которые были приняты мировыми лидерами в сентябре 2015 года на историческом саммите Организации Объединенных Наций. В течение предстоящих 15 лет, за которые должны быть достигнуты эти универсально применимые новые цели, страны активизируют усилия, направленные на искоренение нищеты во всех ее формах, борьбу с неравенством и решение проблем, связанных с изменением климата. Разумеется, как считает Д. Н. Васьков, столь масштабные и амбициозные цели и задачи едва ли могут быть достигнуты без партнерских связей на местах. Поэтому ООН призывает всех желающих изменить наш мир к лучшему присоединиться к благородному плану действий и начать работу прямо сейчас. Выступление Д. Н. Васькова заинтересовало, прежде всего, студенческую часть участников конференции. Ряд бакалавров и магистров свердловских вузов задали, например, следующие вопросы: 1) насколько ООН и международное сообщество может предотвратить угрозы правам человека в современном мире, 2) как изменились представления о международной защите прав человека под влиянием миграционного и других кризисов, которые переживает в XXI веке человечество, 3) какова роль и назначение ЮНЕСКО в современном мире, и др.

Профессор Уральского федерального университета (УрФУ), канд. филос. наук **Н. К. Эйнгорн** посвятила свое выступление анализу значения Всеобщей декларации прав человека в современном мире, в частности эτικο-правовому аспекту Декларации. Она отметила, что уже 70 лет сохраняет свой авторитет и общечеловеческую ценность Всеобщая декларация прав человека, которая, по сути своей, является всемирным эτικο-правовым документом. Концептуальной осью Декларации стала проблема человеческого достоинства, акцентированная уже в Преамбуле Декларации как «основа свободы, справедливости и всеобщего мира». Так, в статье первой Декларации утверждается, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Это утверждение может быть интерпретировано как провозглашение презумпции человеческого достоинства. Термин «презумпция», используемый как общенаучный и общекультурный, означает безусловное опережающее признание чего-либо. Признание презумпции человеческого достоинства, как считает Н. К. Эйнгорн, позволяет в каждой статье Декларации открывать новые смыслы и ценности и понимать право, его социальную и моральную ценность как «защиту от всех видов произвола» (С. С. Алексеев). В условиях современных вызовов, угроз и рисков признание и соблюдение презумпции человеческого достоинства является спасительным для человека и общества. Выступление философа Н. К. Эйнгорн вызвало большой интерес и юристов, и представителей других сфер научного знания, и в целом преподавателей, студентов, практикующих юристов. Обращение к этике, морали, нравственности должно звучать все чаще, активнее и громче в наше время (прежде всего, в студенческой аудитории, в СМИ, др.). Вопросы соотношения права и нравственности, политики и морали, этики и права особенно важно осмысливать и обсуждать с молодежью в современном мире, в котором во многом постепенно утрачиваются доминантные нравственные ценности, нередко публично или латентно попираются нормы морали и этические нормы.

Вопросы защиты прав человека в суде с участием прокурора подробно и тщательно рассмотрела на пленарном заседании конференции начальник отдела по обеспечению участия прокуроров в гражданском процессе прокуратуры Свердловской области, старший советник юстиции **А. В. Данилова**. Уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности личности обстоятельно проанализировала в своем пленарном докладе д-р. юрид. наук, профессор УрГЮУ, проректор по учебной работе Гуманитарного университета **З. А. Незамова**. Перспективы смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства представил канд. юрид. наук, доцент УрГЮУ, адвокат **В. В. Рудич**. Все указанные выступления вызвали много вопросов и активную дискуссию участников конференции.

Советник Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, канд. юрид. наук, доцент **И. Н. Литвинова** выступила с пленарным докладом «Право на экологическую информацию: от секретности к открытости». Она отметила, что Конституция Российской Федерации в ст. 42 неразрывно связывает три права каждого: права на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Право на информацию является основополагающим правом личности и закреплено в ст. 19 Всеобщей Декларации прав человека. Российская Конституция не только в наиболее общем виде провозгласила право граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29), но и закрепила положение о том, что каждый гражданин имеет право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

И. Н. Литвинова обратилась в своем докладе к истории развития природоохранного законодательства и показала этапы, по которым можно проследить, как открывался гражданскому обществу доступ к экологической информации – от секретности к открытости. Так, в СССР вся экологическая информация считалась стратегической, имеющей оборонное значение, поэтому населению выдавался минимум сведений о состоянии окружающей среды. Конечно, в советский период существовала система государственных органов по охране природы (Госкомитет по гидрометеорологии и контролю окружающей среды, соответствующие службы ведомственного контроля, которые отслеживали экологическую ситуацию в районах размещения промышленных и добывающих предприятий), однако практически вся информация о состоянии окружающей среды имела гриф «ДСП» (для служебного пользования).

Докладчик обратила внимание участников конференции на проблемы, связанные с реализацией права на получение экологической информации, возникающие на современном этапе, когда государством были сделаны колоссальные шаги по рассекречиванию информации о состоянии окружающей среды и вредных факторах, влияющих на ее качество. Одна из серьезных проблем кроется в том, что в российском законодательстве нет определения понятия «экологическая информация», что чрезвычайно важно для применения ст. 7 Федерального закона «О государственной тайне», запрещающей держать в секрете от общества любую информацию о состоянии экологии, и ст. 5 Федерального закона «О коммерческой тайне», не допускающей засекречивания предпринимателями сведений о загрязнении окружающей среды, санитарно-эпидемиологической и радиационной обстановке и факторах, оказывающих негативное воздействие на обеспечение безопасности каждого гражданина и безопасности населения в целом.

Решение проблем, по мнению И. Н. Литвиновой, заключается в присоединении России к Орхусской конвенции 1998 г. (Конвенция Европейской экономической комиссии ООН о доступе к информации, участии общественности в процес-

се принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды). Эта конвенция, которая возвела информационные требования на уровень важнейшего инструмента экологической политики государств, вступила в силу в октябре 2001 года, однако вопрос об участии в ней Российской Федерации до сих пор остается открытым. Конвенция обладает огромным правозащитным потенциалом, открывает большие возможности для гражданского общества. В то же время И. Н. Литвинова согласилась с мнением критиков скорейшего присоединения к конвенции без учета специфики ее механизма, что может быть использовано против политических, экономических и иных интересов нашего государства. Актуальные проблемы, представленные советником Уполномоченного по правам человека И. Н. Литвиновой в пленарном докладе, особенно злободневны для нашего промышленного региона, и поэтому они вызвали много вопросов участников конференции.

Директор АНО «Уральский центр медиации», общественный помощник Уполномоченного по правам человека в Свердловской области **О. П. Махнева** в своем докладе «Медиация – новый инструмент в России по защите прав человека» отметила, что наиболее эффективным методом для разрешения спорных и конфликтных ситуаций всегда считались переговоры. Но очень тяжело вести диалог с противоположной стороной, которая является твоим обидчиком, твоим противником, когда твои права нарушены. Именно медиация, ее специалисты, использующие восстановительные технологии, позволяют конфликтующим сторонам услышать друг друга, разобраться в причинах возникновения сложной ситуации, выявить ошибки или заблуждения всех участников конфликта, наладить их взаимодействие в целях разрешения конфликта и минимизации потерь. Особенно актуально использование медиации, если между сторонами возникли дряхлые отношения, потому что именно медиационная процедура позволяет не только завершить конфликт, но и выработать новые правила взаимоотношений, которые снизят риск подобных конфликтов в будущем. Таким образом, как отметила О. П. Махнева, медиация не только позволяет защитить человека сейчас и здесь, но и помогает выстраивать для него безопасное будущее.

Д-р юрид. наук, доцент УрГЮУ, руководитель регионального отделения МАКРО в Курганской области, адвокат-медиатор Адвокатской Палаты Курганской области **С. Э. Либанова** представила на пленарном заседании конференции доклад на тему «Конституционно-правовой механизм обеспечения прав и свобод человека как концепция регулирования общественных отношений». Необходимость концептуального, системного понимания процесса правового регулирования общественных отношений, формирующихся в процессе жизнедеятельности каждого индивида в период глобализации и значительных социально-экономических изменений в российском обществе, обусловлена, по ее мнению, не только экономическим кризисом, обострением международной обстановки, борьбой с коррупцией и иными рисками, но и требованиями времени. Для решения проблем С. Э. Либанова предлагает разработать и использовать концептуальный конституционный механизм обеспечения. Этот механизм, по ее утверждению, способен ускорить гармоничную интеграцию институтов государства и гражданского общества на основе кросс-культурного подхода к общечеловеческим ценностям, сделав правоприменение правовых норм нравственным, соответствующим конституционным принципам и презумпциям. Этот механизм состоит из пяти элементов, в том числе профессионально-правового общественного надзора со стороны особых, состоящих из юристов институтов гражданского общества, за обеспечением конституционных прав и свобод человека органами публичной власти, поименованного С. Э. Либановой как демокурия (от лат. *curia* – надзор и *de* – народ, народонадзор). Именно демокурия, по ее мнению, является ключом в

концепции регулирования общественных отношений и позволяет реализовать принцип народовластия, гармонично конституциализируя общественные отношения в России.

Канд. юрид. наук, доцент юридического факультета Гуманитарного университета, бизнес-тренер в области управления персоналом, ведущая семинаров и обучающих программ по профессиональным стандартам, по вопросам применения трудового законодательства и законодательства по охране труда, кадровому аудиту **Н. Н. Слабоспицкая** представила доклад на одну из самых актуальных тем современного общества – «Прогнозируемые проблемы реализации права на труд в условиях повышения пенсионного возраста». Она отметила, что повышение пенсионного возраста в Российской Федерации – процесс давно ожидаемый, однако он должен осуществляться плавно, с одновременным системным решением государством комплекса сопутствующих этому переходу проблем. Одной из таких проблем являются прогнозируемые трудности реализации лицами предпенсионного возраста права на труд, которые могут выразиться в ограничении доступа к рынку труда или потере работы. В то время как государство пытается решить эту проблему при помощи норм уголовного права, вводя уголовную ответственность за незаконное лишение вышеназванных лиц возможности трудиться, системный анализ норм трудового права показывает, что на вполне законных основаниях можно обойти нормы о запрете дискриминации по возрастному признаку. Способствуют этому и рекрутинг через ЧАЗы (частные агентства занятости), и подбор персонала с использованием технологий таргетинга (отбор определенной интернет-аудитории по заранее установленным фильтрам). Помимо данного факта, в новом институте независимой оценки квалификации уже заложены возрастные риски оказаться неконкурентноспособными на рынке труда, хотя из-за его пока повсеместного применения мы не можем явно это предвидеть. По мнению Н. Н. Слабоспицкой, требуются и изменение подхода к пониманию деловых качеств работника, и закрепление строгой дефиниции в трудовом законодательстве. Как известно, работодатель может отказать работнику в трудоустройстве, ссылаясь на отсутствие определенных деловых качеств. На данный момент, согласно позиции Верховного Суда РФ, под деловыми качествами работника понимаются личностные качества, включая здоровье. Соответственно, лица предпенсионного возраста попадают в легальную зону риска вполне обоснованного отказа в приеме на работу. Эти проблемы действующего законодательства нужно решать и исправлять; в противном случае все остальные попытки помочь лицам предпенсионного возраста найти или не потерять работу окажутся тщетными.

Старший преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета **А. Ю. Маракулин** проанализировал в своем выступлении актуальные проблемы защиты гражданских прав. Он отметил, что одним из вызовов нового века, как ни странно, становится технический прогресс, поскольку потребителю будут предлагать новые товары, результаты работ и услуги, в которых он, будучи дилетантом, понимает не все персональные возможности, а значит, угрозой становится недобросовестность профессионального предпринимателя, стремящегося воспользоваться неопытностью и неграмотностью потребителя-дилетанта. Категория «недобросовестность» в правовых определениях не имеет четкой дефиниции, хотя при анализе текстов нормативных правовых актов можно выделить два аспекта: информационный и поведенческий. Так, субъект признается добросовестным, если не знал и не мог знать об определенных обстоятельствах. В другом случае лицо считается недобросовестным, если умолчало об обстоятельствах, которые были значимы для другой стороны. Также недобросовестными признаются внезапные действия, которых другая сторона не могла разумно ожидать. Недобросовестность сопрягается и с таким явлением, как злоупотребление правом. Всё это,

по мнению А. Ю. Маракулина, заставляет искать дополнительные средства и меры противодействия недобросовестности и злоупотреблению правом.

Доцент УрГЮУ **Р. А. Файзрахманов**, выступая с докладом «Войны и вооруженное насилие в современных условиях как угроза правам и свободам человека», отметил, что вооруженное насилие и война как крайняя форма его проявления издревле сопровождают развитие цивилизации. И все это время они, представляя собой непосредственную угрозу и вызов миру и безопасности человечества, выступали и выступают антиподом правам и свободам человека. Никакая цель или идея, порождающие войну или насилие, не оправдывают обращения к ним как средству и методу разрешения многочисленных конфликтов, сопровождающих закономерное движение социума по пути прогресса. Прежде всего, они прямо и непосредственно посягают на первичное и естественное право человека – его право на жизнь. Наряду с этим попираются все без исключения остальные права и свободы человека. Современный уровень развития вооружений позволяет уничтожить саму цивилизацию как среду и форму обитания и функционирования *Homo sapiens*. Потому только неустанная, непрекращающаяся борьба за недопущение войн и вооруженного насилия, безусловный отказ от них в любой сфере общественных отношений гарантируют сохранение жизни на Земле во всех ее проявлениях, в том числе существование человека. Сегодня, как подчеркнул Р. А. Файзрахманов, со всей остротой стоит проблема мобилизации всех необходимых ресурсов, с тем чтобы идею полной ликвидации войн и вооруженного насилия, кажущуюся при определенных обстоятельствах утопической, материализовать и воплотить в реальность. Особое место среди этих ресурсов занимают средства и методы правового регулирования социальных отношений внутри государств и между ними.

Магистр частного права, член Совета Ассоциации «Юристы за гражданское общество» **Е. В. Макей** в своем выступлении-презентации «Итоги исследования наличия нормативно-закрепленных механизмов взаимодействия общества и власти в субъектах Российской Федерации» привела данные проведенного Ассоциацией «Юристы за гражданское общество» в январе–октябре 2017 года исследования нормативно-правовой базы 85 субъектов Российской Федерации. Данное исследование было нацелено на выявление и общий анализ нормативных правовых актов (далее – НПА), регламентирующих механизмы межсекторного взаимодействия (законы и подзаконные акты о диалоговых площадках, государственной поддержке социально ориентированных НКО, общественном контроле, благотворительности и добровольчестве). В результате был выстроен рейтинг субъектов. Е. В. Макей отметила, что если анализировать количество НПА, выявленных в рамках исследования по указанному выше классификатору (4842 НПА), то с очевидностью можно сказать, что самым развитыми в регионах блоками законодательства являются блоки НПА, регламентирующие деятельность Общественных палат, и НПА о поддержке некоммерческих организаций (все субъекты). Менее всего развиты блоки законодательства о поддержке и развитии добровольчества (волонтерства) и благотворительности. Законы о поддержке благотворительной деятельности приняты лишь в 25 субъектах России, подзаконные акты, способствующие развитию благотворительности, действуют в 47 субъектах. Законы о поддержке добровольческой деятельности приняты лишь в 9 субъектах России, подзаконные акты – в 22. Результаты исследования, как отметила Е. В. Макей, демонстрируют, что именно федеральное законодательство стимулирует развитие нормативной базы субъектов России, а нормативная база является основой и необходимым условием взаимодействия власти и общества. Итоги представленного Е. В. Макей исследования вызвали много вопросов и большой интерес участников конференции.

Также в рамках открытой дискуссии на конференции был рассмотрен ряд других актуальных проблем: «Проектирование индивидуального здоровья будущего юриста» (д-р пед. наук, профессор Гуманитарного университета Г. А. Ямалетдинова), «Особенности российской модернизации в правозащитной сфере» (д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета А. П. Семитко), «Право человека на благоприятную окружающую среду» (д-р юрид. наук, профессор УрГЮУ и Гуманитарного университета М. Н. Семякин) и др.

Традиционная октябрьская Международная конференция по правам человека в Екатеринбурге прошла успешно: среди участников конференции получили признание и развитие новые авторские концепции и подходы, новые идеи и проекты, касающиеся прав человека. Были обсуждены стратегии и проекты новых гуманитарных практик и просветительских, образовательных, научных мероприятий (конференций, круглых столов, семинаров, мастер-классов, обучающих практикумов, курсов повышения квалификаций, образовательных семинаров), посвященные правам человека, в том числе гражданским, политическим, экономическим, социальным и культурным правам и свободам человека, а также деятельности российского и региональных омбудсменов, др. Обсуждение проблем, поставленных спикерами и участниками конференции, будет продолжено на заседаниях теоретического семинара преподавателей и аспирантов юридического факультета Гуманитарного университета, научно-исследовательских семинарах магистров ГУ, на традиционной научно-практической конференции Гуманитарного университета (апрель 2019 года) и межвузовских, всероссийских и международных научных конференциях и форумах по правам человека.

Irina Nikolaevna Litvinova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Counsellor of Human Rights Ombudsman in Sverdlovsk region
(Ekaterinburg)

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Science, Professor, Head of Human Rights Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**Human Rights amid Challenges, Threats, Risks of the 21st Century
(the Conference Materials Overview)**

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

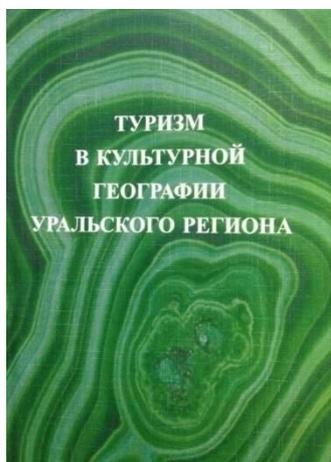
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятий по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

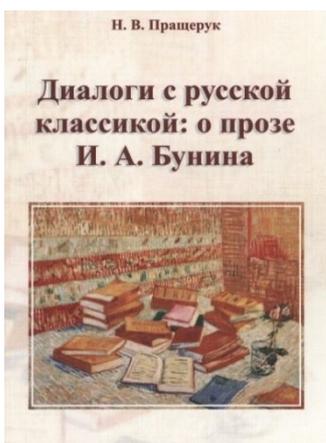
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

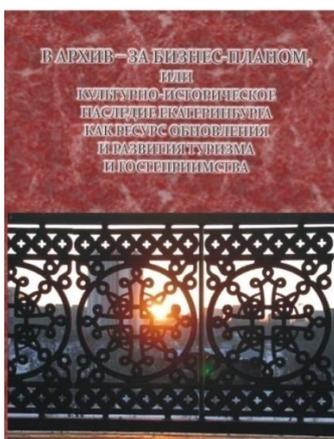
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

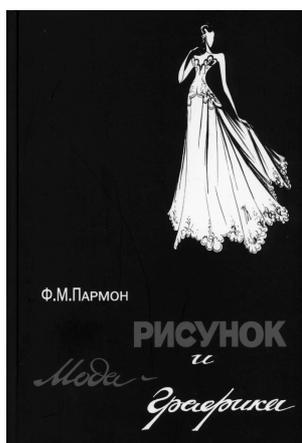

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение
по программам магистратуры на 2018/19 учебный год
по следующим направлениям:

- Психология (37.04.01)
- Экономика (38.04.01)
- Юриспруденция (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре
составляет 2 года по очной форме,
2,6 года по очно-заочной и заочной форме*

Подготовка магистров в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

- Психология (37.04.01)
Очная форма – 7 мест
Очно-заочная форма – 6 мест
- Экономика (38.04.01)
Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 6 мест
Заочная форма – 5 мест
- Юриспруденция (40.04.01)
Очная форма – 8 мест
Очно-заочная форма – 9 мест
Заочная форма – 10 мест

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

Бюджет:

- Все формы обучения – с 1 июня по 10 августа

Внебюджет:

- Очная форма – с 1 июня по 24 августа
- Очно-заочная форма – с 1 июня по 25 сентября
- Заочная форма – с 1 июня по 25 октября

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

* 2,5 года по очно-заочной и заочной форме (юриспруденция)

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет 3 года (очная форма), по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется на платной основе.

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

Прием документов с 01.06.2019 г. по 13.09.2019 г.

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2018. № 4 (23)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 25.12.2018.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 12,21
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3